

ЛЮБОВНЫЕ РОМАНЫ • КНИГИ О ЛЮБВИ

РАСЧЕТ *на - королевски*

Хизер Лайонс

Каждые десять лет монархи государств со своими наследниками собираются втайне от всех для обсуждения вопросов мировой политики и социальных проблем. Ну и чтобы организовать браки между королевствами. Эльза может стать наследной принцессой Ваттенголдии, но для неё вся эта ситуация представляется устаревшей и отвратительной. Несмотря на то, что она желает лучшего для своей страны, она не собирается бросаться в нежелательные отношения — не говоря уже о браке — с виртуальным незнакомцем. И, конечно, её родителей не сильно волнуют чувства дочери: как только они прибывают на Саммит в Калифорнию, сразу начинают проворачивать свои делишки, заключая за её счёт торговые соглашения и союзы. Поэтому при столкновении с ослепительно красивым представителем королевской династии она без колебаний заявляет ему, что ни при каких условиях не выйдет за него замуж. Кристиан был несказанно рад этому: никаких браков! Будучи Великим Герцогом Эйбоганда, он решил, что самое главное для него сейчас — пережить этот Саммит и чтоб никаких навязанных невест. Именно поэтому он полагает, что они могут быть полезны друг другу в этом деле. По мере того, как Кристиан постепенно узнает Эльзу, он понимает, что у них гораздо больше общего, помимо их отношения к королевскому брачному рынку. Только вот ему нельзя увлекаться ей, ведь неважно — герцог он или нет, они не были созданы друг для друга. Эльзе и Кристиану придётся взвесить на одной чаше весов дела сердечные, на другой — статус и корону, и решить, стоит ли позволять традициям вставать на пути любви.

Хизер Лайонс

«Расчет по-королевски»

Оригинальное название : *Royal Marriage Market by Heather Lyons*

Хизер Лайонс — «Расчет по-королевски»

Автор перевода: *Ольга Г.*

Редактор: *Вероника О.*

Вычитка: *Настя З.*

Оформление: *Ирина Б.*

Обложка: *Ирина Б.*

Аннотация

Каждые десять лет монархи государств со своими наследниками собираются втайне от всех для обсуждения вопросов мировой политики и социальных проблем. Ну и чтобы организовать браки между королевствами.

Эльза может стать наследной принцессой Ваттенголдии, но для неё вся эта ситуация представляется устаревшей и отвратительной. Несмотря на то, что она желает лучшего для

своей страны, она не собирается бросаться в нежелательные отношения — не говоря уже о браке — с виртуальным незнакомцем. И, конечно, её родителей не сильно волнуют чувства дочери: как только они прибывают на Саммит в Калифорнию, сразу начинают проворачивать свои делишки, заключая за её счёт торговые соглашения и союзы. Поэтому при столкновении с ослепительно красивым представителем королевской династии она без колебаний заявляет ему, что ни при каких условиях не выйдет за него замуж.

Кристиан был несказанно рад этому: никаких браков! Будучи Великим Герцогом Эйбоганда, он решил, что самое главное для него сейчас — пережить этот Саммит и чтоб никаких навязанных невест. Именно поэтому он полагает, что они могут быть полезны друг другу в этом деле. По мере того, как Кристиан постепенно узнает Эльзу, он понимает, что у них гораздо больше общего, помимо их отношения к королевскому брачному рынку. Только вот ему нельзя увлекаться ей, ведь неважно — герцог он или нет, они не были созданы друг для друга.

Эльзе и Кристиану придётся взвесить на одной чаше весов дела сердечные, на другой — статус и корону, и решить, стоит ли позволять традициям вставать на пути любви.

Саманта Джонстон, репортёр «Ритм ЛА», посещает свадьбу одного из самых горячих актёров Америки, в надежде выяснить имя его таинственной невесты. Вот только когда Саманте удастся проникнуть в церковь, в конце концов, именно она произносит «согласна».

Глава 1

Эльза

Всякий раз, смотря на свое напечатанное полное имя, растянувшееся в буквах и словах, подобно одежде, свисающей с верёвки, моя реакция оставляет желать лучшего. Понадобились годы, чтобы привыкнуть к нему и избавиться от физического неприятия его вида или звучания — Эльза Виктория Эвелин София Мари.

Чаще всего девочкам дают имя и отчество или, бывает, два отчества, если родители так желают, а также в случае сильных семейных традиций. Иногда дают имя через дефис, как, например, Лили-Энн или Элла-Мэй. А имя, которое мне даровали родители — заявляло миру о том, кем я являлась. Это пять чёртовых имен, слишком долгих и висящих вокруг меня, как петли.

— Ты принцесса, — вразумляла меня мать, когда я задавалась вопросом, почему они с отцом так переусердствовали при выборе имени.

Не знаю, справедливо ли это, ведь у моей сестры (тоже принцессы) было всего три имени: Изабель Мадлен Роуз. Тоже не коротко, но куда терпимее. Даже мой отец, прославленный Принц Ваттенголдии Густав IV, не использовал так много имен; его потолком было четыре. Серьёзно, я не знала никого — ни среди голубых кровей, ни среди прочих — чьё имя было бы настолько растянутым.

Только у меня.

— Ты наследная Принцесса Ваттенголдии! — уточнила моя мать, продолжая давление. — В один прекрасный день ты станешь правителем нашей великой земли.

У правителей, очевидно, ужасно длинные имена, даже в таких крошечных владениях, как наше, пребывающее в относительной, хоть и довольно обеспеченной, неизвестности, где-то в Северной Балтике. Я часто задумываюсь над тем, а не стану ли я такой же бессердечной со своими детьми. Буду ли я обременять их подобными изощрёнными именами, когда между

слогами ещё должен присутствовать воздух. Очень надеюсь, что нет, но, истина такова, что я неравнодушна к традициям, особенно когда они касаются трона Ваттенголдии.

Поправочка — к большинству традиций. Потому что я точно не стала бы следовать той из них, о которой мне поведал личный помощник отца.

Письмом от секретаря Совета Монархов, содержащим официальное приглашение для Её Королевского Высочества Наследной Принцессы Ваттенголдии Эльзы Виктории Эвелин Софии Мари.

Вздохнув, я извлекла на удивление тяжелое послание из покрытых пигментными пятнами рук Биттнера, будто сапёр под дулом пистолета, который должен перекусить правильный проводок, рискуя поднять на воздух всё здание. Последнее — учитывая то, что ждало меня внутри — представлялось наиболее предпочтительным вариантом.

— Ну, спасибо.

Улыбку Биттнера можно описать, как вызывающую желание вмазать в морду, хоть я и покажусь грубиянкой, а совсем не принцессой, или как там мои родители утверждают. Они решили попытаться обуздать мою так называемую "грязную" и ненормативную лексику, так как "правители, не говоря уже о Наследных принцессах, не разговаривают на языке портовых грузчиков". Следует заметить, что они сами лично не знакомы ни с одним портовым грузчиком. Те, которых встречала я, пока работала в нашей судоходной индустрии, говорят вполне прилично.

Конверт выпал из моих рук на письменный стол, издав глухой звук.

— А папа уже видел его?

— Я передал Его Светлости незадолго до того, как прийти сюда.

Этого следовало ожидать.

— Он не откупорил бутылку самого лучшего шампанского после его вскрытия?

Совершенные манеры Биттнера не позволяли ему признать то, что это был как раз тот случай. Поэтому он сказал твёрдым и спокойным голосом, который идеально подошёл бы для озвучки кино-трейлеров:

— Принц Густав был весьма рад получить своё приглашение.

Могу себе представить. Целую неделю якшаться со своими друзьями из высшего общества! У него, вероятно, пена идёт изо рта от перспективы сбежать подальше из страны, да ещё и от моей матери.

Я оглядела конверт на моём столе, представляя детскую вертушку внутри, готовую бабахнуть, в тот момент, когда я вскрою его апокалиптическое содержимое.

— Полагаю, он будет настаивать на нашей поездке.

Как глупо было с моей стороны озвучить это, потому что, вне сомнений, папа уже отдал приказы на подготовку к путешествию. Вопросы о том, поедем мы или нет, никогда не стояло, так как не было случая, чтобы члены королевской семьи отклоняли приглашения на такое особенное событие.

Я подождала, пока Биттнер уйдёт, прежде чем снова взять приглашение в руки. У меня была назначена встреча в любимой детской больнице через час, так что действовать надо было быстро. В то время как мой серебряный открыватель писем тихонько шипел по бумаге, я напомнила себе, что чтобы там ни было, это не стало бы проблемой сейчас, являясь я уже чей-то женой. Будучи не замужем в свои двадцать восемь лет, я считалась одной из самых завидных невест в мире. А то, что я была следующей в очереди на трон, даже такой незначительный, делало меня еще желанней для женихов. Не то, чтобы я презирала мысль о

браке, это не так. Если всё сделать правильно, то он мог бы стать заманчивым искушением, и обеспечил бы комфорт и дружеское общение в такой жизни, как у меня. Вот только ничто до сих пор ни привело меня к тому, чтобы я сочла необходимым соединить своё чудовищное имя и семейный багаж с кем-либо. Поиск подходящего человека, с которым хотелось бы разделить жизнь, задача довольно непростая. Мои последние несколько попыток на романтическую связь с треском провалились.

Совсем недавно я совершила ошибку, решив сделать более близкими отношения с бывшим одноклассником. Это был очень знаменательный день для прессы. Нильс и Тринни были засняты, пока лапали друг друга на склонах, в то время, как я каталась на лыжах. К моему большому огорчению, заголовки "Обожаемый граф из Швеции изменяет принцессе Ваттенгольм — выдержат ли они это испытание?" неделями муссировалось в местных газетах, журналах и на телевидении. До Нильса был Тео и его, совершенно неожиданное решение, что церковь подходила ему больше, чем дворец. До Тео была моя подростковая любовь — Каспер, который не был даже свободен. Прочих джентльменов из моей истории не стоит даже и упоминать.

— Тебе обязательно быть такой придирчивой? — частенько жаловалась мама. И меня это одновременно и забавляло, и обескураживало, потому что можно было бы предположить, что её Светлость желала, чтобы принцесса вышла замуж за человека с сильным характером. Лично я никогда не назвала бы придирчивой леди, которая застала своего бойфренда в момент измены с её, так называемой, подругой. И, впоследствии, выбросившей их подлые задницы из своего круга общения. То была чистой воды практичность.

Всё же я была искренне благодарна — или, вернее сказать, почувствовала облегчение — от того, что избавилась от таких отношений прежде, чем они переросли в нечто серьёзное. Часть меня сожалела о том, что я не обручилась, даже временно, с каким-нибудь милым местным парнем до того, как наступит кошмарный дурдом, известный как Десятилетний Саммит. Я наивно полагала, что у меня есть время. Время влюбиться. Время самой найти кого-то. Время вжиться в свою роль по управлению княжеством.

Да, времени почти не оставалось, потому что Королевский рынок брака (или КРБ, как его называют неудачливые холостячки, вроде меня) уже на расстоянии вытянутой руки.

По спине прошла дрожь раздражения, когда я, наконец, сорвала бумагу с конверта.

*Лорд Шрусбери,
от имени
Монаршего Совета,
приглашает разделить радость от участия в
Десятилетнем Саммите
в Херст-касле, который начнётся 23 апреля.*

Я откинулась на спинку кресла, всматриваясь в слова передо мной, пока они полностью не растворились. Три дня? Осталось три чёртовых дня до того, как Его Светлость и его любимые королевские приспешники перейдут в наступление, подавляя своим стремлением организовать, чтобы в самом обозримом будущем я и мой род обзавелся наследниками?

Завёлся механизм часов Судного дня, и каждая секунда является грозным напоминанием о полном крахе, что ждёт меня впереди. Лёгкий приступ паники поселился в

лёгких и груди, и я задыхалась, как рыба, выброшенная на берег.

Спокойно, Эльза. Ты наследная Принцесса. И ты будешь вести себя именно так. И не допустишь, чтобы что-то влияло на тебя. Даже это.

Я сосредоточилась на тех деталях послания, что могли развеять мои страхи, до той точки, которую я могла вынести. Я вдыхала и выдыхала. Точно настраивала своё внимание, пока оно не сконцентрировалось, словно лазер, на серебряных словах, зажатых в руках. Глубокий вдох. Двадцать третье апреля. Глубокий выдох. Херст-касл. Глубокий вдох...

Херст-касл!?

Я мысленно пробежалась по именам дворцов и замков, населенных другими королевскими особами по всей Европе. Может быть, это... нет. Может быть... тоже не тот. Я перешла на многочисленные поместья, прочесывая имя за именем, но никак не сходилось. Я открыла свой ноутбук.

Результат не заставил себя долго ждать. Херст-касл не был настоящим замком. По крайней мере, не европейским, и в нём точно никогда не обитали представители голубых кровей. Фактически, это была усадьба в Калифорнии, окружённая несколькими гостевыми домиками.

Твою мать!

Я нажала на одну из ссылок, где узнала больше о его местоположении. Раньше оно принадлежало кому-то из газетного бизнеса — богатому и влиятельному человеку, что, по всей видимости, сделало его чем-то вроде американской знати. В настоящее время здание является историческим памятником США, которое ежедневно открыто для посещений.

Я чуть не порвала в клочья это приглашение, но всё же решила взять себя в руки. Монарший Совет хочет отправить всех царствующих государей мира и многих их наследников в популярное туристическое местечко в Калифорнии?

Совет, что, спятил?

В праведном порыве гнева я выскочила из своих апартаментов, сжимая в кулаке лист бумаги. По правилам такта я должна была сначала позвонить, или хотя бы постучать, но, так как между Десятилетним Саммитом и моей свободой было всего несколько драгоценных дней, я отбросила манеры с этикетом, и распахнула дверь офиса отца. Биттнер был подле Его Светлости, но это не волновало меня. Он работал при династии Васа достаточно долго, чтобы знать обо всех наших причудах, в том числе и о моём горячем темпераменте, который вспыхивал в самые неподходящие моменты. Как и сейчас, когда я была так расстроена, что едва могла ослабить пальцы, чтобы должным образом потрясти приглашением перед лицом отца.

— Бог мой, Эльза, ты не на шутку раздосадована, — отец сиял, как солнышко, едва улыбаясь мне. — Не знаешь, Биттнер, что же смогло вдохновить Её Высочество забыть про свои манеры?

Прежде, чем Биттнер смог ответить (не то, чтобы я думала, что он стал бы), я кинула с размахом бумагу на античный стол, возвышавшийся посреди комнаты.

— Это шутка?

Я была абсолютно уверена, что он знал, о чем я. Но Его Светлость надел очки для чтения и всмотрелся в текст.

— Я надеялся, что ты уже справились со своей... — его губы сморщились, когда он, скорее всего, попытался как можно дипломатичнее сформулировать причину моего неистовства. — Нерешительностью по поводу Саммита. Ты ведь знала, что он состоится в

этом году.

Он не просто Принц Ваттенголдии, еще и Принц Такта, потому что я не раз, (естественно, за закрытыми дверями) выражала свои искренние чувства по поводу Десятилетнего Саммита. Я должна уточнить, что не конкретно Саммит выводил меня из себя, а постыдный КРБ. Потому что на протяжении уже почти пятисот лет союзы, устроенные на Саммите, который проходит каждое десятилетие, часто затмевают достижения законной дипломатической работы. В сущности, холостые наследники возрастом больше двадцати пяти лет редко покидают Саммит в одиночестве. Как ягнят, на убой гонят и мужчин, и женщин.

Это была именно та традиция, частью которой я не желала становиться, и для которой не могла найти места в своём сердце.

Но эта ужасающая, архаичная возможность не имела значения на данный момент. Принц знал то, как я отношусь к этому, и, то, как резко он обозначил свою позицию в прошлый раз, когда я затеяла дебаты, не оставляло мне шансов. Впереди мне ещё предстоят новые битвы. В лёгкие поступал успокаивающий кислород, пока я натягивала невозмутимую улыбку.

— Не это, — я нажала на лист бумаги. — Это.

Тёмно-синие глаза, очень похожие на мои, сощурились за очками.

— Боюсь, я не...

— Ты знаешь, где находится Херст-касл?

Он слегка вскинул кустистые брови, обнаруживая своё возмущение.

Чёрт! Я рывкнула на него... Отец он мне или нет, но он по-прежнему мой государь и заслуживает моего уважения. Мне потребовался ещё один глубокий вдох, чтобы продолжить.

— Мои извинения, — я приняла более подобающую, благовоспитанную позу, когда сложила одну руку передо мной поверх другой. — Я просто хочу знать, осведомлены ли Вы о соответствующих деталях его расположения?

Когда он откинулся на спинку стула, на весь его, удивительно скромный, но элегантный личный кабинет раздался скрип.

— Это же, чёрт его побери, место сбора туристов в США!

На это Биттнер коротко, сдавленно кашлянул. Я ещё раз быстро извинилась. Если я не начну контролировать себя, наследная я Принцесса или нет, то в кратчайшие сроки окажусь по другую сторону двери.

Пальцы отца сложились перед его лицом в домик. Это были длинные пальцы, когда-то элегантные, теперь же отмеченные временем и артритом.

— Я хорошо осведомлен о том, что такое Херст-касл и где он находится, Эльза.

А-а, ну конечно, он знает. В конце концов, он служил в Монаршем Совете, хоть и сейчас в гораздо сокращённом объёме, с двумя сердечными приступами за три года. Тем не менее, я бы никогда не подумала, что мой папа настолько наивен в отношении отправки большого числа монархов и их наследников в такое публичное место.

— А как же террористы?

Когда я была моложе и теряла контроль над своими эмоциями, отец напоминал мне, что подобный пыл нисколько не помогает монарху. Ключом к тому, чтобы оставаться грамотным правителем, является спокойный и ясный разум. Никогда не нужно делать скоропалительных решений или ввязываться в спор, когда твои эмоции берут над тобой верх. Продуктивность и добродетель не могут произрастать на накалённых чувствах, даже тех, что

возникли из лучших намерений.

Этот урок я так и не смогла освоить, и новым поднятием брови он напомнил мне, что не потерпит продолжения выходки.

— Террористы?

— Меня беспокоит наша безопасность, которая может оказаться под угрозой во время Саммита. Пока большинство наших королевств и княжеств — конституционные монархии, последствия могут быть разрушительными, если что-нибудь случится с кем-то из присутствующих там членов королевской семьи. Что, если кто-то пронюхает насчёт Саммита? Нападёт на нас?

С одной стороны его тонкие губы скривились в еле заметную улыбку.

— Кто-то вроде террористов?

— Не может быть, чтобы я была единственной, кто понимает, что это невероятно ужасная идея созывать всех монархов мира вместе с их наследниками в одном месте, да ещё в таком публичном?

— И, тем не менее, мы собирались каждое десятилетие в течение многих столетий без инцидентов, Эльза. Во время Десятилетнего Саммита у нас ни разу не произошло какого-либо теракта, не говоря уже о единичных преступлениях.

Он был прав. Несмотря на постоянное освещение в прессе наших романтических провалов, представители королевских семей чрезвычайно тщательно прятали своё грязное бельё за закрытыми дверьми. И всё же я не могла промолчать.

— Со всем уважением, я настаиваю на рассмотрении новой политики двадцать первого века. Граждане многих стран желают свергнуть монархию, считая её устаревшей и ненужной в свете демократии и социализма. Саммит — это прекрасная возможность для всех недовольных, чтобы...

— Ты уверена, что настоящая причина для твоего беспокойства — наша безопасность? — он тихо щёлкнул языком в укор. — Или оно больше связано с твоим раздражением по поводу КРБ?

Ну да, но...

— Я просто говорю...

— Может, мне стоит напомнить тебе, что мы с твоей матерью были обручены на КРБ?

Ну, так он вряд ли сможет меня переубедить. Мои родители, сведённые вместе политикой, не испытывали друг к другу любви. За исключением меня, Изабель и Ваттенголдии, у них почти ничего общего не было. Они даже не общались, пока не оказывались в общественных местах, или если не было необходимости, помимо привычных рукописных записок или сообщений, передаваемых через своих личных секретарей. Поскольку мне претило созерцать всё это, я была уверена в том, что они даже словом не обмолвились во время зачатия своих детей. Скорее всего, была написана и отправлена такая записка: "Давай заделаем наследника. Восемь часов вечера, в моей комнате. Лучше заранее напиться".

Что ж, да. Может быть, у моей матери были веские основания выбрать такую жизнь. Наверное, я требовательна, так как желаю, чтобы, если и когда я соединю свою жизнь с кем-то, это будет тот, с кем хотя бы смогу поговорить. И буду уважать. Неужели так плохо, что я хотела бы всё, как в сказке? Не как в тех ужасных местах про отравленные яблоки или заклинания на вечный сон. Я даже не требую принца, не говоря уже о том, чтобы он был очаровательным. Моя жизнь являлась сплошной работой. Обязанностями. Важностью. Когда

придёт день и я, полагаю, взойду на трон, то я просто хочу рядом человека, на руку которого, я с удовольствием бы оперлась. И если я не смогу такого найти, то предпочла бы не вступать в брак вовсе.

И я сказала отцу:

— Я прекрасно знаю об этом, сударь.

Он снял свои очки и положил на стол.

— Позволь мне заверить тебя, что все соответствующие меры будут приняты, и место будет под охраной. В этот самый момент, Херст-касл закрыт для публики на реконструкцию и реставрацию, и следующие два месяца не планирует открываться для посещений. Раз его расположение стало сегодня новостью для тебя, то знай, что Монарший Совет тесно сотрудничает с американским правительством в течение почти двух лет, чтобы Саммит прошёл без сучка и задоринки.

Его слова, такие чёткие и без излишеств, не оставили шансов на спор.

— Уверен, что тебе интересно, почему был выбран Херст-касл, — продолжил он. — Если так, то я удовлетворю твоё любопытство. После долгих дискуссий, МС решил, что лучше встретиться на нейтральной территории. Соединенные Штаты — хороший выбор. В то время как мы легко могли бы обойтись гостиницей, многие считают, что такое событие, как Десятилетний Саммит заслуживает чего-то особенного. Херст-касл и его история отвечают всем требованиям.

Я чуть ли не билась головой об стену.

— Он больше не используется как резиденция!

— И об этом я тоже осведомлён, Эльза.

Так он сообщил мне, что ни один из моих аргументов не имел никакого веса. Далее разговор не имел смысла.

Я хотела бы донести:

— Это ловушка для туристов.

Он бы противостоял:

— Мы уже обсудили этот вопрос.

Я бы продолжила:

— Из того, что я видела на их сайте, там не очень много места для такого большого банкета.

Он бы ответил:

— Этим он и привлекателен.

Я бы не унималась:

— А где все будут спать? Нам нужно будет подумать и о наших работниках! Мы что, все будем жить в палатках?

Он бы промолвил:

— Ты слишком сильно волнуешься. Об этом позаботятся.

Я бы отчаялась:

— Пожалуйста, не вынуждай меня становиться частью КРБ!

И он бы отрезал:

— Династия Васа живёт и умирает согласно традициям.

Но ничто из этого не было сказано. В этом не было необходимости, не тогда, когда диалог был таким предсказуемым. Вместо этого я продолжала молчать, ощущая свое поражение, когда он снова взялся за ручку.

— Ты лучше поторопись, если собираешься успеть на свою встречу. Уверен, дети будут сильно разочарованы, если ты пропустишь чтение сказки.

Проще говоря — мое прошение отклонено.

Я уже стояла у дверей, когда он добавил:

— Пожалуйста, передай сестре, что она тоже поедет с нами. Мне предстоит заняться жизненно важным делом на Саммите, и обе мои девочки должны быть со мной.

Сначала я была ошеломлена, но это было глупо с моей стороны. Конечно же, Изабель поедет. Она будет привлекательной разменной монетой, в конце концов.

Три дня. Осталось три дня до моей поездки в Калифорнию. Три дня до того, как Королевский рынок брака раскроет свои двери, после десятилетнего перерыва.

Три дня, после чего жизнь, какой я её знаю, изменится, хочу я того или нет.

Глава 2

Кристиан

Моя мать, или, как мы с братом неласково называли её, Волчица, похлопала меня по плечу, будто мне снова было четыре года, буровя меня глазами из-за конверта, что я бросил на свой стол.

— Ты должен был обрадоваться этому, Кристиан. Вместо этого ты выглядишь так, словно на виселицу отправляешься. Ты на все сто процентов уверен, что не гомосексуален? Или, возможно, тебя никто и вовсе не интересуется? Большинство мужчин из моего окружения были бы в восторге от перспективы столь крупных потенциальных завоеваний в таком маленьком месте.

В её руках был бокал-тюльпан с отпечатком помады на ободке, когда она вторглась в моё личное пространство. Неужели сейчас три грёбанных часа дня? Я отмечаю про себя, напомнить Паркеру, что он должен был более ответственно отнестись к своей работе, составляя моё расписание таким образом, чтобы подобные встречи с мамой были невозможны.

Я сменял выражение лица и позу, пока не выбрал те, что скрывали мои чувства. Потому что, черт возьми, да, всё это очень напоминало виселицу. Во-первых, Волчица вошла в моё внутреннее святилище без предупреждения. Она бесшумный зверь, который подкрадывается к своей добыче и нападает, когда та меньше всего ожидает. Во-вторых, она размахивает приглашением, похожим на моё, так что она здесь, чтобы позлорадствовать. И, в-третьих... Я отказываюсь смотреть на какой-либо лист бумаги и показывать свои истинные чувства, даже если она о них уже догадалась, а тем более позволять ей торжествовать.

Она упала в стоявшее рядом кресло, мягко шурша платьем по отвратительным нейлоновым чулкам, которые она, скорей всего, будет носить каждый день, до конца жизни. Затем она жестом указала на кресло напротив неё.

— Подумай обо всех красивых девушках, которые там будут. Ух, могу себе представить, как сильно они захотят раздвинуть для тебя ноги.

В мою кожу как будто вторглись пожарные муравьи, в то время как я изо всех сил старался подавить содрогания мышц. Услышать такое из уст моей, так называемой, почтенной матери было омерзительно. Не то, чтобы это было редкостью, так как она обожала пытать меня и моего брата Лукаса своим извращенным юмором, предназначенным только для наших ушей. Для остальной части страны и мира в целом, она была грациозным и

сдержанным воплощением респектабельной современной Великой Княгини, чьи речи цитировались миллионами поклонников. Поэтому-то она и была Волчицей: хитрой, коварной, способной скрыться из вида, чтобы пожирать тех, кто был слабее её.

Если бы она не была Её Королевским Высочеством Великой Княгиней Эйболенде Бритт, то блистала бы как звезда кино или театральная актриса.

Я смог избежать её влияния в течение большей части моей жизни. Я был отправлен мальчишкой в закрытую школу-интернат, затем в Америку для поступления в университет, а после на несколько стажировок в рамках военной службы. Получается, что я прожил больше лет в Англии, США и на Ближнем Востоке, чем в Эйболенде, великом Герцогстве, состоявшем из ряда крошечных островов между Эстонией, Швецией и Финляндией. Несмотря на то, что потомственный Великий Князь не мог вечно избегать своих обязанностей. Недавно я вернулся домой, и по настоящее время проживал под одной крышей с моим братом и родителями впервые с момента, когда мне было восемь лет.

— Больше всего я благодарен за возможность представлять нашу страну на встречах в рамках Саммита, — это то, что я сказал Волчице. И буду я проклят, если позволю ей втянуть меня в еще один тщетный раунд, где я, в основном, буду умолять о пощаде, в то время как она будет хохотать, видя, что я исполняю ее указания.

В свои тридцать лет я считался одной из самых завидных партий в мире, это при том, что, несмотря на наше огромное богатство, Эйболенд почти всегда остаётся затерянным на фоне более крупных центров влияния в рамках Европейского Союза. У меня были высокие оценки на всех курсах бакалавриата и аспирантуры в престижных университетах Соединенных Штатов. Я являлся спонсором нескольких благотворительных организаций в Эйболенде, Америке и ряде стран Африки. Я отслужил две стажировки в разоренных войной странах на Ближнем Востоке, скрывая свой титул и отказываясь от привилегий. В то время как другие князья вели разгульный образ жизни на публике, я смог оставаться в тени, сохранив безупречную репутацию. Принц Зелёная тоска — титул, которым меня нарекли, совсем не зная, кем я был, и меня он вполне устраивал. Лучше быть скучным, чем слыть кем-то из тех пэров моего возраста, нарвавшихся на неприятности. Я знал, как сохранить то, что у меня было, в отличие от этих растяп. И от собственного брата, который, всего несколько месяцев назад обнаружил фото себя с расстёгнутой ширинкой без сознания с зажатой в руке бутылкой текилы в национальной газете. Младше меня меньше чем на год, Лукас проводил большую часть своего времени в пьянках или зажимаясь с фанатками. Он так жил, пока я прикидывался идеальным, блин, роботом-принцем для страны, о которой большинство людей в мире никогда не слышали.

И теперь, моя волевая мать требовала от своего идеального наследника быть полностью согласным с её планам на меня — жениться на дочери какого-нибудь монарха и обрюхатить её как можно скорее. Я понимал, что должен думать о том, чтобы остепениться, но для меня это не значило, что я должен трахать там каждую доступную женщину, которую смог бы найти. Дело в том, что мне тридцать лет.

Мой выбор должен был стать моим.

Великая Княгиня уже затевала разговор на эту тему месяцем раньше. После вдохновенной речи о важности качественной медицинской помощи, голос матери стал едко кислым, когда она стала рассуждать о том, как она это видит. Разве не из-за этого ты был в Америке? Сейчас твоё внимание должно быть направлено на поиск женщины. А, как родится наследник, вперёд, пускайся во все тяжкие без обязательств, сколько влезет. Но

сначала исполни свой долг.

Класс! Любит же Волчица этим травить.

Несмотря на то, что она говорила и думала, провалиться мне на месте, если я появлюсь на Саммите как козёл на закланье, или даже хуже — как мужчина, готовый продаться на аукционе тому, кто предложит наивысшую цену. Должен же быть какой-то выход!

— Помяни мои слова, Кристиан, — её ногти цокали по хрусталу в руке. — Ты хорошо представишь нас на Десятилетнем Саммите.

Я предпринял другой тактический ход, гораздо более коварный.

— Он будет в Калифорнии, Ваше Высочество.

Одним из бонусов жизни за рубежом было то, что моя мать ненавидела поездки куда-либо за пределы Европейского союза. Да вообще куда-либо за границы нашего маленького скандинавского уголка планеты. Она была наихудшим вариантом ксенофоба. Немалых усилий стоило отцу — испанскому герцогу — оставаться в стране.

Её светлые глаза блуждали по висящим по краям широкого окна белым шторам.

— Интересно, много ли там солнца?

Уж точно, немного солнца было сейчас в Норслоу. Резкие диагонали молний разрывали небо на части, не оставляя ничего, кроме уныния и тоски.

— Из достоверных источников мне стало известно, что на Саммит прибудет самая младшая принцесса Ваттенголдии.

Ох, ну сколько можно!

На протяжении многих лет мать была одержима идеей женить меня на младшей принцессе Ваттенголдии, так как жаждала запустить руки в сундуки их зажиточной казны, или, как минимум, её части, раз княжество завязано на судовых реестрах. А я всё не мог понять этого, потому что благодаря нашим заманчивым предложениям по банковским стратегиям, Эйболенд был гораздо зажиточнее. Это мать не волновало. Она спала и видела, как скинуть своего сына... хрен его знает, как её зовут вообще... на Идину? Ирину? Ингу? Без разницы, Волчица хотела заполучить её, лишь ради того, чтоб обеспечить себе очередной кусок прибыли.

Мне ещё не доводилось встречаться с этой девушкой, либо с её сестрой, которой должен достаться трон. Вся информация о наследниках династии Васа доходила до меня либо от мамы, или же из прессы. Обе сестры были близки мне по возрасту и происходили родом из крошечного княжества северной части Балтики, занимавшего столько же места на карте мира, как и Эйболенд. Но даже если эти девушки прекрасные, умные, забавные, или что-то там ещё, это не меняло того факта, что я никогда бы не связал себя узами с кем-либо, кому продавала меня моя мать.

Люди кричали, поднимали бокалы, со мной первым чокались. Мне не стоило так много пить сегодня, и тем более не в пабе. Но после часовой лекции, которой моя мать пыталась меня днём, подробно расписывая причины, по которым я должен присмотреться к ваттенголдской принцессе, я поставил перед собой цель, сделать остальную часть дня мутным пятном. Либо утопиться в пиве, или же сброситься с городского моста.

— Остановись, пока не поздно, — Лукас тихонько предупредил. — Там до хрена мобильных, направленных в нашу сторону. Ты ведь не хочешь давать Её Высочеству повод?

Говнюк.

Я даже не посмотрел на брата, когда сказал ему "отвали". Зато взглянул на своего личного секретаря, лишь для того, чтобы увидеть, как он еле заметно кивнул в знак согласия. Хотя я и был взбешён от того, что сказал брат, но Паркер почти всегда был прав. Единственный раз я оступился в Америке, когда был на вечеринке братства, и в чертовски пьяном состоянии сдружился — лучшего слова и не найти — с несколькими дамами, которые без раздумий продали видео прессе. Вскоре меня вызвали домой, чтобы там Великая Княгиня смогла обрушить на меня свой гнев и множественные угрозы. По словам матери, я был не лучше парней с острова (которые, как я понял, были из Англии, хотя могли просто называться островными парнями), и она не собирается мириться с тем, что я смешал репутацию семьи с грязью.

Не обращая внимания на то, что я только что буркнул своему брату, Паркер незаметно отодвинул в сторонку мой недопитый стаут — пятый за ночь. Именно тогда я заметил Леди Отем Хорнаф Бойркзунд, подходившую к нашему столику в тот момент, когда мой секретарь благоразумно предположил, что нам пора идти: каблуки во все пять дюймов, длинные светлые волосы и самодовольная улыбка, украшавшая её не в меру пухлые губы.

— Так-так, — растянул Лукас, когда она подошла к нам. — Посмотрите, что вылезло из своего гроба. Явилась, чтоб высосать из нас жизнь, Отем?

Эта дама и мой брат не особо ладили друг с другом после разрушительных и краткосрочных отношений, которые развивались быстро и никуда не вели. Отем желала обходным путём стать принцессой, что ей так и не удалось после того, как она узнала, что Лукас абсолютно не был готов остепениться, не говоря уже о моногамии. Глянцевые журналы наперебой сообщали о разрыве, пока Великая Княгиня не нашла способ закрыть эту тему.

Я не был самым большим поклонником Отем, но долг и правила этикета повелели мне встать, чтобы поприветствовать её, не зависимо от того, был я ей рад или нет. В мою сторону были направлены воздушные поцелуи, в её сторону — реальные. Я пробормотал:

— Прекрасно выглядишь сегодня, Отем.

Я практически услышал то, как за моей спиной Лукас закатил глаза в самые глубины подкорки головного мозга.

— Вы как будто еле на ногах стоите, Ваше Высочество.

В ней не было кокетства или ложной скромности, что я ценил. Я жестом пригласил её присоединиться к нам. Лукас нехотя сместился к краю белого кожаного дивана, чтобы освободить ей место. Напротив меня брови Паркера поползли вверх, сигнализируя о его готовности извлекать меня из нежелательной ситуации. Будучи друзьями с детства, я не мог представить себе более преданного доверенного лица или работника.

Паб наполнился шумом, сотовые телефоны теперь были направлены не на меня, а на Лукаса с Отем.

Мы махнули официанту, чтобы подошёл.

— Что Вас привело сюда сегодня? — спросил я вежливо.

Она наморщила носик.

— Свидание.

Официант наклонился вперёд, чтобы принять её заказ, его глаза загорелись, когда он оглядывал её выдающиеся части фигуры. Лукас спросил ровным голосом:

— Ты показала ему своё истинное лицо, любимая?

Она проигнорировала его сарказм и переместила одну длинную ногу поверх другой,

облокачиваясь на спинку дивана.

— А ты везунчик, — сказала она мне. — Сам можешь выбирать, кого хочешь, а не быть таким как все мы, таскаясь на паршивые свидания.

Многозначительный взгляд был брошен в сторону Лукаса. Он испепелил её глазами в ответ.

А что сделал я? Я рассмеялся ей в лицо. Взял и... засмеялся. Я заливался смехом чёрт знает, как долго. Лукас пробурчал что-то насчёт того, чтобы взять себя в руки, а Паркер снова подал знак официанту. Отем разглядывала меня так, будто поставила мне диагноз "белая горячка", а мой хохот лишь усиливался, и я ничего не мог с этим поделать.

Быстро оплатив счёт, Паркер встал, отряхивая воображаемое волокно своих джинсов.

— Ваше Высочество, мне следует напомнить Вам о встрече рано утром.

Лукас тоже встал, похлопывая нашего общего друга по спине.

— Зов долга, братишка.

— Останься, — промурлыкала Отем. — Обещаю тебе гораздо лучшее времяпрепровождение, чем какая-то скучная встреча.

Я сразу поднялся на ноги. Вот дерьмо, пятый стакан точно был лишним для меня.

— Ты невероятна, знаешь об этом? — прошипел Лукас своей бывшей. Прежде чем она успела ответить, он с Паркером повели меня к дверям. Люди шептались вокруг нас, сотовые телефоны были направлены в нашу сторону, вне сомнений, ловя каждое движение. Брат тихо сказал:

— Знаешь, а ведь из Отем получилась бы ещё одна Великая Княгиня Бритта?

От этой мысли меня чуть не вывернуло наизнанку.

— Соберись, — лицо Лукаса было непроницаемым, в то время как вокруг нас кружили камеры и телефоны. — Ты попал. Из-за этого Волчица сядет на своего любимого коня. О чём ты только думал, Крис?

О том, как я устал быть Принцем Совершенство.

Глава 3

Эльза

— Точно нет.

По крайней мере, так я слышала слова Шарлотты, но так как её карапуз визжал прямо в микрофон, я не могла быть уверена. Я отодвинула телефон от уха, но даже буфер в несколько дюймов воздуха не заглушил этот рев.

— Лотти, по-хорошему тебя прошу, дай Дикки соску, пока я не оглохла.

По-моему, она прокричала:

— Что? — но дитя в эту секунду взревело подобно сирене воздушной тревоги.

— Дай ему соску! — мой собственный голос был пугающе пронзительным. Слава богу, никого больше не было в моём кабинете, а то я, скорей всего, была похожа на сумасшедшую, орущую в телефон.

— Я не дам моему ребёнку соку! — крикнула она в ответ. — Он пьёт молоко!

О, пресвятая...

— ПУСТЫШКУ, ЛОТТИ! СУНЬ ЕМУ В РОТ!

— МОЙ РЕБЁНОК НЕ ГЛУПЫШКА!

Она однозначно не досыпает, раз даже забыла, что соски называют пустышками.

— Где Джозеф?

Дикки перешёл на децибелы.

— КТО?

— ТВОЙ МУЖ.

— КТО?

Я повесила трубку и вызвала машину. Так как осталось всего два дня до отъезда в Калифорнию, то кричать в трубку было не тем, чем я хотела заниматься. Я лучше приду к ней и покричу при встрече.

Когда я приехала, то обнаружила Шарлотту совершенно измотанной, её волосы были уже не такими безупречными, одежда смята и запятнана тем, что, я могла только предположить, являлись испражнениями ребенка, спящего у неё на плече. Он тихонько икал, в то время как она легко и ритмично похлопывала по его спинке.

Я открыла рот, но она зашипела на меня. Тогда я села и стала ждать, пока крошка лорд Дикки не был передан няньке, на которой я настояла. Она и ее муж полагали, что вместе они смогут сами справиться со своим ненаглядным счастьем, но с работой Джозефа в Парламенте и её — быть моим личным помощником и, по совместительству, личным секретарём — они быстро смекнули, что сказать легче, чем сделать.

Даже сейчас Шарлотта Нордгрэн делала всё, что было в её силах. Как правило, она управляла моим существованием с лёгкостью и изяществом военного генерала. Я могла пересчитать по пальцам одной руки моменты, когда она теряла легендарное хладнокровие с кем-либо в моём присутствии. Но вот появился маленький человечек, который высосал из неё душу и оставил вместо неё ходячего зомби, потому что Шарлотта, которую я знала, никогда бы не стала так нагло шипеть на меня.

— Итак, — сказала она, как только комната опустела. — Ты просила меня достать тебе билет на самолёт в один конец до Швейцарии, верно? Ностальгия?

Я фыркнула:

— Вряд ли.

Мы с Шарлоттой встретились в закрытой школе Швейцарии. Если бы меня и посетила ностальгия, то только из-за неё.

Я наливала ей чашку чая с подноса, который принесла экономка во время передачи смены.

— Их Светлости знают, что я знакома с этой страной, поэтому там они будут искать меня в первую очередь. Я готова поехать куда угодно, пока у меня есть такая возможность в ближайшие двенадцать часов.

Она рухнула в мягкое кресло, раскинув руки и ноги в разные стороны. Судя по мешкам под глазами, я предполагала, что она очень давно не спала нормально.

— Почему ты хочешь, чтобы я выслала тебя из страны, Эльза? Ты убила кого-нибудь? Растратила казну страны? — даже её улыбка была измождённой. — Это было бы в вашем стиле: дожидаться, пока я не уйду в декрет, чтобы посеять хаос.

— Хуже, — я передала ей готовую чашку. — Мне предстоит посетить Десятилетний Саммит через сорок восемь часов.

Ее глаза округлились за фарфоровой чашкой. Члены королевской семьи не говорят о Саммите с людьми вне своего сокровенного круга — именно так раньше нам и удавалось сохранять эти встречи в тайне. Но, как мой самый близкий и доверенный советник, Шарлотта знала всё, что только возможно о Десятилетнем Саммите и КРБ.

— Вот же чёрт, Эльза!

О, до неё дошло.

Она выпрямилась, её высветленные волосы мягко свисали вдоль плеч.

— Я... мне нужно позвонить Джозефу, чтобы сказать ему, что я буду...

— Не сходи с ума. Ты не едешь. Будет Саммит или не будет, ты всё ещё в декрете.

— Эльза, — ее усталость пробивала себе путь вон из комнаты, в то время как стальная решимость звала на передовую. — Где он будет проходить?

— В Калифорнии.

— В Калифорнии, которая в Америке?

— А в мире есть другие Калифорнии? — воскликнула я, притворившись удивленной.

— У нас нет времени на шутки!

— Вполне осведомлена об этом, вот почему я здесь, с моими жалкими мольбами тайно вывезти меня из страны. Или, возможно, мне стоит попросить тебя найти мне мужа на прокат. Случайно не знаешь каких-нибудь надёжных эскорт услуг?

Отправив чашку на соседний стол, Шарлотта достала один из сотен блокнотов, захламлявших её дом.

— А что сказал Его Высочество? Есть ли какие-то наметки, о которых нам стоит разузнать?

— Наметки?

— Женихи, — сказала она угрюмо. — К кому склоняется Принц Густав? Ни за что не поверю в то, что он потащит тебя в Калифорнию, не имея на примете несколько приемлемых вариантов.

Это действительно было важно, хоть и тревожно.

— Мне пока ничего не сказали.

— Мне нужно позвонить Джозефу, узнать, есть ли какие-нибудь страны, с которыми Парламент пытается укрепить торговые отношения. Или те, чьё влияние хотят ослабить, особенно в пределах избирательных блоков ЕС, — она строчила как в порыве безумия. — Последнее, что я слышала, было про призыв к сельскохозяйственному аутсорсингу, принимающий во внимание недавний низкокачественный урожай из-за глобального потепления. У кого сейчас хорошие экспортные цены на... — встав со стула, она стала разыскивать по комнате свой мобильник.

— Черт. Я думаю, что речь также шла о железе. И тогда самым страстным желанием Её Светлости будет превратить княжество в "Северное Монако", что потребует немалых вложений.

Я не могла быть уверенной в том, что моя мать не станет нащёптывать имена смехотворно богатых женихов на ухо отцу, во имя её славы и мечты.

— Мне пока никаких распоряжений не поступало.

— В таких ситуациях Его Светлость никогда не действует наугад, — она извлекла свой сотовый телефон из-под кипы с детскими книгами. — Бьюсь об заклад, твои родители уже выбрали кого-то для тебя. Ну и ещё парочку прозапас, если с главным выбором что-то не срастётся.

Ещё одна причина, почему Шарлотта была на вес золота.

— Ты ведь понимаешь, что Ваттенголдия представляет крайне небольшой политический интерес в мире? Я очень сомневаюсь, что мой брак сможет это изменить.

Надо же, как уверенно прозвучали мои слова от выскользнувшей наружу фальши. Моя

мама уже давно настаивала на том, что, если я сделаю правильный выбор, территория нашего Княжества могла расшириться в геометрической прогрессии. А так как Её Светлость имела в виду туристов из Америки или Азии и их глубокие кошельки, можно было не сомневаться в том, что она надеялась нажиться на этом.

В конце концов, мир любит милые сказки о королях.

Шарлотта уже набирала мужа.

— Ты придираешься к пустякам.

— Не беря в расчёт мой предположительный побег из страны, я очень сомневаюсь, что, даже если бы мы знали, к кому из принцев они присматриваются, как к будущему зятю, я смогу это изменить.

Она оторвала от уха телефон, недоверчиво таращась на меня.

— Кто ты? И что ты сделала с Эльзой?

Я помешала свой чай, несмотря на то, что сахар уже давно растворился. Уверенная Эльза сейчас переключилась на кризисный режим, премного благодарю!

— Многие члены королевских семей выходят замуж за того, кого хотят, — сказала она. — Вспомни всех этих людей из простого народа или тренеров, кто сейчас счастливо женат на принце или принцессе. Почему бы и тебе не влюбиться в своего тренера, Эльза?

— Гедда — потрясающая женщина, и в придачу красивая, но она уже счастлива в браке и воспитывает целую ораву детишек, — сухо ответила я.

— Подумай об этом. Многие люди твоего рода женаты или замужем по своему выбору.

— Но только если они не были холостыми во время Десятилетнего Саммита.

Она хлопнула своим блокнотом по столу и подошла, чтоб сесть рядом со мной на диване.

— А стала бы в действительности Её Светлость проходить через всё это, дабы выдать тебя за незнакомца? За нелюбимого?

Я поставила чашку на стол.

— Да. Забыла упомянуть, что Изабель тоже едет. Это будет "два по цене одного": ваттенголдские принцессы в обмен на два новых, политических завоевания.

От проявившегося сожаления на лице лучшей подруги, мне захотелось неистово расцарапать своё.

Глава 4

Кристиан

Камень, брошенный отцом, устремился в пруд, что был на окраинах дворцовых владений. Почти не образуя ряби, он скатился в темные глубины. Мужчина сунул руки в карманы и взглянул на мрачное небо.

— Думаю, сегодня будет дождь.

В Норслоу часто идут дожди, так что, с тем же успехом он мог бы сказать: "трава зеленая", или другую хрень, которую люди говорят, когда пытаются завязать пустую беседу. Именно так обычно ведёт себя Андрес де ла Уоррен, особенно в сложных ситуациях.

Мимо нас пронеслась свора лающих собак, сбрасывая уток в пруд. Мой брат прокричал их имена, но так как они были единственными по-настоящему волевыми непослушными существами на территории дворца, они не стали обращать на него никакого внимания.

— Хрен с ним с дождём, — сказал Лукас. — Давай-ка поговорим о том, как завтра мы с

Крисом отправимся агнцами на убой. Не мог бы ты поговорить об этом с Волчицей?

Когда-то, давным-давно я считал, что мой отец — уверенный в себе человек. Он был популярным, смешным и любимцем испанского общества, а также средств массовой информации. У него были подружки, деньги, и он даже играл в составе испанской футбольной команды некоторое время. В мгновение ока его дядя — король — продал его моей матери за банковские привилегии, во время одного из КРБ, сплавив его на север. Оказавшись изолированным от Средиземного моря, будучи загнанным в ловушку антагонистического брака без любви с Волчицей, мой отец сначала взбунтовался, но потом моя мать каким-то образом вернула его в подчинение. Никто не знает, как она сделала это. Во дворце поговаривали, что всё его жизнелюбие исчезло до того, как он стал ничем иным, как марионеткой в руках Волчицы, которую она доставала по надобности.

Он не настоящий Великий Герцог. На самом деле он был тихим принцем Великой Герцогини Бритты из Эйболенда. Так что эта просьба Лукаса была абсурдной. И всё же мой отец сказал, и при этом его акцент был более заметным на свежем воздухе, чем во дворце:

— Дети мои, во что бы то ни стало, она решила найти вам подходящие партии на Десятилетнем Саммите.

Он наклонился и отрыл гладкий камушек из грязи под нашими резиновыми сапогами. Лёгким движением кисти камень направился в сторону пруда и отскочил один, два, три раза от поверхности воды.

— Я точно скажу ей, чтобы шла ко всем чертям, — пробормотал Лукас.

По возвращении домой из паба, мы с братом устроили мозговой штурм на тему спасения от махинаций Волчицы. Мы не смогли ничего придумать, кроме варианта, когда Паркер должен обзвонить местные газеты и в обмен на наличные получить неопубликованные фотографии с того вечера.

— Я слышал, — сказал отец, — что ваттенголдская девица прелестна, Кристиан.

— Вот, чёрт. Тогда всё хорошо, так что ли? — Лукас вытянул палку из пасти одного из своих псов и бросил вдаль.

— Крис! Ты это слышал? Пока дама красивая, остальное не важно. Она могла бы быть прирождённой тупицей или сумасбродной сукой, как Волчица, но раз на её лицо приятно смотреть, а дети, которых она рождает, милы, ты в шоколаде.

Он сделал вид, будто встал в ряд, подобно одному из церемониальных стражников у стен дворца.

— Да здравствует Эйболенд! Остров красивой, ничего незначимой королевской династии в мире, в котором монархия уже устарела.

Отец вздохнул.

— Лукас...

Лёгкие капли дождя упали мне на щёку, когда я посмотрел вверх.

— Интересно, что может помочь устроить переворот?

Лукас отобрал палку у одной из собак.

— Думаю, титановые яйца, — он горько усмехнулся. — Не так-то легко для эмоциональных кастратов, как мы, не так ли?

— Ты знал, что твой дядя планировал устроить твой брак? — спросил я отца.

Он присел, чтобы погладить одного из наименее противных псов. Так как собак было пять, а меня не было много лет, я так и не выучил их имена.

— Слышал слухи о КРБ от моих кузин, но я никогда не думал, что им стоит доверять, —

собака склонила голову на ногу отца. — Но моя мать всегда предупреждала, что, как племянник Короля Испании, моё будущее не всегда будет в моих руках.

Не было смысла спорить с ним, особенно учитывая, что он не имел на Волчицу совершенно никакого влияния. И всё же я не смог удержать язык за зубами, словно какой-то хренов придурок, болтающий всё, что в голову придёт:

— На дворе двадцать первый век. Брак по договорённости давно устарел!

— В мире достаточно мест, где так не считают, и ты это знаешь, — парировал отец.

— Зато в странах Первого мира преимущественно именно так и считают. Если я не ошибаюсь, — Лукас подчёркнуто стремительно огляделся по сторонам, — несмотря на то, что этот остров — грёбаная дыра в Балтийском море — мы всё равно считаемся Первым миром, или так думают люди, принимая во внимание наше благосостояние. Так что в этом Крис прав, — он отбивал грязь носком сапога, раскапывая ямку. — Есть много особ королевского ранга, кто прямо сейчас женится на тех, кто им действительно подходит.

— Но только не во время Десятилетнего Саммита, — мягко сказал наш отец.

Лукас отвернулся и пошёл, крадучись, к краю пруда.

Обветренная рука легла мне на плечо.

— Дитя моё, ты должен понимать, что...

— Нет, — сказал я ему, — совсем не понимаю.

Я не удивился, когда он не стал напирать и просто опустил руки, как делал это всякий раз, когда натыкался на противостояние в нашей семье.

— Мы не обычные люди. Мы не можем позволить себе роскошь делать то, что хотим, независимо от того, что весь остальной мир думает о нас. У тебя есть долг перед этой страной, Кристиан. Борьба с ожиданиями может лишь привести тебя к боли и страданиям.

Облака над нами рассеялись. Лукас рывкнул команду окружить собакам, чтобы мы могли вернуться во дворец. Отец двинулся, чтобы последовать за ним, но я остановил его, положив свою руку ему на плечо.

— Забавно слышать это от тебя.

— Я говорю это, — сказал он тихо, — потому что знаю, каково это.

Мне захотелось во что-нибудь ударить кулаком.

— Я не хочу того же, что у тебя. Я хочу... — я потянул свои сырые волосы. — Чёрт... любви, наверное? Хотя бы дружбы! Если мне придётся жениться на ком-то, я хочу сам выбрать ее, а не потому, что меня заставило долбаное чудовище, в виде моей матери.

И тогда он ушёл, не сказав на это ни слова. С развевающейся по ветру коричневой шерстью, собаки окружали его на тропе, ведущей обратно в нашу тюрьму.

Глава 5

Эльза

Как называют эти последние, отчаянные моменты осужденного на смерть, когда он тихо умоляет о пощаде, только ради хрупкой, аккуратно культивируемой надежды, чтобы по ней прошли кирзовыми сапогами, незнающими пощады? Может быть, воззвание?

Как бы ни называлось, у меня оставался час до того, как мы покинем Ваттенголдию на частном самолёте. Я пошла к отцу с засунутой в карман гордостью, рассчитывая на сочувствие и понимание.

Он был неподвижен.

— Не принимай это так близко к сердцу.

— А как иначе? Это же касается моего сердца. Моей жизни!

— Твоя жизнь — это служение. Прямо сейчас у тебя появился шанс изменить что-то для нашей страны, как и у Изабель. Два выгодных шанса. Если ты не будешь счастлива со своим спутником, сделаешь то же, что и я.

Я вся напряглась.

— Ты хочешь, чтобы я нашла себе любовника?

Он взбесился на меня даже больше, чем когда-либо за весьма долгий срок. Я была заслуженно поставлена на место, когда он напомнил мне, что, независимо от того, женилась бы я на дворецком или на принце, я бы сделала только то, что было лучше для Ваттенголдии. И я сделала бы это, потому что я родом из династии Васа, а мы живем и умираем по традициям.

Традиция, как мне теперь известно, не такая уж радужная штука, как была когда-то.

После того указа, моему задку было велено садиться в самолёт, и вот я уже на третьем этапе перелёта: мы летим из Лос-Анджелеса вдоль береговой линии в сторону крошечного городка под названием Сан-Симеон. Когда мы пошли на посадку, моя сестра приняла особое положение в кресле через проход. Она вся сжалась, ничего не говоря, её пальцы плотно обхватили колени. Полагаю, что Изабель произнесла не более двадцати слов за всю дорогу. Незадолго до того, как мы отправились в дорогу, она схватила меня за руку и прошептала:

— Разбуди меня от этого кошмара, сестра. Всё это неправильно.

Я ответила:

— Только если ты сначала разбудишь меня.

После этого её невозмутимое лицо стало ещё более замкнутым, но я-то знала. Она была так же огорчена этим фарсом, как и я, а, возможно, ещё сильнее. В отличие от меня, одинокой, моя сестра, на тот момент, была впутана в сложные, но страстные, отношения, о которых родители ничего не знали.

Я пробурчала:

— Расскажи отцу. Это твой шанс избежать тюрьмы.

Она быстро и резко качнула головой — вот и весь ее ответ. Я пребывала в совершенном недоумении. Почему она продолжала скрывать это, особенно сейчас? Изабель была сдержанна, даже чересчур, но она никогда не была слабовольной или, по крайней мере, не той, кем её хотели видеть родители.

Хотя, до этой недели, я могла бы утверждать то же самое насчёт себя самой. Но вот мы, девушки Васа, в дороге на рынок брака. За окнами самолёта появляются мягкие, богатые разными оттенками, зелёные холмы и беспокойные воды, разбивающиеся о золотые берега. А впереди, вдалеке, начал материализовываться наш пункт назначения: высоко на холме, в окружении густых деревьев, из океана показались белые башни.

Вся моя жизнь прошла в окружении прекрасной архитектуры. Я выросла в Ваттенголдии, провела много времени в разных уголках Скандинавии, училась в школе в Швейцарии и часто отдыхала во Франции и Италии. Я видела потрясающие здания разных эпох и культур. Но, несмотря на это, первый проблеск Херст-каска заставил меня сомневаться — приходилось ли мне когда-либо созерцать такой потрясающий вид?

Он выглядел совершенно нереально. Это было вполне уместно, учитывая то, что я до сих пор ощущала, будто вся эта чёртова ситуация не могла происходить на самом деле.

Через несколько минут наш самолёт приземлился на малюсенькую полосу в основании

холма. Нас ожидал микроавтобус, рядом с которым стоял Принц Лихтенштейна.

— Густав! Как раз вовремя, — выкрикнул он, когда мы высадились, — через час состоится собрание, где мы нуждаемся в вашей компетентности.

Не было времени для пустой болтовни на взлётной полосе. В течение часа прибыли самолёты из Японии, Саудовской Аравии, Малайзии, Свазиленда. Вообще-то, в тот же момент, как наш багаж был уложен и двери микроавтобуса закрыты, самолёт, который нас доставил, освободил полосу.

— Перелёт прошёл хорошо?

Мне понадобилось какое-то время, чтобы осознать, что вопрос был обращён мне. Я отвернулась от окна и солгала монарху Лихтенштейна.

— Очень хорошо, Ваше Высочество, — потому что я, очевидно, уже плыла по реке Стикс, которая очень быстро несла меня к Аиду.

Если этот великолепный, гламурный замок на вершине холма в Калифорнии являлся Адом.

— Моя дочь передаёт свою любовь, — тепло продолжал Принц. — Она очень хотела посетить Саммит, но, увы, домашние обязанности не позволили ей приехать.

Уж точно Принцесса Лихтенштейна не желала быть здесь. Она уже была замужем. И, вероятно, она была рада тому, что ей никогда не приходилось выставяться напоказ на каком-либо Саммите.

Повезло же ей.

Я сказала Принцу:

— Пожалуйста, передайте и ей от меня любовь и почтение, Ваше Высочество.

После мой отец завёл разговор со своим другом. Одним ухом я вслушивалась в их обсуждение — по-видимому, ряд карликовых государств хотел объединиться, чтобы заявить о себе в мировой политике, — но вид за окном был намного интереснее. Мы поднялись на изумрудный холм по извилистой дорожке, которая то открывала, то заслоняла замок из вида. Фруктовые деревья и суккуленты окаймляли путь, и, должна признать, я была очарована этим Адом. Но эффект удвоился, как только мы дошли до лестницы с широкими ступенями, которые вели ко двору с мраморным фонтаном и средиземноморский собором.

Отец со своим другом не почтили вниманием вид, когда проходили мимо главного фасада. Но мы с Изабель остановились, восторгаясь башнями, возвышавшимися над нами, а также буйными видами на океан.

Это и есть Калифорния? Соединённые штаты, такая молодая страна, что здания начала двадцатого века называются историческими?

Всё, что мы видели, Изабель точно резюмировала тихими "вау".

Это, и правда, было "вау".

— Я изучил местность, Ваше Высочество, — мы с сестрой повернулись в изумлении и увидели Биттнера в нескольких шагах позади нас. — Первоначальным владельцем был яростный коллекционер европейского изобразительного искусства и архитектуры. Большая часть замка и гостевых домов тоже содержит элементы средневековых фасадов и ворот, как напротив нас или факсимиле, созданных для соответствия.

— Выглядит очень по-испански, не так ли? — сказала Изабель задумчиво.

— Действительно, Ваше Высочество. И всё же по всей территории можно найти черты римской, английской, итальянской и других стран и исторических периодов, — он сощурился при взгляде на высокие башни, виднеющиеся по сторонам главного здания. — А

точнее это полная мешанина. Это Каса-Гранде, — он указал жестом, чтобы мы посмотрели вперёд, на дверь с краю. — Хотя нам и даровано больше свободы в замке, чем большинству, мне поручено сообщить вам, что есть много того, в отношении чего мы должны быть осторожны или вовсе держаться подальше. К примеру, входная дверь ведёт к древней лестнице с римской мозаикой, которую нельзя трогать.

Мы вошли в большой средневековый зал, по краям которого шли деревянные сиденья для хора. Женщина в тонкой темно-синей юбке и пиджаке с именным бейджем шагнула вперёд.

— Позвольте мне быть первой, кто официально поприветствует Вас в Херст-касле, — сказала она нам. — Меня зовут Николь, и я одна из гидов замка. Я буду сопровождать Вас на небольшой экскурсии по территории и покажу Вашу комнату, а также отвечу на любые возникшие вопросы, касательно вашего пребывания здесь на предстоящую неделю.

У принцессы, приближающейся к своему третьему десятку, мысленно всплыл смешной вопрос — возможно, она знает, с кем меня собираются свести?

— Спасибо, Николь, — я запрятала всё своё негодование подальше до другого раза. — Мы очень рады возможности посетить столь красивое и историческое место в Калифорнии.

Биттнер извинился за необходимость найти нашего отца, предупредив, чтобы мы немедленно связались с ним, если нам что-нибудь понадобится.

Несмотря на жгучее желание отправиться в спальню, какую бы нам не отвели, и спрятаться от неизбежного, мы с Изабель следующие полчаса следовали за Николь. Она проводила нас через главный дом, три гостевых коттеджа и роскошные прибрежные сады. Также мы прошли через потрясающие внутренние дворики, с которых открывался вид на океан и горы, и два настолько потрясающих бассейна, что мы с Изабель начали сожалеть, об отсутствии таких у нас. К тому времени, как мы добрались до нашей небольшой комнаты — с одной двуспальной кроватью, письменным столом и раскладной кроватью в углу, я нехотя признала, что Херст-касл совершенно меня очаровал.

Это был ужасный знак.

Благодаря гиду наш багаж благополучно прибыл в комнату и был уже распакован.

— Уверена, что вы заметили во время тура, что столовая, хоть и просторная, но всё же не достаточно большая, чтобы вместить всех. Завтрак, чай, и обеды будут подаваться там, в форме шведского стола, но сама трапеза будет проходить на разных патио по всей территории. Сегодня всё будет организовано у бассейна Нептун, — в её улыбке была заметна гордость. — Закаты там поразительной красоты.

— Вы насчёт бассейна на улице? — взгляд Изабель стал слишком мечтательным, для женщины, находящейся на грани замужества с не своим женихом. — Того, с римским храмом у входа? Думаю, я с удовольствием бы украла его у вас и забрала к себе домой.

Николь коротко рассмеялась, словно она слышала это постоянно.

— Да, Ваше Высочество.

— Планируешь загорать, пока мы здесь? — спросила я, скорчив лицо, после того, как наша гид закрыла за собой дверь.

— Возможно, — моя сестра упала в одно из кресел в комнате. Она жестом указала на пакет, который Николь передала мне, он включал в себя моё расписание на неделю. — Я много думала во время перелёта, — её голова откинулась на подушку, темные локоны спадали поверх одного плеча. — Давай попытаемся извлечь что-то хорошее из неприятной ситуации. Мы обе бледны, как смерть. Если мы должны страдать из-за КРБ, давай хоть,

уедем отсюда с золотым, калифорнийским загаром.

Я выглянула в окно. Кучка других представителей монархических династий прохаживались мимо вместе со своими гидами.

— Хотела бы и я загорать с тобой, но мне необходимо присутствовать на встречах.

— В последнее время отец просит всё больше твоего участия. По крайней мере, там лежит серебряная подкладка для тебя.

С выдохом у меня вырвалось грустное облачко досады.

— Вчера мне передали досье, заполненное тезисами для обсуждения. Его Светлость интересуется моё мнение насчёт Ваттенголдии и мира в целом не больше, чем то, что нам нужно одеть сегодня. Всю неделю мне придётся повторять за ним, как попугай.

— Ты нервничаешь?

Я отвернулась от окна, когда она задала мне этот мирный вопрос.

— Я — да, — предложила она спокойно и грустно.

Я подошла, чтобы взгромоздиться на край кровати.

— Если ты откроешься насчёт своих отношений с Альфонсо, проблемы больше не будет.

Она втянула короткий вдох прежде, чем мотнуть головой.

— Изабель, ты уже обручена.

Её слова прозвучали тихо, но твёрдо.

— Я не могу говорить об этом.

Мои брови поднялись. С каких это пор моя сестра не хочет петь дифирамбы своему жениху?

Она наклонилась вперёд, ещё сильнее понижая голос.

— В любом случае это не имеет значения. Родители вызвали меня в кабинет отца накануне отправления и сказали свое мнение. Что бы ты или я ни говорили, не будет иметь значения сейчас. Ничто не собьёт их с мысли о том, что, по их мнению, будет лучше для страны. Так что, пожалуйста... — её пальцы обвили мои и сжали их. — Я прошу тебя уважать мою личную жизнь, пока мы здесь.

Я отстранилась назад, будто она дала мне пощёчину.

— Ты думаешь, что, узнай отец о твоей помолвке, это ничего не изменит?

— Эльза! — моё имя слетело так пронзительно и злобно с её губ. — Закроем эту тему!

Но потом она побледнела, зная, что пересекла черту. Я встала, чувствуя, как кровь приливает к моему лицу, в приступе тихой ярости.

— Сестра ты мне или нет, ты не имеешь права так разговаривать со мной.

— Я приношу извинения. Я просто...

— Не надо мне ничего объяснять, — я отступила, перед тем как могла произнести что-то, о чём могла сожалеть. — Я прогуляюсь. Удостоверюсь, что моё платье для ужина выглажено и повешено на вешалку.

Она закусила губу, но кивнула. И тогда я вышла из комнаты.

Глава 6

Кристиан

Лукас пробормотал себе под нос проклятия и удалился.

Волчица подползла ближе к месту, где стоял я.

— Образуешь своего брата. Я не собираюсь терпеть его выходки.

Идея о вразумлении брата была смехотворна. Поскольку он уважал меня и считался с моим мнением, я не смог бы сказать хоть что-то, успокаивающее Лукаса, не являющееся правдой. Чёрт, да единственной целью его участия в Саммите — стать пешкой для нашей матери и выглядеть привлекательно для потенциальных тестей. Что до меня? Я мог, как минимум, утверждать, что был там отчасти из-за бизнеса. По словам Паркера, мой график встреч был полностью расписан.

Волчица махала в сторону садов, указывая на Королеву Англии и её наследника.

— Вы оба должны быть безукоризненно одеты для сегодняшнего ужина.

Как же сложно было сдерживаться, чтобы не сказать ей "иди ко всем чертям".

Британский монарх устремила к нам. Мать повернулась ко мне и потянулась руками к моим плечам, чтобы разгладить воображаемые морщинки на рубашке. После чего она наклонилась ко мне, прижимаясь матовыми розовыми губами к моей щеке.

— Будь хорошим мальчиком и пойдёшь, сделай так, чтобы тебя захотели. Увидимся с тобой и Лукасом на ужине.

К счастью, я выпал из центра её внимания, как только она выкрикнула имя своего друга. Чувство такта велело мне оставаться на месте и выказать своё уважение, но, Волчица только что сказала мне убираться. В этот раз я был более чем счастлив исполнить ее приказ, поэтому и ушёл, не сказав ни слова.

Как только я направился к лестнице, ведущей к гостевому дому, я выдернул носовой платок и стёр помаду со щеки. Все попытки подавить дрожь от отвращения, охватившего меня, были безуспешны. Господи! Она моя мать, и я обязан ей жизнью, но любое её прикосновение от прилива, так называемой, любви, вызывало у меня мурашки по коже.

Проклятье, мне нужно выпить! Может, даже не один бокал, чтобы подготовиться к кошмару, ожидающему меня сегодня. Я написал Паркеру, чтобы мы встретились в моей комнате. Если я собираюсь нажраться, то, наверное, лучше пусть со мной будет кто-то, в качестве гаранта того, что я не превращу себя в посмешище. Потом я стал подниматься вверх по извилистой, тесной лестнице, пока не добрался до второго этажа, надеясь на то, что смогу вспомнить, какой именно из двухуровневых люксов мой.

Сообщение от Паркера гласило, что он уже направлялся ко мне. Перед тем, как засунуть телефон в карман, я столкнулся с женщиной в коридоре.

— Осторожнее! — огрызнулась она на английском с акцентом.

Я отступил назад, готовый принести извинения за то, что не смотрел, куда иду, но, когда я её рассмотрел...

Мать твою!

Глава 7

Эльза

Мы в тупике — я и этот человек. Я с опаской осматривала его, а он меня, как два оленя, попавших в пересечение фар, чуть не столкнувшихся в этом узком коридоре.

О боже, он слишком красив. Слишком во всех отношениях, правда! Его глаза слишком гипнотизировали — живой, яркий янтарь, огранённый в красное дерево и испещрённый веснушками, которые тоже были чересчур привлекательными. Его волосы — слишком кудрявые, красивого коричневого цвета, как кофейные бобы, от которых я балдею по утрам.

Несмотря на мягкую щетину, пробившуюся к вечеру, его кожа была слишком безупречна. Одежда невероятно хороша, и его стильные ботинки из кожи были подобраны с отменным вкусом.

С точки зрения комплекции, он тоже был слишком.

Я ломала голову, чтобы соотнести лицо передо мной с именем. Ах! Вот оно. Это сонаследник ещё одной маленькой страны в Европейском Союзе. Наследный Великий Герцог Эйболенда Принц Кристиан.

Было бы грубо с моей стороны осуждать Кристиана, особенно ни разу не слыша его голоса и не зная ничего, кроме того, что писали о нём в желтой прессе, но, я не желала иметь ничего общего с этим человеком. Что было забавно, учитывая что, будучи моложе, я втайне жаждала встречи с ним: он был мне ровесником и почти земляком, ведь его страна была не так уж далеко от моей. Я наивно полагала, что он мог быть мне чем-то вроде родственной души, раз он знал, какую ответственность возлагали корона и королевство (или княжество, или Великое герцогство) на молодого наследника. Прежде, чем мы оказались в одной комнате — не говоря уже о том, что в одной стране — его мать сослала его в школу-интернат в какую-то далёкую страну (вроде, в Англию?). А я была отправлена в Швейцарию, и я оставила мысли о принце Кристиане и всё, что узнала о нём из прессы, в прошлом. Все предположения о том, что мы были родственными душами, были ничем иным, как бредом. Этот принц не был мне родственной душой. Он и я... мы были лишь товарищами по своей малой значимости в большом мире, наполненном более сильными и влиятельными странами.

Лучше бы вовсе не говорить с ним — или ещё с кем-либо из присутствующих здесь принцев — по крайней мере, по своей воле. КРБ славится свиданиями на одну ночь, случающимися между наследниками.

На долю секунды его страстные глаза впились в меня, наглым образом разглядывая, так, будто он никогда раньше не видел женщин. От негодования у меня волосы на затылке встали дыбом, но потом он моргнул, и тот взгляд исчез.

Но прежде, чем, как можно скорее, удалиться, он продемонстрировал то, что технически можно было назвать улыбкой. Она была настолько поразительной, что я не смогла бы её полностью описать, с ослепляющими, слишком белыми, зубами. У меня даже возникло сомнение, что они были своими.

— Мои извинения, — сказал он мне на английском с чересчур выраженным британским акцентом, в котором не осталось ни намека на наше скандинавское наследие. От этого мне захотелось скрежетать зубами, и в то же время вздохнуть от облегчения, потому что его голос и акцент были слишком сексуальными и идеально сочетались с его внешним видом. А потом, когда я подумала, что не смогу больше этого вынести, он поклонился мне настолько идеально — чётко, от талии, с рукой, прижатой к груди, как будто он всю жизнь тренировал именно это движение, чтобы дамы так и падали в обморок.

— Я...

Нет. Нельзя ему позволять так мило говорить со мной. Или так смотреть на меня. Он что думает, я одна из тех, кто прогуливается по этим коридорам в поисках жеребца? Или, только-только приехав, я отправилась на охоту, чтобы отвлечь свои мысли от КРБ?

Я подняла руку и резко махнула — невероятно, но он тут же замолк. Господь всемогущий! У него и манеры были слишком идеальные. Может он уже прекратит?

Я не могла поверить, что была здесь всего час или около того, и мне уже приходится

ставить мужчин на место. Это защитные механизмы, которые, я даже не поняла, когда включила.

— Послушайте. Не поймите меня неправильно, но независимо от того, что вы, должно быть, подумали, меня не так уж легко заполучить. Сохраните свои манеры и предложения для кого-то другого, — моя спина выпрямилась и стала твёрдой, как стержень. Подобную реакцию, чтобы вернуть себе контроль, воспитала во мне моя мать. — Я здесь не для этого.

И неважно, во что верили, или, на чём там ещё настаивали мои родители.

Эти слова и то, что я их произнесла, стали для меня облегчением, хоть я и знала, что плыву против течения. А что, если — ну а вдруг — мне удастся наедине с ними показать себя такой непривлекательной, что эти принцы заупрямятся и откажутся даже от одной мысли нацеливаться на наследную принцессу Ваттенголдии.

От пыла в моих словах, челюсть Кристиана отпала, а его глаза значительно расширились. Его щеки вспыхнули, словно я шибко наградила его пощёчиной за дерзость. Что, возможно, мне следовало сделать. Правда, его смущение было, ну слишком, обезоруживающим.

Мне уже давно пора выбраться из этого тесного коридора.

Его слова прозвучали, словно замешательство в замедленной съёмке:

— Простите?

— Я здесь для... — пробормотала я. Он знал, зачем я была здесь. По той же причине и он здесь находился. Но я резко продолжила:

— Работы и ничего кроме неё. Понятно?

Он продолжал смотреть на меня, как будто не мог поверить, что я, так умело, оборвала его на людях. И, возможно, так и было, хоть даже я признаю, что сложно представить, как кто-то мог отвергнуть такого прекрасного принца. Но я не была кем-то. И я на все сто процентов уверена в том, что ни в коем случае не предложила самую высокую цену, даже за такого безупречного принца, как этот.

Закончив на этом, я откланялась в вежливом реверансе. Просто потому что хоть я и отвергла чары принца, у меня были манеры. И после этого, я заставила себя протиснуться мимо него в узком коридоре, чтобы удалиться в свою спальню.

Когда моё плечо задело его руку, меня окружил его запах. Слабый аромат, ну да, пусть идёт к черту! Он даже пах слишком приятно.

Как только он пропал из моего поля зрения, я ускорила шаг. Но потом я нашла себе укромный уголок, где попыталась успокоить свой бешеный пульс.

Весь ужас предстоящей недели уже запустил в меня свои когти.

Глава 8

Кристиан

Что это было?

Все, о чем я думал пять минут назад, это уйти, неважно куда, лишь бы там не было графиков, матерей и отцов, отчаянно пытавшихся сбыть своих драгоценных наследников в соседние королевства. И желательно в место, где подавали алкогольные напитки. Раз я застрял на этом холме на всю следующую неделю, то полагал, что теперь, за неимением любимого паба, мне больше подошла бы моя комната и небольшой бар с алкоголем, на котором настояла моя мать.

Как вдруг появилась Наследная Принцесса Ваттенголдии Эльза.

На мгновение я, словно... не остолбенел, нет — потому что, иначе показался бы полным придурком — но может почти. В Херст-касле передо мной стояла скандинавская валькирия, она была полна огня и праведности, и нечеловечески прекрасна. Это было объяснимо, ведь она, скорее всего, была плодом моего воображения. Только она ещё и выдала свой... отказ от предложения, которое я даже не произнёс...

Вот же... ЧЁРТ! Она подумала, что я хотел сделать ей предложение?!

— Ваше Высочество?!

Паркер стоял прямо передо мной, в руках он держал стопку папок и разглядывал меня так, будто беспокоился за то, что прямо в коридоре у меня случился сердечный приступ. Который, кстати, был вероятен, учитывая произошедшее. Женщины просто так не кричат на незнакомцев, отказываясь от предложения, которое даже не было сказано. Даже на КРБ.

Ведь так?

— Крис?

Мне пришлось заставить свои ноги сдвинуться с места.

— Да... Да, — я тряхнул головой — уйма пересекающихся хитросплетений заблокировала поток рациональных мыслей. Потом я врезался прямо в кисточки, свисавшие с одной из люстр. Жесть, блин, совсем не в себе.

— С вами всё в порядке?

Просто пришла одна валькирия, оторвала мне яйца, повесила их себе на плечо и усккала прочь. Так что, нет. Я не в порядке.

Но мужчины так не говорят.

— Всё хорошо.

Почему меня так трясёт? Глупее быть не может. Она не валькирия. Она типичная, грёбаная гарпия.

И, возможно — ну, кто знает — она оставила мои яйца где-нибудь в этом коридоре. Я осторожно осмотрелся вокруг.

— Вы уве...

— Всё хорошо.

Он протянул руку и повёл меня к тому убогому месту, в котором я жил с матерью и братом.

— Можно поинтересоваться, почему вы здесь, а не в своей комнате? — и тише, словно рядом и не было никого, он ехидно пробурчал, — чтобы собраться с духом и вновь спуститься в сад?

Он что, сдурел?

— Господи, нет.

Потому что я уж точно не планировал находиться рядом с матерью. Нет. Не дождётесь. До того кошмара в саду, я, целых два часа, отведённых под встречи, просидел вместе с Волчицей, от которой разило мёртвыми розами, пропитанными самыми противными духами в мире, и, которая всё это время подсовывала мне записки о присутствовавших девушках. Хуже, блин, чем в аду, из-за чего теперь я был абсолютно уверен, что в одной из прошлых жизней был конкретным негодяем, раз заслужил такую судьбу.

— Тогда, вам определённо нужен коктейль.

— Кто сказал "коктейль"?

Он обвёл рукой вокруг нас.

— Фрэнк Синатра.

— Синатра был больше человеком 50-х и 60-х годов, чем 30-х и 40-х, когда это место, — я передразнил его, обводя руками вокруг, — переживало свой расцвет.

Паркер рассмеялся себе под нос:

— И всё же вы прочитали то, что я прислал вам.

— Я всегда читаю то, что ты присылаешь мне.

Его брови резко подскочили вверх в неверии, поэтому я добавил:

— А ещё мне кажется, что Синатра назвал бы это "выпивкой".

На это его смех стал громче:

— Отлично. Пойдем, найдём тебе выпивку, Крис. Теперь ты счастлив?

Уголки моих губ вздёрнулись вверх.

— Я буду вполне счастлив, если немного выпью, спасибо.

Я также был рад тому, чтобы он сам немного расслабился. Несмотря на долгие годы дружбы, с его приходом на должность моего личного секретаря между нами вкралось чересчур много формальностей. Когда я предложил ему работу, то посчитал это блестящей идеей — я мог доверять одному из моих лучших товарищей и, казалось, будет классно, если он всегда будет рядом. Но потом он настоял на сохранении дистанции между нами, как будто мы больше не были друзьями, а являлись лишь принцем и помощником.

Но сейчас Паркер говорил так же, как в те лучшие годы нашей дружбы.

Вернувшись в нашу двухуровневую комнату, в которой я жил со своей семьей, Паркер налил нам по стакану коньяка. Лично у меня настойки вызывают отвращение, но, как Её Королевское Высочество часто напоминала нам с Лукасом: "Коньяк это то, что до меня пил мой отец, а до него — его отец. Наша семья всегда пила коньяк".

Вот бы она узнала, как хорош виски. Или, черт возьми, стаут. Я был готов на всё ради хорошего, крепкого стаута прямо сейчас. Но я всё равно потягивал теплую мочу, усаживаясь на переносную кровать, которую принесли для меня. Будь я проклят, если я слабое звено в ряду любителей коньяка.

— Что тебе известно об Эльзе Васа?

Паркер только что откинулся на спинку одного из кресел, закрыв глаза от жала приторно-сладкой настойки, но от моего вопроса его позвоночник выпрямился.

— О ваттенголдской принцессе?

Слава Богу, что я спросил Паркера, а не Лукаса, потому что, тогда мне пришлось бы выслушать долгий и нудный монолог.

— Да, по всей видимости, это Принцесса Ваттенголдии, если нет другой Эльзы, заявленной на КРБ. Что ты о ней знаешь?

Он подтащил ближе к себе свою громоздкую кожаную сумку и через несколько секунд выудил из неё тонкую папку. Во время разбора полётов, до прибытия на Саммит мне посчастливилось узнать, что существует множество одинаковых папок, которые содержат досье на всех присутствовавших монархов и членов их семей.

Он призвал нас с Лукасом прочитать эти файлы во время перелёта. Но мой брат наотрез отверг предложение. А я, пролистав половину папок в алфавитном порядке, уснул. Это был самый простой способ избежать непрекращающихся и отвратительных разговоров с Волчицей о том, как бы быстрее заманить в ловушку девушек, которых она заприметила (просто скажу, что её план включал соблазнение — то, что ни за что не сработало бы с родителями). По причине сна, я не успел добраться до буквы В, так что валькирия, вместе со

своим родом, по-прежнему вызывала уйму вопросов в моём сознании.

Всё-таки Паркер был прав. Я читал не всё, что он мне давал.

Он передал мне файл, подписанный как "Ваттенголдия".

— Эльза Виктория Эвелин София Мари правящего дома Ваттенголдии, династии Васа...

— Даже моё имя не такое длинное, — я не смог удержаться от комментария.

На что Паркер и бровью не повёл, но продолжал:

— Является старшей дочерью Его Королевского Высочества Густава и Её Светлости Софии. Её детство прошло в элитной школе-интернате Ле Розы в Швейцарии, где она получила безупречные оценки. Выпускница Оксфордского университета. Двадцать восемь лет. Свободно говорит на пяти языках. Во время учёбы в Оксфорде её научные изыскания были сосредоточены на европейской истории...

Я поставил свой стакан на пол и наклонился вперёд.

— Да, да, это я уже знаю. — Хотя, вообще-то не знал. Тем не менее, то, что валькирия любила историю, не имело значения. Все монархи любят историю: изучая прошлое своих славных семейств, они питали своё эго.

— Я имел в виду, что ты знаешь о ней?

— Я тебе как раз рассказывал, — он сжал губы от недовольства.

— Она сказала, что не выйдет за меня. Или... не знаю. Не станет со мной спать.

Паркер вздрогнул в своём кресле, от чего коньяк выплеснулся через край стакана.

— Ты ей предложил? Наследной принцессе?!

Боже праведный! Мне действительно пора было научиться аккуратнее заводить разговор на подобные темы. Я бросил ему лежавшую неподалёку футболку Лукаса, чтобы он вытерся. Кстати, а где мой брат? Наверное, ему тоже хотелось бы скрыться с нами ото всех.

— Ничего из вышеперечисленного.

— Но...

— В смысле, я, вне всяких сомнений, не делал ей никаких предложений, даже гнусных.

Он долго рассматривал меня, прежде чем бросить назад футболку.

— По-видимому, ты начал пить раньше, чем я думал.

Я запихал майку под подушку на кровати Лукаса. Никто из нас не хотел подниматься по тесной крутой деревянной лестнице нашего дуплекса, чтобы проходить мимо кровати матери. Да, плохо, что нам всем приходилось жить в одном месте.

— Мы столкнулись с ней в коридоре. Прежде, чем я успел вообще что-то ей сказать, она протянула, что не выйдет за меня замуж. И что не станет заниматься со мной сексом или... я не знаю. Она сказала что-то про предложение руки и приставание.

Это вызвало у Паркера искренний и весьма продолжительный смех.

— Рад, что рассмешил тебя.

— Это точно. Насмешил до слёз.

Я сказал ему, куда он может засунуть свой смех, что его ещё сильнее рассмешило.

— А если об этом все узнают, Паркер?

Но это не помогло его успокоить.

Я попробовал ещё раз.

— Что, если об этом узнает Великая Герцогиня?

На этот раз сработало.

— Не был бы так уверен в том, что она не организует помолвку, как только я выражу

интерес к кому-либо, особенно к этой девушке, так как её сестра стоит на первом месте в списке Волчицы, который я называю, — сквозь меня прокатилась лавина произвольных содроганий, — "на ком жениться". Ты знаешь, что она сделает это, вне всяких сомнений.

Паркер вмиг протрезвел. Конечно же, он это знал. Ничто не удивляло его в поведении Волчицы, потому как будучи моим старым другом, он с детства наслушался историй о её нраве.

— С чего бы Наследной Принцессе Ваттенголдии знать, что ты заинтересован в союзе с ней? — он налил нам ещё по стакану поганого коньяка. — Что произошло в коридоре?

— Ничего. Полагаю, мы посмотрели друг на друга.

Брови Паркера поднимались всё выше.

Вот, блин!

— Не посмотрели друг на друга, — быстро поправился я.

Уголки рта этого мерзавца дёрнулись.

— В смысле, мы оба были в коридоре. Мы почти столкнулись. Ну, или я напоролся на неё. Здесь сплошь невероятно узкие коридоры, — я скрестил руки, но потом понял, что от этого выглядел так, будто я защищался, и заставил себя расслабиться.

— Наши глаза тяготели друг к другу, как обычно бывает с вежливыми людьми, когда больше не на кого перевести взгляд. На расстоянии, конечно, — я не стал рассказывать ему, что она была достаточно близко, и я практически опьянел от её духов — аромат ванили, который был в десять триллионов раз чудеснее запаха мёртвых роз Волчицы.

Паркер водил пальцем по ободку стакана.

— Ты сделал предложение о замужестве взглядом? — он присвистнул. — Должно быть, это был дьявольский взгляд, Крис.

Идиот.

— Говорю тебе, это не было взглядом, ну, или, по крайней мере, это был не такой взгляд, в котором можно было бы разглядеть клятву в любви и верности. Это был взгляд почтения. Точнее, беглый взгляд, — я щёлкнул пальцами. — Признание её существования.

— Леди слишком много возражает, по-моему.

Друг он мне или нет, я молча сделал ему предупреждение.

— Мои извинения. Теперь, когда мы определились с тем, что это был за взгляд, сказав это слово дюжину раз на каждого, может быть, я должен продолжить рассказ о том, что знаю о принцессе?

Я провёл рукой по лицу.

— Продолжай.

— Ходят слухи, что Её Королевское Высочество — человек прямолинейный. Эта черта расположила к ней жителей Ваттенголдии. Несмотря на обожание принца Густава, принцессу Эльзу воспринимают как глоток свежего воздуха для страны, которую большая часть Европы игнорирует и считает устарелой. Она серьезно относится к своей благотворительной деятельности, охране окружающей среды, а также нацелена на то, чтобы Ваттенголдия обрела почву под ногами и расцвела, в условиях современной экономики, сохранив уважение и к своему культурному прошлому, — Паркер потёр переносицу. — А знаешь, у вас двоих, видимо, гораздо больше общего, чем вы думаете.

По крайней мере, манеры точно.

— Как так?

Он медленно попивал из стакана.

— В условиях поиска подходящей пары — здесь, всю эту неделю — я предполагаю, что своим отказом Её Королевское Высочество указала на свою незаинтересованность в том, чтобы её рассматривали как участницу КРБ, так?

Моё эго не позволит мне так живо пережить подобное унижение.

— Не столь любезно, но, да, суть была такова.

— Возможно, тебе стоит подружиться с ней. Вы могли бы стать прибежищем друг для друга в этом борделе.

Я аж поперхнулся — буквально подавился — этим идиотским коньяком.

Пока Паркер похлопывал меня по спине, я нехотя допустил, что эта идея, какой бы мерзкой ни была, не так уж плоха. Но, как бы я к ней не относился, у меня была гордость, и она уверяла меня, что не может выйти ничего хорошего из дружбы с женщиной, заикленной на своей — как она это назвала — работе? Кроме того, валькирия была той принцессой, ради дружбы с которой Волчица продала бы душу своего мужа — она была "мостом" к её сестре. А, пошло всё к черту!

Когда я смог говорить, я сказал Паркеру:

— С ней лучше совсем не пересекаться.

Он не одобрил. Совсем плохо.

— Где, вообще, носит Лукаса? — Я послал брату короткое смс, сообщив, что мы с Паркером принимаем на грудь, и если он хочет здесь выжить, то лучше бы ему тоже выпить.

Глава 9

Эльза

Только Его Светлость мог рассматривать нас троих, проживающих в одном из самых известных исторических особняков США, как участников похода. После бегства от принца Кристиана, я слышала, как многие из тех, кто считал только европейские постройки архитектурными шедеврами, охали и ахали от смещения стилей в замке. При этом замок был довольно тесным для того количества людей, что были в него упакованы на всю неделю. Члены королевских семей, которые привыкли к удобным и большим пространствам, были уложены поверх друг друга, как сардины. Размещение было случайным, чтобы ни одна семья не оказалась в лучших условиях, во избежание обид. Рассчитывать на уединение особо не приходилось. Никто из монархов — даже самые именитые и влиятельные — не имели собственной комнаты. Совместное проживание с отцом не было пределом наших с Изабель мечтаний, даже когда он щедро уступил кровать нам, а сам спал на небольшой складной кровати. Хорошо, что мама не поехала с нами, она была дома, чтобы проследить за реконструкцией дворца.

Кто действительно мог сравнить своё проживание с походом, так это прихваченные монархами помощники, которых поселили в бараках. Это ещё раз доказывало, что МС вышел из ума. Они хотели, чтобы верноподданные спали на неудобных койках, в общежитии, пользуясь походным душем и туалетом? Непростительно!

Я сообщила Шарлотт об этом безумии, и она тут же написала, как рада тому, что осталась в Ваттенголдии. А также напомнила, чтобы я сообщала ей, как минимум раз десять в день, обо всех событиях.

Ещё я написала ей, что встретила наследника Эйболенда.

Она мгновенно ответила. «Он такой же красавчик в жизни, как и в журналах?»

Я подумала, что лучше рассказать ей, как это было нелепо.

«Он был мил?»

Я даже и не знала что ответить. «Мы не разговаривали». Что было правдой лишь наполовину, ведь я говорила, а он слушал. И после, я постоянно размышляла, а вдруг мои слова звучали как бред сумасшедшего, которым меня сделал КРБ в первый день.

Изабель еле слышно рассказывала отцу что-то о том, как мило было поехать в Калифорнию, как раздался стук в дверь. Это был Биттнер, уже одетый в новый костюм, хоть он и будет ужинать лишь под одним из больших навесов на склоне холма.

— Ваше Высочество, вы просили известить вас за двадцать минут до ужина.

Отец буркнул, пока Изабель поправляла ему галстук:

— Вы знаете, с кем мы будем ужинать?

Меня удивило, что он обратился к нам обеим. На ужин в семейном стиле вряд ли стоило рассчитывать. Пора от них отвыкать.

— Лихтенштейн и Норвегия, — предложил Биттнер.

Спустя десять минут мы спускались по ступенькам к бассейну. Столы, накрытые белоснежными скатертями, свечи и свежие цветы украшали патио, окружённое римскими колоннами, которые вели к фасаду греко-римского храма. Солнце ослепительно сияло в небе, отражаясь в бирюзовой воде бассейна, и я безмятежно размышляла над тем, как название этого места — если верить гиду, то Ла Куэста Энкантада или Зачарованный холм — как нельзя лучше подходит для вида, открывшегося передо мной.

Отец взял мою руку:

— А здесь не так уж и плохо?

Тихая музыка времён начала-середины двадцатого века наполняла пространство вокруг нас, и я не хотела признавать, что он прав. А он был прав. В эту секунду, в этом месте, в воздухе было слишком много магии, чтобы быть поглощённой своим негодованием.

К счастью, сам ужин прошёл без стресса. О КРБ говорили не так уж и много, так как день открытия Десятилетнего Саммита был посвящён встрече старых друзей и представлению новых коллег. По крайней мере, я надеялась на это, пока мой отец, большую часть своего времени, обсуждал за столом со своими коллегами-правителями семейные дела и вопросы политики.

Во время подачи основного блюда я заметила принца за столом по другую сторону бассейна. Он был вместе со своей матерью, Великой Герцогиней Эйболенда — элегантной женщиной, чья уравновешенность и умение мастерски восхищать своими выступлениями толпу, часто доводили мою мать до припадков ревности. С ним рядом сидел мужчина, который, как я полагала из-за сходства черт, был его братом. Они обедали в компании Швеции и Люксембурга, и, в то время как всё внимание его матери было приковано к Великому Герцогу, сидевшему рядом с ней, Кристиан и его брат вели себя гораздо более сдержанно с наследниками и правопреемниками.

Я старалась не пялиться, но, Господи, он же был самым видным мужчиной в зале, в котором было полным-полно красивых мужчин. И мне не нравилось, что я сама пришла к такому выводу, ведь красота — это ничто, и в человеке много других черт, которыми можно было бы восхищаться.

— Что привлекло твоё внимание?

Я перевела взгляд от загадочного принца обратно на сестру.

— Просто смотрю, кто здесь есть.

Изабель понимающе кивнула. Она тоже многозначительно осматривала присутствующих. Среди них могли быть наши (не)везучие женихи? Ещё теснее смешались между собой мерзкий бизнес, любопытство и грусть.

Никого из наследников Норвегии и Лихтенштейна не было, все они были благополучно женаты, а их дети слишком малы, чтобы попасть на КРБ. Ходили слухи, что родственник монарха из Лихтенштейна был в доме, но у него якобы случилось расстройство желудка во время перелёта. Какое облегчение, что за столом с монархами были лишь мы с Изабель. Пустая болтовня — всё, что от нас требовалось, и меня это устраивало.

Правда, меня бесило, что моё внимание неоднократно возвращалось к будущему Великому Герцогу Эйболенда. Всякий раз, как я ловила его строгое выражение лица, в ушах звенели скверные слова, вылетевшие тогда из моего рта.

Он ведь мне вообще ничего не предлагал. Отвлечённый на свой телефон и застрявший в том же узком коридоре, он просто не успел заметить меня, пока не стало поздно.

Красноречивая. Умная. Сообразительная. Этими словами обычно описывали меня, но, спустя пару часов после прибытия, я позволила КРБ вычеркнуть их из перечня моих лучших качеств.

Нельзя это так оставлять. Я должна была извиниться перед ним.

Глава 10

Кристиан

Вскоре после изысканного ужина официально открылась ярмарка корысти — она же КРБ — причём, так могут открываться только ужасные события, полные гламура и циничных намерений. В окружении мерцавших на небе звёзд, приятных бесед и смеха, проплывавших по прохладному воздуху. Для стороннего наблюдателя всё это представилось бы событием века. Ведь нет ничего более изысканного, чем сборище представителей королевских семей.

Как бы он ошибался!

Мы всё также сидели вокруг, по общему признанию, впечатляющего бассейна Нептуна, в котором гармонично соединились голливудская роскошь и черты греко-римской архитектуры. Будучи подсвеченными, как и сейчас, все оттенки бирюзовой, мерцающей воды на фоне черного бархата холма и слабого шума волн, просто завораживали. Я не считаю себя романтиком, но во мне достаточно здравого смысла, чтобы признать, что это было чертовски идеальное зрелище.

— Один британец сказал, что нас бы сюда не пустили, если бы здесь не было кого-то вроде зрителя, — Лукас передал бокал с шампанским. — Зато Калифорния, я полагаю, не парится по этому поводу.

А жаль. Я вздохнул, вглядываясь в золотые пузырьки в моём бокале.

— Не мог бы ты найти чего-нибудь покрепче?

Он поморщился.

— Да я ишу, ишу. Но сейчас, пей либо это, либо коньяк Волчицы.

Я всегда буду предпочитать шампанское семейному пойлу.

— А где она вообще?

— Высасывает мозг из местных детей, будь уверен, — пробубнил он, и я усмехнулся,

потому что это было вполне возможно.

Он допил свой бокал в четыре быстрых глотка.

— Хотя, нет. Она, скорее всего, распродаёт нашу королевскую сперму.

Одна из принцесс Иордании, беседовавшая неподалёку с другом, побледнела от слов брата и поспешила удалиться.

Я тряхнул головой, зато он нисколько не смутился от того, что был услышан на вечеринке за обсуждением семенной жидкости.

— Жаль, убийство матери считается в штатах преступлением.

На его лице нарисовалась кривая ухмылка, очаровавшая слишком многих женщин Эйболенда.

— И всё же, давай рискнём и тут же покинем страну. Наши договорённости с Вашингтоном касательно экстрадиции в силе?

Если подумать, то я не мог вспомнить случая, когда кто-то был экстрадирован из Эйболенда обратно в Соединенные Штаты. Я собирался ему сказать это, когда он еле слышно зашипел, а его лицо стало абсолютно серьёзным:

— Черт, какого хрена?!

Ему не пришлось объяснять свой разворот на сто восемьдесят градусов. Только одна вещь могла вызвать у моего брата столько отвращения. И прямо сейчас она плавно направлялась к нам в облегающем чёрном платье, больше подходящем для кого-то моложе её лет на сорок.

— Не смей, — пригрозил я.

Но Лукас, разумеется, посмел. Он сбегал в противоположном направлении так элегантно, насколько это было возможно. Теперь только мне предстояло встречать единственного человека, способного подчинить себе нас обоих.

Когда мать подошла ко мне совсем близко, то выдала — лучше всего было бы описать это как — счастливый, но совершенно зловещий выдох:

— Что это, виртуальный буфет? — и как минимум в двадцатый раз за вечер я спросил себя, почему все другие, присутствовавшие здесь женщины за шестьдесят, одетые в скромные, но элегантные инкрустированные платья, хотели подчеркнуть этим свой высокий статус, а моя мать выбрала то, что подчеркивало её отчаянные старания выглядеть молодой.

Я прекрасно понимал, на что она намекала. Но, чёрт, это был даже не намёк, потому что почти половина из того, что она весь день говорила Лукасу и мне, было вульгарными замечаниями о присутствующих женщинах. Тем не менее, я не хотел, чтобы она видела, как меня всего передёргивало в этот момент. Почему моя мать не феминистка, а королевская сутенёрша?

— Ужин был превосходным.

Волчица выразила своё неодобрение, трогая свою корону, как будто та могла упасть и утонуть в воде лазурного бассейна, пока она прохаживалась среди гостей. Словно она не могла полностью контролировать всё вокруг себя с тех пор, как ей было три года.

— Я хотела хорошенько рассмотреть девушку, выбранную для тебя, прежде чем сделать окончательный выбор, и у неё, похоже, достаточно широкие бёдра, чтобы успешно рожать самой, также мне сообщили, что с циклом у неё всё в порядке.

Я подавил знакомое передёргивание, которое, чуть было не стало заметным от этой последней информации. Было крайне сложно не позволять пальцам свернуться в кулаки или завывать в ярости от её омерзительных планов.

Какого чёрта?! Мне нужно ещё выпить, сейчас же. Совершенно очевидно, мать хотела, чтобы я спросил, о ком она говорила. Что это за девушка с бёдрами, достаточно широкими для родов, которая заслужила её одобрение? И теперь она могла наслаждаться моим комфортом, но я не собирался доставлять ей это удовольствие. Может, предложить ей высосать мой мозг и дать соломинку. К тому же, я ведь уже знал. Это та грёбаная младшая принцесса Ваттенголдии. Итак, я глянул на бассейн, втянул больше воздуха вместе с мыслями о чём-то весёлом, к примеру, о хождении под парусом, хорошем стауте, даже об удушении матери, пока она не перестанет всё решать за меня, или хотя бы утверждать обратное.

Я убью Лукаса за то, что он вот так оставил меня с Волчицей. Никакой братской преданности не осталось? Говоря о... а где Паркер? Помощникам было разрешено прийти на послетрапезное торжество.

Быстро и осторожно оглядевшись, я увидел его рядом со столом для десертов. Счастливчик.

Около двух с половиной минут ушло на холодные, пустые, но вежливые, любезности, не связанные с её насмешками, прежде чем она смирилась с тем, что сегодня я не буду играть по её правилам. К счастью, узрев Лукаса по другую сторону бассейна, я устремился в противоположном направлении.

Я люблю своего брата, но сейчас каждый принц — сам за себя.

Пройдя опасный отрезок пути, я направился к Паркеру и столу с десертами, молясь об обретении защиты среди вкусов. Моя мать скорее умрёт, чем положит их себе в рот, боясь набрать хотя бы одну лишнюю унцию.

— Эклер? — спросил Паркер, передавая его мне раньше, чем я успел ответить.

Я хотел его, но отмахнулся, выбрав шампанское.

— Так плохо? — спросил он сочувственно.

— Если под "плохо" ты имеешь в виду, что она уже обсуждает мой скорый брак, то да.

Он тихо присвистнул. И в тот же момент я увидел её, смотревшую на меня так, будто я был самым противным человеком, когда-либо почтившим планету своим присутствием. Или, более вероятно, как-будто она ела лимоны.

Нет, это не Волчица. Это Валькирия. То есть Наследная Принцесса Ваттенголдии. Довольно иронично, не так ли?

Как бы сказал мой красноречивый брат: "какого хрена!?"

Глава 11

Эльза

А вот и он, снова слишком хорош.

Наследный Великий Принц Эйболенда тоже смотрел на меня, и это означало, что мне стоит быть готовой к неизбежному.

По правде говоря, я бы предпочла отгрызть себе ноги, чем идти туда. Хотя, это он должен быть тем, кто сгрыз бы себе ноги, и я не могла винить его за это. Если бы я могла делать то, что хотела, то была бы у себя и работала, а не здесь, наряженная, как кукла Барби, готовая быть сметённой с ног принцем Кеном (или, как минимум, извиняться перед ним). Но никто не спрашивал, чего хочет Эльза, поэтому я здесь, готовая к разоблачению ради правил приличия.

Видимо, там, дома, моя мать приносит в жертву ягнят, или телят, или что-то ещё ежечасно, чтобы обеспечить моё надлежащее поведение на эту неделю, потому что я больше ничем не могла объяснить своего желания извиниться.

Я глубоко вдохнула (или точнее сделала небольшой вдох, от которого чуть не треснули швы серебристого платья с бисером, что было на мне), расправила плечи, и, прогуливаясь, направилась к принцу Эйболенда Кристиану.

Боже, ну почему ему нужно быть таким красивым?!

Великолепным, но напряжённым, потому что в момент, когда он заметил меня, идущую в его сторону, он снова выглядел как олень на дороге, освещённый фарами огромного грузовика. О нет, Матерь Божья! После его испуганного взгляда на меня, я оглядела его. Вместо прежней рубашки и брюк, теперь он был одет в один из самых восхитительных смокингов, что я имела удовольствие видеть, доказывая, что некоторые люди просто рождены для роскошной одежды. Костюм был чётким, с ровными линиями, чёрный, красивый и точно подогнан под каждый мускул, с которым соприкасался. Такими же совершенными, как и его смокинг, были его тёмные волосы: с укладкой он не перестарался, как многие другие члены королевских династий. Они были немного покрыты муссом, не слишком длинные, не слишком короткие, с намёком на волну вдоль прядей.

Нельзя разрешать мужчинам быть такими лапочками.

Он вертелся у стола с десертами, попивая шампанское, рядом с симпатичным мужчиной, которого я не могла узнать. Шатен, хоть и не такой тёмный, как принц, карие глаза, загорелый, в элегантном, но стандартном смокинге. Не наследник, тогда... но и — если мне не изменяет память — не правопреемник. В голову нехотя лезли мысли о благотворительной миссии принца Кристиана, потому что было неожиданно видеть влиятельного человека, водящего дружбу с кем-то, кто был ниже статусом и даже не в окружении женщин, готовых упасть в обморок от любого, уверенно произнесённого, слова с милым акцентом. Всё это бесило, потому что я не желала приходить к такому благосклонному мнению. Благотворительность могла стать слабым звеном, которым бы воспользовался отец. У этого принца есть младший брат, а младшие братья подразумевают потенциальных супругов, так что, из этого не могло выйти ничего хорошего.

Сразу после того, как ужин завершился, и друзья отца откланялись, он сообщил нам с сестрой, что нашёл "качественных кандидатов безупречных кровей", и они оба "кажутся здоровыми и хорошо обеспеченными", и что я в особенности должна подготовиться к встрече с тем, кого он считает самым подходящим вариантом, учитывая нужды Ваттенголдии.

Три, тринадцать или тридцать лет — ты никогда не будешь готов услышать подобные слова от своего отца.

— Что будешь делать? — прошептала Изабель, когда отец оставил нас ради беседы с королём Саудовской Аравии.

Хотела бы я иметь умный или хорошо продуманный ответ, но я металась в панике. Мой единственный выход был сделать себя настолько нежелательным кандидатом, насколько это возможно.

Я прекрасно понимала, что будет самоубийством позволить ему увидеть меня беседующей с Кристианом. Для Его Светлости это будет означать, что я включила зелёный свет его махинациям. Именно так, и я остро осознавала, что у меня было всего несколько часов между моими действиями и этим моментом, чтобы я повела себя безобразно с

приятелем по КРБ. Правила хорошего тона были чувство самосохранения.

С моим приближением собеседник Наследного Великого Герцога почтил меня взглядом с насмешливым блеском в глазах, что настораживало. Шаг навстречу был сделан с надлежащим поклоном:

— Ваше Высочество, меня зовут Паркер Лоран-Синклер, личный секретарь Её Высочества. Разрешите вас представить?

Я благосклонно кивнула так, как меня обязывал статус, вместо того, чтобы плевать серой и огнём, что я сделала ранее тем же днём.

— Принцесса Эльза, рад представить вас Его Королевскому Высочеству, Наследному Великому Герцогу Эйболенда Кристиану.

Я склонила голову, и Паркер повернулся к своему боссу:

— Принц Кристиан, с большим удовольствием представляю Её Королевское Высочество, Наследную Принцессу Ваттенголдии Эльзу.

Пришёл черёд для поклона Кристиана, как и этим утром, он идеально его исполнил. Я собиралась ответить собственным реверансом, когда он протянул руку. Он хотел пожать мне руку, словно мы, что, лучшие друзья? Но укоренившиеся манеры матери снова победили. Я неохотно вытянула свою руку вперёд, пока его пальцы не обвили мою ладонь и не поднесли к своим теплым губам.

О, смилуйся Господи! Кожа Кристиана точно выделяла гормоны, потому что я всеми силами старалась подавить дразнящую, почти оргазмическую дрожь, угрожающую охватить всё моё тело.

Разве поцелуи рук могут вызывать подобную реакцию? Теперь он ещё сильнее раздражал меня.

— Ваше Высочество, — его слова, произнесённые в мою кожу, взбудоражили меня. Моё сердце билось слишком сильно, слишком быстро. От него исходил чертовский аромат. — Приятно познакомиться с вами согласно этикету.

В его словах не слышалось "приятности". Он был напряжён, что было понятно, учитывая то, как я недавно обрушилась на него в коридоре.

Я забрала свою руку и сделала шаг назад, подальше от острого запаха мыла и чистого человека. Что происходит? Я не... Это нужно прекращать. Я же не влюбленная маленькая девочка в постоянном поиске сказки. Я здесь не для того, чтобы упасть в обморок, даже от такого образца мужского великолепия, который выделял феромоны не только при контакте с кожей, но, по-видимому, также и по воздуху.

— Послушайте, — мой голос был окрашен резкостью, но я ничего не могла с ним сделать, даже с помощью надлежащих манер и стыда от потери самоконтроля, — нет необходимости вести себя так чертовски очаровательно. Сохраните свои чары для кого-то, чьи трусы сбегает по ночам. И не нужно со мной заигрывать. Я просто пришла, чтобы извиниться за своё поведение днём. Признаюсь, что я, должно быть, переусердствовала, — моя голова наклонилась в сторону главного здания, — в коридоре. Когда мы, эм, столкнулись друг с другом. Прошу прощения за это.

Момент затянулся, пока под звон бокалов, лёгкую болтовню и приятную музыку вокруг нас Кристиан стоял с отвисшей челюстью от моей прямооты. Даже Паркер вёл себя так, будто из моей шеи торчали две головы. Не важно. Наследный Великий Герцог мог воспринимать мои слова, как хотел, мне не было до этого дела. Я поворачивалась на каблуках, когда Кристиан выпалил:

— Я не делал предложений, тем более грязных. Или чего-то ещё, что вы вообразили, я делал.

Я совершила ошибку, пялясь на его рот, пока он говорил. Его губы были настолько идеальны, сродни тем, что мастера создавали своим статуям.

— Какого чёрта! Я даже вас не знаю, — разгорячился он, — Кроме того, вы наследуете трон. Почему вы вообще решили, что я стал бы делать вам предложение? От большой любви?

Этого было достаточно для того, чтобы перевести мой взгляд от его аппетитного рта к глазам. Он был возмущён, посреди изысканной вечеринки, уже не пытаясь скрываться за напускной вежливостью. И этот его гнев только существенно усилил мой интерес, потому как какой идеальный человек будет огрызаться на женщину на публике?

Паркер зашипел в ужасе от надвигавшегося скандала:

— Ваше Высочество!

Очевидно, я была не единственной особой голубых кровей, кому было сложно сдерживаться на публике. Странно, но от нашей похожести мне захотелось рассмеяться.

Кристиан отмахнулся от своего секретаря, пока я пыталась сдержать ухмылку. Нет больше образца совершенства, по крайней мере, не в темпераменте, и я позволила себе еще несколько благотворительных мыслей в отношении этого принца.

Не сумев противостоять извращенному желанию воспользоваться таким остроумным ответом, я спокойно сказала:

— Вы так смотрели на меня. Что ещё я могла подумать?

Я попала в самое яблочко, потому что глаза Кристиана расширились в забавной растерянности.

— Не было никакого взгляда! — рявкнул он.

Моя мать считает, что смеяться над кем-то — вульгарно и совершенно непривлекательно. И неприемлемо со стороны наследника ваттенголдского трона. А ещё мне нельзя было смеяться долго и громко. Зато был позволен вежливый, тихий смех, и чем его меньше, тем лучше. Но как же я хотела засмеяться сейчас, прямо в это озлобленное лицо, особенно когда шампанское буквально прыснуло из носа Паркера.

Сжалившись над Мистером Какая Неожиданность, я передала салфетку со шведского стола. И всё же, я не могла удержаться и сделала новый ход:

— Взгляд, определённо, был.

Кристиан вторгся в моё личное пространство:

— Под взглядом вы имеете в виду удивление от увиденной в коридоре незнакомки. Если и был какой-то взгляд, то это было оно. Ничего больше!

Да что же это! Нельзя так таращиться на этого мужчину. Незванные картинки, где он, справедливый в своих убеждениях, говорит с парламентом Эйболенда, дразнили меня, пока я не стала проклинать новые покалывания в интимных местах.

Дурацкие интимные места. Им всегда не хватало логики!

Он не может мне нравиться. Не может! Любовь с первого взгляда — сказка, не реальность. Поиздеваться — одно дело, но обнаружить физическое влечение — совсем другое. Поэтому, я вытащила из памяти самое отвратительное воспоминание, когда я застукала своего отца во время секса с кем-то, кто не был моей мамой. Его Светлость был голым, как в день, когда родился, и даже хуже: из его на удивление загорелого зада прорастали вьющиеся волосы.

Успокоив свой позыв сбежать к туалету и извергнуть из себя то небольшое, что мне

удалось съесть за ужином, я бросила Кристиану:

— Можете так думать.

И вот мои интимные места снова взялись за своё, от того, как мило прилила кровь к его шее. Как получилось, что волосатых ягодич отца было недостаточно для противостояния чарам этого человека?

— Как обладатель того взгляда, — сказал Кристиан, вновь заполняя собой моё личное пространство, — могу вас уверить, это было единственно возможное намерение.

Волосатый зад. Волосатый, дряблый зад. Волосатый, целлюлитный зад, трясущийся от (меня передёрнуло) толчков (передёрнуло), в ту женщину сзади, да-да. Я старалась закрепить ту сцену в своём сознании, пока мои плечи распрямлялись, а дыхание выравнивалось.

— Так как у меня нет никакого желания выходить за кого-либо замуж в этом богом забытом месте, не говоря уже о... том, чтобы делать что-то ещё, эта информация утешает.

Но потом, не в силах сдержаться от того, чтобы не нахамить, выпалила:

— Я ясно выразилась?

Его рот открылся. Это был опасный рот — он так много обещал.

— Куда яснее, мадам.

Впервые меня так подвела отцовская задница.

Наверное, я заболела, может даже тем же расстройством, что и кузен правителя Лихтенштейна. Я ощущала небольшую температуру, головокружение и была явно не в себе, потому что испытывала мощное наслаждение от реакции принца на мои заскоки.

— Наверное, мне стоит подчеркнуть, что у меня тоже нет ни малейшего желания жениться на ком-то на КРБ, не говоря уже о... том, чтобы делать что-то ещё, — он подражал моим интонациям. — В том числе в такой компании.

Моя мать пристыдила бы меня за то, что у меня чуть не вырвался подлинный смех. Хотя у меня получился сдержанный смешок, но всё же. Я быстро прикрыла рот. Прямо перед ужином я услышала, как несколько дам обсуждали, что бы они сделали для принца Кристиана, когда — а не если — застанут его одного, и ни один из вариантов не был невинным.

— Удачи вам.

— В смысле?

— В смысле, будет чудом, если к концу Саммита вы так и останетесь холостым и нетронутым. Кроме того, не смотря на протесты, вы знаете, как и я, что в этом вопросе ни у кого из нас нет права голоса.

Он снова глазел на меня. Мои интимные места сочли его удивление очаровательным, что было недопустимо. Этот человек был наследным великим герцогом. Я — наследной принцессой. То, что мы подходили друг другу — не вариант, даже на КРБ. Я должна сделать что-то, чтобы покончить с этим неуместным притяжением раз и навсегда. Я сделала глубокий вдох и сказала, мысленно съёжившись, так как хорошо понимала, как откровенно грубо и ужасно это будет звучать:

— Ты ведь не девственник?

Паркер быстро отклонялся под предлогом поиска еще шампанского.

Хорошо, по крайней мере, моё унижение увидит на одного человека меньше, хотя думаю, основной ущерб уже давно нанесён.

— Не страшно, если нет, — продолжила я.

Кристиан стоял теперь так близко, что мы дышали одним и тем же горячим воздухом от ламп неподалёку.

— Мне тридцать лет.

Я явно переоценила его. После такого грубого вопроса любой нормальный, вежливый человек сбежал бы. Но этот принц — ближе, чем когда-либо — заставлял меня отчаянно выискивать другое кошмарное воспоминание, чтобы побороть его нежелательное воздействие на меня. Может быть, то, где Нильс трахает мою бывшую лучшую подругу? Это отличное, обидное воспоминание, которое всегда работает в случае необходимости. Вот только каждый вздох был наполнен Кристианом, и звезды мерцали в небе, и моя голова плыла, и мои чёртovy интимные места радовались и страдали одновременно.

Мне был нужен кто-то, кто бы вернул мне разум прямо сейчас. Шарлотта бы с удовольствием сделала это, если бы была здесь. Может, Изабель побудет за неё? Потому что этот принц не мог быть моим. Никогда. Но, не потому, что я бы не захотела его со всей его идеальностью. Совсем не сложно жить с человеком гораздо более привлекательным, чем ты сам. Черт, да у него, вероятно, на каждый день недели по новой женщине. А это не то, чего я хотела и в чём нуждалась. Лучше ничего не иметь, чем иметь что-то ненастоящее.

Я презирала то, какой осуждающей была в тот момент. Как сильно я позволила влечению покоробить свою голову. Я, должно быть, больна. Точно.

Так нельзя.

С трудом сглотнув, сказала:

— Среди тридцатилетних полно девственников. Не стоит стыдиться.

Его голова опустилась ближе к моей; его тёмные, волнистые волосы упали ему на глаза, и всё, что я могла делать, это заморожено смотреть, как он в ярости вбирал в себя воздух.

— Вообще-то, это не ваше дело, но я не девственник.

Молчание боролось за пространство между нами среди шума толпы почти целую, мучительную, напряжённую минуту, в течение которой мы просто и настороженно изучали друг друга. Думаю, я бы с радостью заплатила миллион евро, чтобы узнать, что он думал в ту минуту.

Наконец, его рот открылся:

— А вы?

По какой-то причине, у меня снова почти не осталось воздуха в лёгких:

— Что насчёт меня, сэр?

— Вы девственница?

Должна отдать ему должное: хорошо справился с ролью, по-мужски, превосходно.

— Какой дерзкий вопрос, за него вам полагается пощёчина.

Не к месту в голове возник вопрос, как часто женщины шлёпали его.

Господи, какая красивая ухмылка.

— Вы уходите от ответа.

Я спародировала его акцент, говоря низким голосом:

— Мне двадцать восемь лет.

— Уверен, что в мире полно озверевших двадцативосьмилетних старых дев.

Точно не на этой вечеринке. Несмотря на матримониальные петли, нависшие над головой каждого одиночки, сексуальных авантюр, запланированных на эту неделю, уже очень много. Зачарованный холм сегодня станет центром секса — без меня, конечно.

— Разве девы звереют?

Он усмехнулся, и его улыбка была прекрасна, и несправедлива, и заразительна. Держу пари, что его мать не говорила ему, что не стоит смеяться на людях.

Мне не терпелось отстраниться от него на шаг, но я боялась, что так покажу, что он смущает меня. Поэтому я выпрямила спину, задрала подбородок, чтобы встретить его глаза своим холодным взглядом.

— Дамы не обсуждают подобные мелочи.

— Девственницы, может, и нет.

Ооо, мне так нравится, как легко читалось в его глазах то, что его это позабавило. Я тихо сказала:

— И много вы знаете таких мифических женщин?

Ради Паркера, ищущего шампанское, я приняла бокал у, проходящего мимо, официанта. Кристиан сделал то же самое.

— Мифических двадцативосьмилетних женщин, сходящих с ума, или тех, что отказываются обсуждать секс?

Мои плечи поднимались и опускались, пока я медленно отпивала шампанское. Пузырьки опускались по горлу в желудок, а окружающие их мышцы двигались в такт фокстроту, льющемуся из динамиков.

— Я знаю много женщин, — сказал он мне.

— Я ужасно потрясена.

— В смысле?

— В том же самом смысле, о котором говорила раньше. Нет шанса остаться холостяком к концу недели. У вашей матери, должно быть, уже длинный список с заявками на вас.

Рядом послышался громкий звук: поднос ударился о землю. Кристиан перевёл своё внимание на источник шума, позволив мне сделать несколько незаметных шажков назад.

По другую сторону бассейна покрасневший официант на коленях собирал разбитое стекло салфетками, пока монархи выказывали ему своё презрение, раз он посмел продемонстрировать что-то отличное от безупречного поведения в их присутствии.

— Бедняга, — тихо сказал Кристиан. — Сколько бы вы поставили на то, что его уволят за это?

В пари не было необходимости. Несчастный мужчина, скорее всего, будет выпровожен в течение часа.

Кристиан снова сфокусировался на мне.

— Вы хотите, чтобы я что-то поставила?

Люди, делающие ставки, вызывали у меня отвращение, так что меня устраивал такой поворот. Крайне мерзко было бы использовать в этих целях человека, потерявшего работу из-за такой ерунды.

Моё презрение, наверное, было и у меня на лице, раз он быстро поправился:

— Нет, не насчёт официанта. Я велю Паркеру понаблюдать какое-то время и придумать, что можно сделать, чтобы исправить ситуацию. Я имел в виду ваше заявление о том, что не судьба мне покинуть Саммит холостяком. Звучало так, будто вы бросили вызов мне на спор.

Привлекательный и альтруистичный? Несмотря на свой нрав, в нём снова стало слишком много "слишком" для меня. Почему он вообще до сих пор здесь? Почему он ещё не сбежал от моей вульгарности?

Я проглотила свою гордость и намеренно выразительно опустила взгляд ниже. Это был

неверный ход, так как моё сознание заполнилось картинками его голого. Замечательно. Я постаралась звучать так, будто меня это забавляло:

— Я просто думаю, что у таких как вы, в штанах не густо.

Вероятно, это было немного излишним, потому что теперь мне нужно было отставить свой бокал на ближайший столик, чтобы стучать ему по спине, раз он подавился глотком шампанского.

Материализовался его секретарь, выхвативший из рук принца его бокал.

— Крис! Всё хорошо?

Кристиан перестал кашлять и отстранился от меня.

— Всё в порядке, — настаивал он, избегая встречи с моим взглядом. Затем он быстро ввёл Паркера в курс дела насчёт официанта.

В связи с растратой остроумных выпадов и неразумного использования этого шанса сбежать так, как собиралась, я спросила:

— Тебя называют Крис?

— Это позволительное сокращение от Кристиан, — хозяин имени забрал своё шампанское назад и допил бокал. И, естественно, это увлекло его в новый приступ кашля.

На этот раз Паркер стучал ему по спине, и я была этому рада, потому что мне точно больше не следовало трогать его, даже для спасения жизни.

— Может и так, — пробурчала я, когда Кристиан, резко став очень красным, что, более вероятно, было вызвано смущением, нежели тем, что алкоголь попал не в то горло, убрал от себя руку друга. — Но оно не подходит.

— Не считите за наглость, Ваше Высочество, но как так? — спросил Паркер в то время как Кристиан хрипел. — Что это значит?

Я приблизилась к десертному столу, чтобы взять клубнику в шоколаде.

— Крис — скучное имя.

— Полагаю, вы только что непростительно оскорбили всех Крисов мира, — сказал Кристиан ровным тоном, пока Паркер изо всех сил сдерживался от смеха.

— Что вы, нет. Я просто сказала, что Крис — скучное имя. Вот, например, Эльза; это безнадёжно старомодное имя, так зовут старушек, которые пекут пироги. Родители состарили меня в самый момент моего рождения, — я указала моему партнёру по спаррингу на полосатую как зебра ягоду, — Теперь это непростительно. Вам дали хорошее имя, но вы решили сделать его скучным, когда это вам несколько не идёт.

Между нами нарастало слишком много тишины. Мне даже захотелось снова посмотреть на него. Одна из его тёмных бровей вопросительно выгнулась.

— То есть вы не считаете меня скучным?

Разве? Вот блин. Я так сказала? Прочистив горло, я улыбнулась как само очарование:

— То, что я не хочу выходить за вас замуж, не значит, что я нахожу вас скучным как кирпич.

Теперь обе его брови были вскинуты наверх, словно я сообщила ему, что трава синяя, а небо зелёное. Словно он и не знал, какой он интересный. Ох, увольте! Может мне стоит напомнить ему обо всех тех журналах, освещавших его входы и выходы?

— В детстве Его Высочество немного дразнили за его имя, — сказал мне Паркер.

Я бросила веточку от клубнички обратно на стол. Не прошло и секунды, как её унёс проходивший мимо официант.

— Что? Почему?

— Моё имя похоже на название религии, — Кристиан выдавливал из себя слова, — Был принц Еврей. Принц Мусульманин. Принц Буддист. Принц Индуист. Принц Зороастриец. Как видите, вариантов море.

И снова мне больше ничего не хотелось, кроме как смеяться и смеяться.

— Как восхитительно. А они не такие и скучные. Кошунственные, но, уж точно не скучные.

— У вас зёрнышко в передних зубах, — был ответ Кристиана.

— Да, вы настоящий прекрасный принц, раз публично указываете на женские недостатки. Очень по-рыцарски.

Бесило то, что мне нравилось, как ему не хотелось быть, как следует отчитанным.

Я медленно, незаметно провела языком в поисках зёрнышка, и потом мой взгляд снова встретился с его янтарными глазами, и у меня закружилась голова, и...

— Вот ты где!

... мне стало нехорошо. Его Светлость материализовался рядом со мной, вместе с мужчиной. Мужчиной моего возраста, если точнее, которого я видела в журналах и новостях. Из королевской семьи. Одиноким королевич, хотя и без страны благодаря его богатой и могущественной семье, свергнутой сколько-то лет назад.

О, Господи Боже, нет! И суток ещё не прошло.

— С огромным удовольствием представляю тебе Матье, — произнёс мой отец.

Жертвы и шаманские заклинания матери, видимо, были по-настоящему мощными, потому что я ну никак не могла предвидеть того, что мои родители выберут принца Шамбери в качестве того, кто нам мог быть полезен. Дело было не в том, что на него было неприятно посмотреть; на самом деле, он был довольно красив для хипстера, в очках с чёрной оправой, галстук-бабочке с черепами, чёрных ботинках, сочетающихся с нетрадиционным бархатным смокингом. Но это не считалось, потому что я просто собиралась убить своего отца. Убить его и, будучи молодой, занять трон.

Матье заметил Кристиана и слегка кивнул. Его внимание вернулось ко мне, и он сказал:

— Ваше Высочество, не могу выразить словами, как мне приятно встретиться с вами, — он протянул ко мне руку, и я нехотя подняла свою и ожидала, что он её поцелует, только зря. Матье покачал её вверх-вниз так, что у меня чуть кости не треснули.

В голове вертелись кошмарные мысли. Жаль, я не могла высказать их вслух. Отец окончательно свихнулся. Болезнь Альцгеймера? Может, старческое слабоумие? Шамбери?! Но я грациозно сказала:

— Моё удовольствие, — только это не было правдой.

В то время как я представляла себе моё чересчур внезапное восхождение на трон в результате отцеубийства, не говоря уже о цареубийстве, мой отец воскликнул:

— Эйболенд! Я и за вами охочусь.

Меня поразило то, как в момент вежливого поклона в честь Его Светлости Кристиан не выказал ни малейшего признака паники. Потому что, естественно, он должен был знать, что означало подобное заявление на КРБ.

— Да вы стали весьма высоким молодым человеком. Думаю, что мы не виделись с... хмм. С тех пор, как вы были ещё в пеленках.

Только мой отец мог сказать что-то настолько унижительное и посчитать это за комплимент. Правда, Кристиан принял это спокойно, пробурчав о том, как ему приятно возобновить их знакомство.

Паркер снова незаметно растворился в толпе.

А мой отец ещё не собирался заканчивать разговор с наследным великим герцогом.

— Мы хорошо поговорили с вашей матерью сегодня днём...

Вот теперь в глазах Кристиана появилась тревога.

— И я очень хотел, чтобы вы встретились с моей дочерью.

Дамы и господа, принц Густав напрашивается на убийство в рекордно короткие сроки.

Кроме того, я, видимо, оскорбляла моего будущего зятя, который был таким забавным, в то время как я вела себя как дура, и теперь мне предстоит всю оставшуюся жизнь видеть его в роли члена моей семьи.

Кристиан склонил голову в мою сторону.

— Я уже имел удовольствие от беседы с вашей дочерью последние полчаса, сэр.

Ха-ха. Удовольствие. Конечно.

— Не с этой, — отец потряс пальцем, — моя наследница недоступна вам, и я уверен, вам это хорошо известно. Двум наследникам короны нельзя быть парой.

Унизительно. О, как это унизительно! И всё же напоминание к месту. Понравился он тебе или нет, у вас ничего не получится.

— Я говорил про сестру Эльзы — Изабель, — он указал куда-то в сторону, словно Кристиан смог бы точно понять, какую из женщин по ту сторону бассейна выбрать в качестве будущей жены. Ту, что уже тайно обручена в Ваттенголдии с инструктором по верховой езде.

Как только Кристиан искусно попытался извлечь себя из когтей отца, Матье шагнул в поле моего зрения.

— Сегодня я вдоволь наслушался о загадочной Эльзе из Ваттенголдии.

— Звучит зловеще, — я понизила голос, чтобы соответствовать его голосу, — а я наслышана о вас. Мне стоит быть готовой к шантажу?

Он вздрогнул от, как мне показалось, подлинного шока. Но потом он засмеялся, хотя и с каплей горечи.

Какой странный, но любопытный ответ.

Его голос напрягся:

— А разве есть что-то, чем вас можно шантажировать?

В этот момент отец вёл Кристиана по двору в сторону Изабель. Я мысленно пожелала удачи: наследному великому герцогу она понадобится.

— Я бы точно не доверилась вам, если бы и было.

— Шантаж — мерзкий бизнес, не правда ли?

Я не могла точно описать его взгляд. В нём гораздо сложнее было увидеть эмоции, чем в глазах Кристиана.

— Принц Матье...

— Пожалуйста, называйте меня Мэтт, — горечь сменилась насмешливостью, — всякий раз, как я слышу Матье, в голове всплывает голос моей гувернантки, напоминающей мне о какой-нибудь оплошности, которую я совершил. И поверьте мне, их было немало.

— Хорошо, Мэтт, — я улыбнулась в ответ, чтобы попытаться компенсировать то, что я собиралась сказать. — Позвольте мне быть честной с вами. Я не в восторге от побочных целей Десятилетнего Саммита.

Удивление, сомнение и затем веселье тронули уголки его глаз.

— Правда?

— Боюсь, что так.

Склонив на бок голову, он цокнул языком:

— Вы не очень-то уверены, Ваше Высочество. «Боюсь, что так?» Признайте своё презрение к КРБ, если именно это вы в действительности испытываете.

Интересно. Даже интереснее — или, может, более обнадеживающе — как наш стеб не вдохновил ни одного воспаленного чувства внутри.

— Если это вас утешит, то я здесь не для того, чтобы сбить вас с ног, — он говорил тихо. Неуверенно.

И всё же я не верила.

— Правда?

— Ваш отец кажется... — Его внимание быстро переметнулось через бассейн на человека, о котором шла речь. — Я не хочу сказать, отчаянным, потому что это будет неуважением по отношению к нему и вам, также как за эти короткие минуты, что мы знаем друг друга, я очень сомневаюсь, что кто-либо мог посчитать вас в чём-либо отчаянной. Но принц Густав, безусловно, был непреклонен в том, что я не откажу ему в удовольствии был представленным.

— Непреклонен — это мягко сказано.

Я проследила за его взглядом и увидела, как мой отец неоднократно и так сильно похлопал мою огорчённую сестру и её свежеиспеченного роботизированного суженого по их спинам, что это было чудом, что они не упали друг на друга, чтобы трахаться, как кролики, прямо здесь же, как он того, вероятно, и хотел.

— Его Светлость очень упорный.

— Ещё немного дипломатии, — сказала я своему собеседнику.

Он потянул за край своей бабочки.

— Не обращайтесь внимания на черепа. Я могу быть весьма приятным в общении.

— К сожалению, мой государь не разделяет моих взглядов на КРБ, — надеюсь, его правитель тоже? Я собиралась добраться до ещё одной клубники в шоколаде, но страх снова посеять в зубах зёрнышко остановил мои руки. — Предполагаю, что это связано с тем, что он глава конституционного княжества, которое также является карликовым государством. Он хочет быть полезным, иметь какое-то историческое влияние в мире, наполненном промышленными сверхдержавами.

Мэтт дал знак официанту, чтобы он принёс бокал.

— Он видит в своих детях возможность сделать это?

— А ваши родители не думают также?

Его вновь прибывший бокал поднялся в необычно мрачном тосте, но он больше ничего по этому вопросу не сказал. На следующие несколько неловких секунд его внимание оставило меня и осело на расстоянии. Меня это нисколько не смутило.

Только я собиралась откланяться, как он спросил меня:

— Как думаете, сможет Эйболенд очаровать вашу сестру?

Естественно, она будет им очарована. Я да, ведь так? Он всё-таки Прекрасный Принц.

— От такой резкой смены темы у меня даже шея хрустнула.

Ещё один молчаливый тост в мою честь.

— Что до вашего вопроса, то я уверена, что Изабель уже придумала план побега. Идея быть проданной на КРБ её радует не больше, чем меня.

Мэтт кивнул в их сторону:

— Может, она передумала?

Я снова посмотрела туда, где она стояла вместе с Кристианом. Отца больше не было с ними, что означало...

Постойте. Моя сестра общается с ним, и пока я могла сказать, что ей не очень-то уютно, но в её лице есть неподдельная решимость, когда она смотрела на принца Эйболенда. Даже хуже — она нарушила рамки приличия и дотронулась до его руки во время беседы с ним.

Вот же чёрт! Сестра так легко не сдастся КРБ, не тогда, когда в Ваттенголдии её ждёт счастье с глуповатым инструктором верховой езды.

— Сукин сын!

Мэтт сухо спросил:

— Мне кажется, или вы не является поклонницей Кристиана?

— Нет, — блин. Прозвучало слишком зло. Я добавила, с меньшим пылом, — вероятнее всего, нет, — будто этому мужчине нужны ещё поклонницы. Со всеми его "слишкостями", у него наверняка их было больше, чем кто-либо мог мечтать.

— От того, как вы двое разговаривали, когда я подходил сюда, я бы подумал что вы... — кривая ухмылка скользнула в мою сторону, — ... близки.

— Мы... — не было никаких "мы" между мной и Кристианом, также как я молилась, чтобы никогда не было "мы" с этим человеком напротив меня. — Он и я встретились сегодня, что сделало нас, в лучшем случае, знакомыми.

Мэтт постукивал одним пальцем по ободку бокала. Затем он сказал с очень серьёзным лицом:

— Значит, и не моя поклонница?

— Увы, да, — я драматично вздохнула. — Надеюсь, я не ранила ваши нежные чувства.

Он шмыгнул, притворно смахнув пальцем слёзы.

Из меня вырывался сопротивлявшийся прилив веселья.

— Вообще, я удивлён тому, что вы с Кристианом не встречались раньше. Ваши страны так близко расположены, что вы практически росли вместе, в одних подгузниках.

О, как смешно.

— Частные школы-интернаты — отличнейший способ скрывать детей монархов друг от друга. А что насчёт вас? Вы знакомы? Мне показалось, я видела одно из приятельских приветствий, когда вы появились.

— Приятельских приветствий?

Я быстро подняла подбородок на секунду, и он ухмыльнулся.

— Мы жили в Америке какое-то время и пересекались то тут, то там. Он хороший парень, если вас это волнует. Не из тех, кто обычно сходит со своего пути, чтобы совратить любую попавшуюся принцессу на брак. Или её сестёр, — бокал приближался к его губам. — Хотя, полагаю, его намерения не имеют никакого значения, не так ли? Уж точно не на КРБ.

Сдержанный, но всё же непрекращающийся смех Изабеллы, так часто запрещаемый матерью, проплывал над бассейном мне в уши, будто звук от ногтей, скребущих по доске. Так как то, что она уже была доведена до смеха, не было лучшим душевным состоянием в медицине, я сгорала от любопытства, как лес от пожара. О чём вообще могли говорить моя сестра и этот мужчина? Я тихо сказала:

— Не думаю, что кого-то заботят наши намерения.

Губы Мэтта сжались, когда он наклонил голову в согласии.

— Значит, вы честно не желаете добыть себе здесь принцессу?

— Я думаю, — сказал он, и в этих словах было больше серьёзности, чем в какой-либо другой фразе, произнесённой нами раньше, — что КРБ — это устаревшая и отвратительная идея, которую никому в двадцать первом веке даже не стоило бы брать на рассмотрение. Родители не должны планировать мою влюблённость и привязанность, и не важно, во что они верят.

Теперь я подняла бокал в его честь.

— Так, так, добро пожаловать в клуб мятежников, Мэтт.

Глава 12

Кристиан

Всё, о чем я мечтал — лечь в кровать, хоть она и стояла в комнате, в которой также жили Волчица и Лукас. Но вместо это я был загнан в ловушку другого монарха и делал вид, что я нахожу Изабель интересной, пока она говорила о... а, к чёрту. Вообще-то я не знал, о чём она говорила. Наверное, мне следует немного послушать.

Лошади. Она говорила о лошадях. С тем же успехом могла говорить о пашне. Мне совершенно до лампочки.

Не то, чтобы её было тяжело воспринимать. Она была приятной, как все вежливые дети монархов, какими всех нас учили быть. Я полагал, что она тоже получила хорошее образование или, по крайней мере, могла бы иметь перечень достижений, которыми её отец бомбардировал меня, пока она стояла, как статуя. Просто между нами не вспыхнуло пламени от искры, никакого притяжения, что могло бы когда-либо заставить меня пересмотреть своё намерение покинуть Саммит свободным человеком. Хоть я и рассуждал, как засранец, но всё, что я чувствовал рядом с ней, было скукой.

Моё внимание вернулось, когда я услышал, как кто-то прочистил горло, и увидел Изабель, ожидавшую ответа. Вот же чёрт. Она спросила меня что-то, да? Я пытался найти в её лице какую-то подсказку, но ничего не уловил. Может, она по-прежнему говорила о лошадях? Я ничего не знал о лошадях, и не особо хотел знать.

Когда молчание слишком затянулось, она напряжённо переспросила:

— Ездите верхом?

— В Норслоу у нас в конюшне стоят арабские лошади, но так как я часто выезжаю из страны в последние несколько лет, то не получалось на них часто ездить.

Это я ещё свеликодушничал. Я даже не мог думать о том, как последний раз ходил в конюшню. Это лошади моего отца, а не мои.

Глаза Изабель сузились, словно она представляла мир, в котором есть человек, не пускавший слюни при виде скота, как она.

— Играете в поло?

Чего? Нет. По крайней мере, не по собственной воле. Последний раз я играл, когда жил в Англии — меня скинули с седла, и несколько недель у меня была огромная шишка на голове.

— Мне очень нравится теннис.

Линии вокруг ее рта натянулись, будто я зарезал щенка на её глазах. Или, может, в её случае, жеребёнка. Что, чёрт возьми, не так с теннисом?

Тогда я добавил:

— И парусный спорт.

Этот ответ оказался даже хуже.

— Когда я был в штатах, то немного играл в хоккей...

Линии чуть-чуть разгладились.

— Хоккей на траве?

— Э, нет. На льду.

Держа руку у рта, она едва заметно вбирала воздух (или затыкала рот?), как некоторые манерные дамы, склонные к меланхолии викторианской Англии. Это либо задумано, либо Изабель совсем не такая, как её сестра, потому что я не мог представить себе Эльзу падающей в обморок, тем более прикидывающейся в нём.

Они были немного похожи, те же тёмные волосы и бледная кожа, но Изабель казалась мне гораздо более изящной, чем Эльза. Не то, чтобы Эльза не была изящной: несмотря на то, что я видел, я был уверен, что она была такой, учитывая её воспитание. Просто Эльза хочет высказывать своё мнение, каким бы раздражающим оно не было. Ей хватало мужества сказать то, что я никогда не слышал от других принцесс. Например, когда спросила меня о том, не девственник ли я! На вечере в окружении наших коллег? Это странно бодрило, несмотря на то, как я был ошеломлён.

А сейчас я застрял здесь, слушая про лошадей и погоду. Мне было официально, категорично и чертовски скучно, до оцепенения мозга. Я снова выключил Изабеллу на время её пересказа страшных историй, которые она слышала про хоккеистов.

Но вот снова звук от прочистки горла заставил моё внимание вернуться. Какого хрена. Я снова пропустил её вопрос.

— Мои извинения. Не могли бы вы повторить?

На её бледном лице вспыхнуло раздражение.

— Я спросила, знакомы ли вы с Принцем Матье.

Мой взгляд перенёсся через воду, разделявшую нас с десертным столом, который всё так же ограждали Эльза и Мэтт. Для первой встречи, они стояли не слишком близко друг к другу, но впрочем, это было не в духе Мэтта. Она была не в его вкусе, поэтому было довольно удивительно видеть, как старый приятель добровольно позволил Принцу Густаву уговорить себя на знакомство.

Я слышал, что Мэтт тайно годами встречался с одной и той же девушкой. Они встретились как в слащавой мелодраме: принц Савойи и американка познакомились в кофейне, когда она уронила бумажник, а он его поднял. Она всё равно мне нравилась. К тому же, у Ким была трезвая голова на плечах и, по последним данным, она обучалась в ординатуре при больнице, на восточном побережье. Несмотря на полную противоположность друг другу, у этой пары всё могло получиться.

Эльза — не Ким. Тогда почему он до сих пор говорит с наследницей Ваттенголдии? Может, из них получится одна из самых гротескных пар на КРБ? Неужели он и правда готов забыть про Ким ради прихоти своих родителей?

Мне его жаль. Мне жаль Эльзу. Чёрт, как же это нелепо, но сейчас мне жаль и себя.

Я сказал Изабель:

— Да.

Она явно ожидала большего, потому что между нами повисло молчание. Тогда я добавил:

— Он порядочный парень.

Господи! Она всё ещё чего-то ждёт. Что ей ещё нужно знать?

— Я надеюсь, он не рассчитывает на то, что моя сестра сразу же упадёт в его объятия, — пробурчала она, наблюдая за той же сценой, от которой я, к своему раздражению, не мог оторвать глаз, — Хотя, они замечательно смотрятся вместе, правда?

Нет. Честное слово, нет. Даже ни на грамм...

Стоп.

Почему меня это вообще волнует?

— Мои извинения, — сказал я снова, — но мне нужно отойти.

Она, вероятно, посчитала, что мне нужно в туалет. Пусть так и думает, мне плевать на правила пристойности или этикет. Я должен покончить с КРБ, и как можно скорее. У меня голова идёт кругом.

Потому, что мне уж точно не нравилась мысль о Мэтте и Эльзе как паре. И у меня точно не было причин чувствовать это. Ни одной.

КРБ стартовал свой мозготрах.

Глава 13

Эльза

Отец храпел так отчаянно, словно он был настроен выиграть состязание по несуществующему виду спорта, под названием «самый громкий храп», да и Изабель от него не отставала. Я проснулась и от этих звуков, мне показалось, что я нахожусь на самом дне чистилища.

Где-то около трёх часов ночи, накинув свитер и джинсы, я вышла из комнаты, в которой мы жили всей семьёй. Быстро преодолев путь через устрашающе-притихший замок, я нашла кухню. Для того чтобы уснуть, мне необходимо было выпить что-нибудь крепкое, но сейчас я была бы рада и стакану тёплого молока. Не желая привлекать внимания к своим ночным скитаниям, я освещала себе путь экраном сотового, вместо того, чтобы включить освещение.

Только я открыла один из старомодных деревянных холодильников, украшавших кухню, как услышала голос:

— Проголодались, бегая по замку посреди ночи, Принцесса?

Это был знакомый баритон с завораживающим британским акцентом.

Я обернулась и, в слабом луче света от моего мобильного, увидела Наследного Великого Герцога Эйболенда, прислонившегося к шкафу из нержавеющей стали. Перед ним стояла кружка и небольшая тарелка с эклерами. Кристиан был в джинсах и джемпере с капюшоном, на груди которого изображена эмблема армии его страны. Выглядел он сейчас иначе, не как тот элегантный мужчина, чуть не подавившийся сегодня на моих глазах.

И, признаюсь, мне нравился его неформальный вид. Почти также сильно, как и прежний.

— По всей видимости, я не одна такая. Что привело вас на кухню в столь поздний час?

Это был глупый вопрос, так как ответ был очевиден и стоял перед ним, но, как оказалось, нехватка сна дурно повлияла на мою сообразительность.

Кристиан неспешно гонял один из эклеров по тарелке, потом провел пальцем по экрану своего телефона, лежавшего всего в нескольких дюймах. Он включил фонарик и наклонил экран так, чтобы осветить шкафчик.

— Не мог уснуть, — и добавил с грустной ухмылкой, — Великая Герцогиня храпит так, как ты даже и представить не можешь.

Я не могла сдержать улыбку, расплывшуюся на моем лице:

— Я только что сбежала от отца, делавшего то же самое.

Теперь мне стало жаль Изабель. Если он на самом деле тот мужчина, который составит ей пару, то сам весьма скоро обнаружит этот забавный факт.

— И поэтому вы решили найти утешение на кухне? — уточнил Кристиан.

— А вы разве не того же ищете?

Он усмехнулся:

— Я отказал себе в эклере немногим раньше, но потом целый час пялясь в потолок, пришёл к мысли, что жизнь слишком коротка, чтобы не баловать себя маленькими радостями.

Я подошла к шкафчику по другую сторону.

— По твоему убеждению, эклеры являются ими?

Его ухмылка расширилась:

— Да, чёрт возьми. Хотите один?

На его тарелке было три эклера.

— Он точно доставит мне радость?

— Вы когда-нибудь ели эклеры посреди ночи, Эльз?

Я моргнула от неожиданности того, как он сократил моё имя. Никто никогда не называл меня Эльз. Ни одна душа. Это странно, потому что можно было подумать, что такая производная форма напрашивалась сама собой, но Её Светлость всегда была весьма категорична в таких вопросах. Меня звали Эльза. И все должны были звать меня Эльза. У всех могли быть прозвища, но для меня, по ее утверждению, она всегда хотела большего.

Что бы это ни значило.

— По правде говоря, — сказала я, безмерно довольная тем, как он меня назвал, — не ела.

— Тогда это будет ваш первый, — он пододвинул ко мне тарелку. — Не волнуйтесь. Эклеры, съеденные посреди ночи, не калорийны. Будь иначе, я стал бы уже как минимум на три килограмма больше.

Я улыбнулась. Мы что, серьезно, стоим здесь на кухне, глухой ночью, и снова препираемся? И почему это так безумно увлекательно? Ах да, маленькие радости, это точно.

— Неужели? Пусть так. Но это будет не просто первый эклер, который я попробую посреди ночи. Плюс ко всему я впервые съем некалорийный десерт. Кто бы знал, что такой бывает?

— Может, согреть молока?

Я вновь моргнула от внезапной неуверенности.

— Ведь ты рылась в холодильнике в поисках молока, не так ли? — он указал на свою кружку. — Лучшего средство от храпа родителей?

— А почему ты сидишь здесь без света? — спросила я в ответ.

— У меня горел фонарик на телефоне, но я выключил его, когда услышал звуки за дверью. Не очень-то хотелось, чтобы меня застучали на кухне посреди ночи, — он опять коснулся своей тарелки. — Так да или нет? Будешь пробовать?

Я робко выбрала один из эклеров, вздрогнув от того, каким холодным он был.

— Да. Было бы отлично. А разве ты умеешь греть молоко?

Хоть освещение и было тусклым, но в его насмешливом взгляде я отчетливо увидела мелькнувшую грусть.

— Все это умеют, Принцесса.

— Далеко не все, — парирую я, — в мире точно хватает девственников по этой части.

Он достал коробку молока из холодильника.

— Будь уверена, по части молока я не девственник. Мне тридцать, припоминаешь?

Настал мой черёд давиться, когда я проглотила слишком большой кусок эклера.

Кристиан усмехнулся:

— Нет, так не пойдёт. С наступлением четырёх утра все калории возвращаются.

Я прочистила горло:

— Что же, выходит, три часа ночи — волшебное время?

Он направился к плите, рядом с которой на стальной столешнице стояла небольшая кастрюлька. Я направила свет от наших мобильных так, чтобы осветить ему путь: тени скользили по его телу, в то время как синее пламя прорывалось из горелки, позволяя мне тихо любоваться его рельефным задом. Бог мой! Его "офигительность" когда-нибудь перестанет зашкаливать?

— Именно так и есть. Если собираешься пробовать что-то впервые, всегда делай это в три часа ночи, — он поставил кастрюлю на плиту и налил в неё молоко. — Только не забывай, это колдовской час. Колдовство длится лишь шестьдесят минут, пока всё вновь не становится обычным.

Я откусила от эклера еще, и по моему языку растеклось море удовольствия. Дёрнул же чёрт заставить его здесь за поеданием этой вкуснятины.

В тусклом свете от наших телефонов я пристально наблюдала за тем, как Кристиан грел молоко, дивясь тому, как всего несколько часов назад я несла весь тот бред в коридоре. А теперь мы были здесь, тайком хозяйничали на чужой кухне в темноте ночи и непринуждённо болтали. Я наслаждалась этим моментом.

Жизнь — забавная штука.

Несколько минут спустя он принёс мне кружку с горячим молоком.

— Я не смог найти какао, а то бы и его предложил.

Я обвила пальцами теплую кружку, поглядывая на его лицо в этом тусклом, искусственном освещении.

— Не могу представить, как ты пьешь какао.

— Когда я был совсем юным, моя гувернантка готовила его мне всякий раз, как мне снились кошмары. Теперь я пью его не так часто, но люблю так же, как и раньше.

Я медленно пила тёплое молоко, ощущая, как напряжение, накопленное за день, покидало мои мышцы.

— Тебе сегодня приснился кошмар?

— Думаю, всем детям, если им за двадцать, и они вынуждены спать в одной комнате с храпящими родителями, снятся кошмары, — его голова склонилась на бок, улыбка слегка сникла. — И всем здравомыслящим взрослым, запертым на чёртовом КРБ.

Его презрение ко всему происходящему было таким же искренним, как и моё.

Несмотря на свой прежний боевой настрой, сейчас все мои бывшие обиды растаяли как сахар на языке. Хорошо. Он не тот, кем я его считала. И вела я себя с ним безобразно, выяснив сегодня, что он тоже возмущён всем этим фарсом. Быть может, все дело в молоке, но с этого момента любое стремление противостоять этому принцу испарилось. Вероятно — просто так, а возможно — когда я была маленькой девочкой, желавшей найти родственную душу, я воспринимала его правильно. Сделав глубокий вдох, я протянула кружку. Очевидно,

он удивился, но все же, не колеблясь, повторил мое движение. Наши кружки мягко звякнули в темной кухне.

— Может быть, — сказала я неуверенно, не зная, стоит ли произносить такие вещи, — если нам опять привидится кошмар в одно и то же время, мы сможем разыскать какао и сварить его.

Он смотрел на меня долгим взглядом, который в этот раз было невозможно разобрать в плохом освещении.

— Выходит, по части какао ты не девственница?

Я прошептала, пародируя его:

— Мне двадцать восемь лет!

Снова вернулась его лёгкая ухмылка:

— Раньше принцессы никогда не готовили мне горячее какао.

— И я ведь раньше не пила его с принцами.

Он тихо усмехнулся. От этого приятного звука у меня по рукам пробежали мурашки.

— Значит, будет новая серия под названием "мой первый раз"?

Я отпила ещё немного.

— Прямо название клуба. Клуб королевских начинаний, или ККН.

Его напряженный взгляд пронзил меня, и я почувствовала себя душой из-за того, что сказала эту глупость вслух. Но тут он выдохнул:

— А давай станем основателями этого ККН? И раз так, я бросаю тебе вызов: не беря в счет молоко и эклеры, каждый из нас должен придумать ещё три первые вещи для каждой ночи, до тех пор, пока мы не уедем.

От этой мысли у меня замерло сердце.

— Если мы будем систематически бодрствовать в три часа ночи, то оба будем выглядеть измученными на встречах днем.

— Признаюсь тебе, Эльз. Я абсолютно уверен, что в любом случае буду выглядеть на них именно так. Ты уже видела расписание для наследников? Скука смертная. Нас в любом случае будет клонить в сон там.

И он снова назвал меня Эльз. Так все это официально! Прекрасный принц очаровал меня, по крайней мере, сегодня и на кухне.

— Принимаю вызов.

Замершее сердце стало бешено биться, когда уголки его губ подскочили вверх.

— В промежутке между ужином и коктейлями каждый из нас должен предложить очередную первую вещь. И потом мы вместе решим, что именно будем пробовать ночью. Или даже возьмемся за обе идеи сразу.

Вместе.

Я пила молоко, но было ощущение, будто по моему горлу текло арахисовое масло. Что же я делаю? Прямо сейчас мне нужно было развернуться и уйти отсюда, но, вот он протянул руку, и моя, как по волшебству, вытянулась. Далее в точности, как и в прошлый раз, его губы коснулись моих пальцев на кратчайшее чувственное мгновение.

— Все самые лучшие сделки должны скрепляться поцелуем, Принцесса, — легко сказал он.

Боже, какая я идиотка.

Глава 14

Эльза

У меня плохое настроение, под глазами такие тёмные круги, что никакой крем и тональник не смогут скрыть. Ни на следующее утро, ни тем более позднее тем же утром. Когда я вернулась в нашу комнату, Изабель с отцом храпели громче, чем когда-либо. Молоко помогло, но Кристиан — нет. Этот его сексуальный акцент появлялся во всех моих чудесных сновидениях.

— Ужасно выглядишь, — услужливо подтвердила Изабель, когда мы шли на завтрак. Отец столкнулся с другом в коридоре и велел нам идти без него. Ничто так не заставляет женщину чувствовать себя ребёнком, как сопровождение кого-то из родителей. По меньшей мере, я не убиваюсь с горя от того, что его нет рядом.

В моей улыбке совсем не было радости.

— Как мне повезло, что у меня есть ты, обрушивающая на меня суровую правду.

Вероятно, мне стоило указать ей на то, как она прелестна сейчас, как всегда. Конечно, ей же не пришлось прошлой ночью слушать оглушающие раскаты, издаваемые ею и отцом.

— Я видела, как ты вчера разговаривала с Матье.

— Мы говорили, — подтвердила я.

— И?

— Мы сбежали с вечеринки и занялись неистовым, страстным сексом за одной из пальм. Я беременна, и мы решили назвать ребёнка Рафаэль, переехать в Италию, купить виллу и выращивать оливковые деревья, чтобы самим делать оливковое масло. Нашим слоганом будет что-то вроде "наше оливковое масло — самое королевское". Мы счастливо заживём простой деревенской жизнью, в то время как ты унаследуешь трон Ваттенголдии.

Её слегка подкрашенные розовым блеском губы заметно сузились:

— Ни капли не смешно.

Из всех её стремлений как дочери монарха, становиться правительницей однозначно не было одним из самых заветных желаний моей сестры.

— На чистоту, Изабель. А ты как думаешь, что случилось? Мы говорили. Он был не удивление славным, но если ты спросишь, была ли это любовь с первого взгляда, то я разочарую тебя. Тем не менее, думаю, я нашла себе нового друга, с которым буду пробираться через окопы эту неделю.

И я почти не солгала. И хорошо ещё, что она не стала вытаскивать из меня его имя, или просто не поняла, что я сейчас говорила о другом человеке. Как неловко было бы сознаваться в том, что я дружила с её будущим мужем? Или, что еще хуже, что планирую встречаться с ним глухими ночами?

— Простой ночью я подслушала разговор отца с матерью по телефону. Они определённо выбрали Матье для тебя, Эльза.

Превосходно!

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Он в таком же восторге от данной перспективы, как и я.

Она тихо сказала, жёстко обрамляя каждое слово разочарованием:

— Как и мы все. Вчера вечером Его Светлость познакомил меня с настоящим неандертальцем.

Я чуть не споткнулась на лестнице от такого описания. Что, Прекрасный Принц не был таким уж прекрасным? Невозможно. Его "слишкомность" не допустила бы этого.

Изабель продолжала:

— А он довольно привлекательный, даже когда одет, как попрошайка.

Сначала я впала в ступор. Кристиан — попрошайка? Но потом поняла, что сестра переключилась с одного объекта на другой — на Матье... который всё равно не подходил под то, на что она намекала.

— Ты вообще хоть раз его видела? Ему до Мэтта очень далеко. Если он на кого-то и похож, то на хипстера. И не удивлюсь, есть он ещё и скрытый музыкальный сноб, — я толкнула её плечо своим. — К тому же, он был в смокинге вчера. И много попрошаек, по твоему мнению, носят одежду от кутюр?

На что она ответила:

— Он был бархатный. А ещё он был в кедах.

Я буквально схватилась за жемчуг на моей шее.

— Давай снова найдём его и пристыдим, пока не поздно.

Она надолго замолчала.

— Наследный Принц Эйболенда играет в теннис.

Я крепче сжала жемчуг.

— Господи, Изабель! Куда катится этот мир? — но когда уголки её рта опустились вниз, — прошу тебя, скажи мне, что вчера вы не обсуждали спорт.

Или что-либо ещё, что моя крайне упрямая сестра не одобряла, то есть абсолютно всё, что не было связано с лошадьми.

Тёмные вьющиеся волосы были приглажены за уши.

— Мы и о лошадях говорили.

Как никогда я была рада тому, что не стала участвовать в разговоре раньше. И мне было приятно узнать, что Кристиан, по-видимому, любит лошадей, потому что теперь появилось хоть что-то, что я не одобряла. От лошадей пахнет. В этом я совсем не была принцессой, но ведь это же правда!

— Как же вы перешли от разговора о лошадях на теннис?

Её голос упал до неодобрительного шёпота, тихого, но резкого, пока мы спускались по лестнице:

— Он упомянул, что играл в хоккей. Прямо как я и сказала. Этот человек — неандерталец.

А ещё он согревает тёплое молоко и предлагает не подозревающим принцессам эклеры посреди ночи. Он что, на Человека Года пробует? Чёртов Прекрасный Принц. Как она не пала жертвой перед его чарами? Действительно, неандерталец.

— Почему ты шепчешь?

Её ноздри раздулись:

— Что, если это не его настоящие зубы?

Я не стала утруждать себя, сообщая ей, что сама сначала решила, что они вставлены.

Согласно документам, полученным по прибытии, утренняя трапеза в замке подавалась в форме шведского стола в большой столовой, которая напоминала средневековый монастырь, очутившийся посередине американского ранчо. Длинный деревянный стол вместе со старинными стульями с обивкой и скамьями вдоль него занимали большую часть богато украшенного зала; места заполнены беседовавшими монархами. Через скрытые динамики негромко доносилась музыка из 1930-х годов, как я понимаю, и все флаги выстлали богато украшенный потолок. Я была поражена тому, как путешествие во времени так идеально воспринималось здесь, в этом доме, и было совершенно обыденно в моём собственном.

Каким восхитительным, должно быть, был Херст-касл в пору своего расцвета, наполненный гламурными звездами кино и американской элиты. Я почти ощущала то, как призраки прошлого касались моей руки, увлекая меня в мир своих тайн.

— Посмотри-ка, — Изабель показывала на большую вывеску, установленную на подставке возле дверей. Она гласила: "Херст-касл является историческим местом, музеем и частью системы государственных парков Калифорнии. За любой ущерб вы несёте материальную ответственность".

Она передала мне тарелку:

— Дом может быть парком?

— Скорее, земля, на которой он стоит. Ты не читала его историю до прибытия сюда? — я, в лучшем случае, поверхностно изучила её.

— Я не успела, — Изабель позволила себе взять яблоко и чашку кофе, — По-моему, это оскорбление, раз они считают нас достаточно неаккуратными, что будем громить мебель. Мы живем в настоящих замках и дворцах, большинство из них с антиквариатом намного старше и ценнее, чем эти.

— Осторожнее, сестрёнка, — я спокойно предупредила. — Ты говоришь как величайший сноб в зале, до краёв упакованном самыми богатыми аристократами мира.

В подтверждение моих слов она снисходительно фыркнула от недовольства. Но потом вся стервозность сошла с её лица, оставив там абсолютную покорность.

— Там Кристиан. Полагаю, мы должны сесть с ним.

— Какое громкое заявление! Ты полагаешь.

Вокруг её губ сильнее обозначились линии.

— А что бы об этом подумал Альфонсо? — поддразнила я, следуя направлению взгляда сестры, куда она указывала своим локтём. Кристиан, человек, с которым он был на ужине, и Паркер сидели рядом и напротив друг друга в конце стола, попивая кофе.

Какого хрена?! Даже утром Кристиан и все его "слишком" никуда не делись. Потому что он, и правда, был очаровательным, когда его рукава были закатаны до предплечий, а солнце танцевало в полосках ослепительного света на его волнистых волосах, когда он общался с приятелями. И на нём снова были эти джинсы.

Как есть, неандерталец.

Вот был бы он мерзавцем по натуре с такой внешностью!

— Я не хочу говорить про Альфонсо, — и потом, вспомнив тот последний раз, когда она сказала — точнее, выпалила — это, Изабель добавила, — Пожалуйста, Эльза.

И снова это заявление. Улыбка сестры потускнела, спотыкаясь о предупредительные сигналы, которые призывали: будь осторожней; действуй на свой страх и риск. Корректность диктовала, что я должна была уважать такое желание, но, как сестра, я просто не могла игнорировать боль в глазах моих родственников.

— У вас двоих всё в порядке?

Тёмные волосы, в точности как мои, прошелестели в быстром вздрагивании из стороны в сторону. Тусклость глаз превратилась в неуверенность.

Когда это произошло? Ещё на прошлой неделе я вытерпела ещё одно из тихо прозвучавших убеждений Изабеллы о том, как сильно она уверена, что Альфонсо был её родственной душой. Конечно, это было не впервые, но она была особенно сильна в своей вере в их счастливую историю. Естественно, я призывала проявлять осторожность и поддерживала, несмотря на то, что её ухажер был не интереснее, чем сырой бумажный пакет

(и, если честно, то и не умнее). Но у Альфонсо, по-видимому, было доброе сердце и, конечно, он не мог поразить меня как золотоискатель, чтобы урвать себе шанс на свободную жизнь. Разве моя — всегда такая осторожная — сестра поторопилась с помолвкой со своим инструктором по верховой езде, несмотря на общение друг с другом весь тот год? Вероятнее всего. Но Изабель всегда была такой счастливой с Альфонсо — а ведь счастье было тем, зачем мы отчаянно гонялись, когда так много в нашей жизни было посвящено проявлению этой эмоции к другим. Как же она отойдёт от блаженства в любви к готовности отказаться от неё, пребывая на КРБ, за такой крошечный промежуток времени? Или, по крайней мере не ухудшит ситуацию?

Я пробормотала её имя, но резкий поворот головы плюс новый удар в рёбра тут же оборвали любые дальнейшие комментарии. После чего она ушла, шагая через комнату к своему предполагаемому суженому, её движения прекрасно отточены, так что ни один из скрытых демонов не будет предан. Хотя я прекрасно понимала. Она бы никогда не позволила усыпить свою бдительность в общественном месте, так что для неё, позволившей мне стать свидетелем того короткого мгновения, как минимум, это означало, что одно сердце должно быть покалечено и, возможно, раздавлено. Но это труднее скрывать сестре, которая внезапно узнала, что в жизни Изабель случилось ужасное потрясение, и принять, что ничего нельзя сделать, кроме как просто поддержать, если это вообще то, что она ждала от меня.

Я уже собиралась последовать за ней, когда услышала:

— А, вот ты где, Эльза!

За моей спиной стоял отец, держащий в руках чашку дымящегося кофе.

— Несколько минут назад звонила твоя мать. Она была очень недовольна тем, что не смогла переговорить с тобой.

— Боюсь, что должно быть оставила свой телефон на вибрации, — я солгала. Я отправила её звонок прямиком на автоответчик. Я не достаточно выпалась и мало выпила кофе для разговора с ней.

Он буркнул, вероятно пожалев, что не сделал того же.

— Тебе стоит позвонить ей утром после встречи. Пусть и сестра присоединиться, так будет лучше всего. Она хочет обсудить что-то важное с вами обеими.

Вместе с нарастающим раздражением появилось чувство тревоги.

— Я пойду, потолкую с МС, пока всё не началось, а потом я быстренько встречу со Скандинавским Советом, — сказал он мне, — но я хотел бы ввести тебя в курс пары ключевых моментов, — он бросил взгляд через мое плечо. — Изабель и Эйболенд — это тот союз, который я настроен поддерживать, Эльза.

Значит, всё-таки официально, хотела моя сестра этого или нет.

— Если она спросит твоё мнение о том, что ты думаешь о них как о паре, я знаю, что могу рассчитывать на тебя, ведь ты сделаешь то, что во благо семьи и Ваттенголдии, мм? Наши страны слишком давно и сильно отдалились друг от друга.

Если бы мы говорили за закрытыми дверями, то я, возможно, просто высказала бы своё истинное мнение, но мы были на виду, в окружении пэров, поэтому я просто склонила голову. Но, да. Не случится. Как не случится и тогда, когда моя мать заведёт этот разговор.

— Ты говорила с ним вчера вечером. Думаешь, его молчаливое согласие может стать проблемой?

Мои ноги словно одеревенели.

— Ты спрашиваешь, верю ли я в то, что Наследный Великий Герцог Эйболенда с охотой принимает участие в КРБ?

Отец добродушно усмехнулся, как будто знал, что не имело ни малейшего значения, так это было или нет, причём в отношении всех нас, если уж на то пошло.

— У меня нет сомнений в том, что этот мальчик сделает лучшее для своей страны, — он взял меня за руку и вывел за дверь. — Великая Княгиня так же благоволит этому союзу, как я.

И сейчас, когда нас никто не видел, я сказала:

— Мальчик? Он старше меня.

Это вызвало лишь нежное похлопывание по моему плечу.

— Если понадобится, поощрай его воспринимать твою сестру и Ваттенголдию в положительном ключе. Я уверен, тебе это будет не трудно, если, конечно, ты хочешь лучшего для нашего народа.

Никто не закатывает глаз, стоя перед монархом, даже если он — его отец. Но, боже правый, только если это не так сложно подавить.

Отец попивал кофе, внимательно всматриваясь в меня.

— Я договорился о беседе за чаем сегодня для вас с Матье после твоей встречи. Тебе лучше проводить с ним какое-то время каждый день, больше узнавать друг друга. Помни, мы здесь только до пятницы.

Должно быть, кто-то подошёл ко мне сзади и бабахнул по голове одним из таких огромных молотков, потому что, уж точно, Его Светлость не просто сказал то, чего я боялась, он мог сделать.

Он сделал?

Мне ещё не приходилось так усердно молиться — лишь бы это были галлюцинации. Но вот оно — пока я сочувствовала Изабель и Кристиану, прибыли мои собственные демоны, чтобы остаться.

— За последнюю пару недель мы с твоей матерью провели несколько продуктивных бесед с его родителями, и мы совершенно уверены, что вы двое замечательно поладите, — продолжал отец, не обращая внимания на то, как вырвал почву из-под моих одеревеневших ног. — Матье — умный мальчик. Полный серьёзных убеждений, — Он игриво дёрнул меня за подбородок, при том, что выражение его лица было серьёзным, чем предавало всю беззаботность момента. — Никого не напоминает?

Недель? Он оговаривал условия сделки, чтобы выдать меня замуж устарелым способом, в течение нескольких недель?

Кто-то позвал отца.

— Сообщи Изабель, что у неё тоже встреча за чаем с Эйболендом днём. Исполни свой долг, Эльза.

Только он ушёл, как мне захотелось достать свой телефон и проверить календарь, просто, чтобы удостовериться, что на дворе двадцать первый век, а не Средние века.

— Могу ли я быть полезен, Ваше Высочество?

Я моргнула и увидела официанта, стоящего напротив меня в безупречном для столь раннего часа смокинге. Я состроила свою королевскую улыбку: спокойно и собранно, как если бы была проклята, позволив кому-либо в зале за стеной увидеть то, как меня трясло.

— Я собираюсь на завтрак.

Он придержал для меня дверь. Я с трудом переставляла ноги, возвращаясь в столовую. К

моему удивлению, Изабель была задержана девушкой из Монако и лишь в этот самый момент направлялась в сторону Кристиана.

Заметив её приближение, мужская троика встала. И на две секунды Кристиан не мог оставить своих манер. В принципе, в зале, до краёв заполненном членами монарших семей, мы все могли бы позволить себе расслабиться и разрешить себе свободу действий, как, например, не вставать от того, что дама просто подошла к столу.

Кристиан не вёл себя так по-рыцарски прошлой ночью. Ладно-ладно, был. Он же согрел для меня молоко!

От мысли о том, как Прекрасный Принц готовит для меня, в груди затрепыхалось моё идиотское сердце.

— Не возражаете, если мы присоединимся? — Изабель — воплощение сдержанной элегантности, когда одна из запатентованных ею кокетливых полуулыбок попыталась проскользнуть, только чтобы натолкнуться на что-то, больше похожее на гримасу, чем на заигрывание, на которое она, вне сомнений, рассчитывала.

Прежде, чем я успела одёрнуть её, чтобы обсудить этот вопрос, слишком чарующие янтарные глаза Кристиана оставили лицо моей сестры, чтобы обосноваться на моём. Как в дурацком стереотипе, когда наши глаза встретились, из моих лёгких волшебным образом исчез весь воздух, и я даже не знала, на планете ли я ещё, потому что, естественно, исчез весь кислород. И это возмутительно, ведь такие вещи — как, например, реакция на кого-то из-за одного лишь зрительного контакта — не бывают в жизни, даже в такой экстраординарной, как моя.

Мне явно не хватало сил из-за недосыпа или я действительно заразилась гриппом, чего боялась вчера, потому что не было ни одного другого разумного объяснения, почему моя голова шла кругом.

К счастью, его взгляд снова переместился на мою ожидающую ответа сестру.

— Будем только рады.

И он улыбнулся ей, но это была радикально иная улыбка, а не тот ослепительный луч солнца, осветивший собой тёмную кухню этой ночью. Утром она была спрятана за сомкнутыми губами; даже хуже — она не касалась его глаз.

Не могу сказать, что мне нравится эта улыбка. Не на нём, не такая. Но он доказал, что был достоин называться Прекрасным Принцем, когда любезно подтянул стул для сестры. Со своей стороны она тут же ударила принесённой тарелкой по столу. У мамы, что, insult? Она явно расслабилась, пока читала заклинания, чтобы мы обе прилежно себя вели, это точно. Потому что это было ненормально для моей сестры. Она была крепким орешком, но всё же обычно чересчур вежливым. Я знаю, всё это было адом, но из нас двоих я бы поставила именно на неё, что она будет вести себя достойно. Сначала жалкие попытки заигрывания, а теперь швыряние тарелки? Что вообще сейчас происходит?

Кристиан выдержал резкую смену её настроения.

— Позвольте представить моего брата, Его Высочество Принца Эйболенда Лукаса? Лукас, это Эльза, Наследная принцесса Ваттенголдии и её сестра, принцесса Изабель.

Лукас поклонился, но это и близко не стояло с умелым и милейшим поклоном его брата. Его глаза сузились при взгляде на сестру. — Очарован, наверняка.

И акцент у него тоже был не таким милым.

По завершению обмена любезностями я обошла вокруг стола и поставила свою тарелку рядом с тарелкой Паркера. Но как только наследник Эйболенда попытался вежливо

проводить меня до моего места, без сомнения, чтобы вытащить стул и для меня, я взяла его сама и выдвинула из-под стола.

Паркер тоже подорвался:

— Позвольте мне, — быстро бросил он. Я отмахнулась.

— Вопреки распространённому мнению, я могу и сама вытащить для себя стул.

Впрочем, мои слова не произвели никакого эффекта на них. Это был подкол, о чём они были в курсе.

Лукас, который даже не шелохнулся, чтобы достать для меня стул, поднял свою кофейную чашку в лёгком приветствии. В его глазах блеснуло удивление.

Отдалённое щебетание телефона сестры возвестило нас о том, что наша мать прислала смс. Изабель застыла, потом вздрогнула, почти так же, как будто это была пощечина, а не рингтон. Она так и осталась стоять, ожидая, когда стихнет сигнал... и даже тогда, когда огонёк в её глазах потух, она не двинулась с места.

Мужчины в нашей компании неловко заёрзали, словно знали, что во время завтрака над ними нависла серая туча, чтобы пролиться дождём.

— Почему бы тебе не присесть, Изабель? — когда она сразу не ответила, я изменила тактику и указала на место напротив нас. — Эти джентльмены уже начали завтракать и не могут продолжить, пока ты не сядешь. Хочешь уморить их голодом?

Моя поддёвка вывела её из транса, и у неё явно был готов на это резкий ответ, но она сделала то, что её попросили. Когда мужчины сели, Кристиан вновь привлёк моё внимание — вот оно. Миссия выполнена. Похоже, его несколько не шокировало то, что я сказала. Немного света вернулось к его лицу, к лёгкому изгибу его губ. На долю секунды узкой полосой показались зубы.

Так-то лучше. Угрюмый Прекрасный Принц вряд ли мог исправить ситуацию.

Тонкая рука Изабеллы легла на открытый участок его кожи — чуть ниже закатанного рукава. С её розовых губ сорвался рваный вздох, который имел привкус принудительной и совершенно нежелательной решительности.

— Я надеюсь, что не слишком долго удерживала вас от завтрака. Сможете ли вы когда-нибудь простить меня? Может, мы сможем придумать что-то, чтобы я смогла загладить перед вами вину.

Серьёзно? Что вообще происходит? Кто-то пришёл и высосал душу из моей сестры? Она никогда не говорила подобных вещей.

Тот расслабленный Кристиан, которого я только что видела, снова исчез.

— На самом деле, — сказал он медленно, — это моя вторая тарелка, так что нет причин для беспокойства.

Возможно, я неправильно его запомнила. Возможно, прошлой ночью я выпила слишком много шампанского, потому что человек передо мной был совсем не тем, с кем я ела эклеры на кухне. Сейчас он звучал как робот. Как раздражённый робот.

Какая пара из них может получиться?

— Вам хорошо спалось этой ночью, Ваше Высочество? — спросил меня Паркер.

Я повернулась к нему, радуясь смене темы.

— Только, пожалуйста, давайте без этого вздора типа "Ваше Высочество". Просто называй меня Эльзой. И, если по правде, то нет. Боюсь предположить, что никто из нас хорошо не спал.

— Уж это точно, — пробубнил Лукас.

Мой пульс резко ускорился. Неужели Кристиан рассказал своему брату о нашей встрече, излишне приукрасив её?

— У вас в казармах тоже был «мегатрах»? — спросил Лукас секретаря. — Если прошлая ночь хоть как-то отражает то, какой будет вся неделя, то я не знаю, хватит ли мне презервативов.

А, это он про себя.

Покраснев, Паркер в смущении гонял яйца с одного края тарелки на другой.

— Я могу сходить в город ради этого, если хотите, Ваше Высочество.

Кристиан лишь вздохнул, качая головой.

Вдруг Изабель сказала безжизненным тоном:

— Кристиан, какие у вас сегодня планы?

Его внимание отвлеклось от сосиски в удивлении, что вопрос обращался только ему.

— Боюсь, сплошные встречи.

Казалось, он говорил это, испытывая облегчение, что странно, учитывая его комментарий о наших расписаниях этой ночью.

И всё же я поняла его основную мысль о том, что он не был заинтересован в поиске невесты на КРБ. Хотя я и утверждала то же самое, мы оба знали, что наши мнения ничего не значат в долгосрочной перспективе, особенно в свете тех "чаёв", которые уже запланированы. Но посмотрите на него — он кажется равнодушным к моей гламурной сестре, которая частенько появляется в глянцевых журналах.

Отрезая кусочек ветчины, Паркер сказал:

— Ваши расписания на сегодня должны совпадать.

На долю секунды лицо Изабель было совершенно пустым.

— У меня на сегодня не особо много встреч...

— А, хоть какой-то плюс в том, чтобы быть правопреемником, — Лукас выдернул из своего пиджака фляжку, поднимая её в тосте к моей сестре.

— Мои извинения, моя государыня, — продолжил Паркер. — Я имел в виду Принца Кристиана и Принцессу Эльзу. Мне думается, что, как наследники своих тронов, они будут сидеть практически на одних и тех же встречах всю неделю.

— Как кстати, — сказала я. — Я как раз оставила своё расписание у себя, — я робко улыбнулась. — Так и не смогла прочитать его до конца. В отличие от некоторых.

В глазах Кристиана мелькнул азарт.

— Почему с тобой нет твоего личного помощника?

Мой ответ действительно интересовал его.

— Откуда тебе известно, что её нет?

— У меня свои источники.

Он проверял информацию обо мне? Интересненько. Я повернулась к Паркеру.

— Привет, источник.

Паркер лишь усмехнулся.

— Отвечая на твой вопрос — Шарлотта родила пару недель назад. Хотя она и хотела приехать, у нового в её жизни человека совершенно другие планы, что и понятно, — я поставила чашку кофе на стол. — Уверена, она боится, что я в полной растерянности без неё.

— Что весьма вероятно, — пробормотала Изабель.

Приятно видеть время от времени подобные проблески у сестры.

— Правда? — Кристиан снова пристально смотрел на меня, словно мой ответ был важен.

— А ты бы не растерялся?

— Думаю, да, — без единой нотки смущения, — Паркер организует практически всю мою жизнь.

— Ваша мужская дружба восхищает, — призналась я. — Напоминает фильм про путешественники... я бы сказала "штаны-талисман", но у нас нет такой пары, которой бы мы стали делиться друг с другом, пока гоняемся за мечтой и впечатлениями по всему земному шару. Так что можно сказать, что Шарлотта и я — это то же самое, что ваша дружба, только женская. Можно себе представить, как нам вчетвером было бы уютно вместе: беспомощные наследники, полагающиеся на своих секретарей. Рождается сюжет для ситкома. Или реалити-шоу.

Кристиан рассмеялся, как и Паркер с Лукасом, но только Наследный Принц просачивался в мою кожу, мои мышцы и кости. Это был тот же заразительный, прекрасный смех, который я слышала прошлой ночью, будто... будто он не боялся охватить жизнь, а не просто держаться за то, что имеем, как мы все. По правде, это сложно понять, потому что всего пять минут назад я спросила себя, представляла ли я его себе с этой стороны.

Но нет. Вот он. Кристиан и его слишком заразительный, прекрасный смех. Что-то внутри меня щёлкнуло. Затрепетало.

Нож Изабель скрежетал по тарелке.

— Действительно, жаль, что Шарлотт здесь нет, чтобы не давать тебе говорить такие гнусности.

— Гнусности? Ты разве не слышала мои пояснения? Мы с Шарлоттой уже давно перестали делиться одеждой.

— Вы давно знакомы? — спросил Кристиан.

Я оторвала уголок от куска тоста.

— Мы ходили в одну частную школу, когда были моложе, вот почему, скорее всего, она может меня выносить. Ко мне надо привыкать, знаете ли.

Сестра издала короткий сдавленный звук.

Кристиан подался вперёд.

— Я в шоке от услышанного. Я полагал, что принцессы расспрашивают всех вокруг, не девственники ли они. Разве это не нормальное поведение для будущих монархов?

— Ты имел в виду, безумствуют? — не сдержалась я, чтобы не поддеть.

— А что насчёт девственников? — спросил Лукас. — Просто я уверен, что на Саммите таких нет. Точно не после того, что я видел этой ночью.

Сестра пилила сосиску так, словно от этого зависела её жизнь.

— Мы с Паркером тоже ходили в одну и ту же школу, — сказал мне Кристиан, проигнорировав своего брата. Он уже несколько не возмущался, что вдохновляло. — Интересно, может, это такое дежурное место, благоприятствующее отношениям с доверенным личным помощником?

Лукас снова отпил из своей фляжки.

— Да, вы двое уходили и оставляли меня дома. Не удивительно, что у меня нет собственного секретаря.

Никто ничего не сказал сразу, не перед лицом такой откровенной горечи. Я нарушила тишину:

— Уверена, что Шарлотта часто сожалеет о том дне, когда впервые села рядом со мной за ужином. Она понятия не имела, кто я, просто думала, что мне одиноко. Что, вне сомнения, было правдой, но... — хитрая ухмылка упорно лезла на моё лицо. — Она, безусловно, получила больше, чем то, на что рассчитывала, — я обратилась к Паркеру, — что-то похожее и у вас? Ты когда-нибудь хотел вести вполне приемлемую дружбу с кем-то не из королевской семьи?

Паркер откровенно растерялся.

— Э...

Кристиан снова засмеялся:

— Могу ответить за него. Конечно же, да.

Тогда мы ухмыльнулись друг другу, большими жирными ухмылками, которые растянули уголки наших губ наверх в общем смысле заговорщического ликования. И я поразилась тому, как сильно меня восхищала эта улыбка на этом человеке.

— Эльза, — ровно сказала Изабель. — Там разве не Матье в очереди за завтраком? Ты должна пригласить его присесть с тобой, учитывая... — многозначительная пауза. И очень раздражающая.

Потому что я практически могла поклясться, что так она указывала мне "не лезть не в своё дело". И это было неправильно.

Глава 15

Кристиан

От утреннего злорадства Волчицы меня выворачивало наизнанку. Какая потрясающая пара получилась бы из меня и ваттенголдской принцессы Изабель! Какими красивыми были бы наши дети (потому что "уродливые младенцы неприемлемы")! Какой милой супругой была бы Изабель! Какими прекрасными были бы торговые отношения между Эйболендом и Ваттенголдией! Я бы сказал, что она зашла так далеко, что выбрала для нас китайский фарфоровый сервиз, правда, он уже существовал и стоял в шкафу во дворце. А потом она перевязала всё это аккуратным бантом, когда потребовала мило побеседовать с Изабель наедине за чаем, который был запланирован сразу после моих встреч. Или даже найти утешение в объятиях друг друга после обеда, если оба того захотим.

В общем, петля вокруг моей шеи крепко затянулась, когда моя мать раскрылась в роли королевского сутенера.

Лукас ничего не сказал за время речи, с которой Волчица обрушилась на нас, повелевая и объясняя, что нам делать следующие несколько дней. Так, для меня ценные указания: я не должен испоганить то, что она называла выгодной партией. Я должен усыпать Изабель вниманием и ухаживать за ней, как только мог, даже соблазнить её, если понадобится. Я должен быть внимателен к тому, что она говорит, любит и делает. Мою мать несколько не взволновало то, что мне не нравится Изабель, что я не испытываю никакого желания узнавать её, не говоря уже о том, чтобы жениться на ней.

— Думаешь, мне твой отец нравился? — был её ответ. — Или я могла что-то решать?

Она покачала головой, и, несмотря на весь тот гнев и слова, кипевшие внутри меня, мой рот больше ничего не произнёс, пока она не закрыла за собой дверь.

И тогда Лукас сказал:

— Везёт тебе, что большую часть жизни ты уже прожил, — пока наливал себе бокал

коньяка в столь ранний час.

Я отклонил его предложение выпить, и, вместо того, чтобы вариться в накипевшем гневе, я позволил разуму вернуться к другой принцессе, вместе со мной пьющей тёплое молоко и поедавшей эклеры посреди ночи. От этого я уже не чувствовал себя таким уж приговорённым к казни. Разговор с Эльзой успокаивал.

Вот уж не ожидал.

Сидя за завтраком, я уже собирался умолять Паркера зарезервировать для меня билет на самолёт куда угодно, лишь бы там не было Изабель и Волчицы. Как будто по команде, когда слова уже были готовы слететь с губ, у стола материализовалась та самая принцесса, из моей просьбы, и вместо идей о побеге в голове стали вертеться одни ругательства.

Но потом подошла и Эльза. Эльза вместе со всей своей дерзкой честностью, в сравнении с которой её сестра совсем поблекла.

На десять скоротечных минут я забыл о требованиях матери и просто позволил себе удивительную легкость от очередного перебрасывания словами с наследницей ваттенголдского престола. Она не боялась подшутить над собой, или надо мной, или, что там, даже над своей сестрой. Меня шокировало и радовало то, как она постоянно втягивала Паркера в разговор, хотя, большинство членов королевских семей не видели в нём никого, кроме призрака, всюду преследующего нас.

От того как её острый ум увлекал меня, я даже захотел повернуть стрелки часов вперёд до трёх ночи, чтобы я снова смог увидеть её наяву. Потому что когда она улыбалась, всё остальное вокруг нас исчезало, и всё что я видел, это завораживающие чёрточки от уголков её рта и линии, украшавшие уголки её глаз.

Какая у неё чертовски манящая, очаровательная улыбка.

— Эльза, — сказала Изабель, — Это не Мэтью в очереди за завтраком? Ты должна пригласить его сесть с тобой, учитывая...

Той улыбки теперь не было.

Наш угол стола смолк, когда внимание Эльзы ускользнуло от меня туда, где в очереди к буфету стоял Мэтт со своей сестрой Марго. Я никогда лично не говорил с наследницей одного из бывших королевских семейств Савойи, но Мэтт всегда положительно отзывался о своей старшей сестре.

— По-моему, у него уже есть с кем поесть, — пробубнила Эльза сестре. Она хмурилась. Не ревнует ли она его, раз он с кем-то другим? Знает ли она, что это его сестра?

Я уже собирался сказать ей это, чтобы увериться, что эти крошечные нахмуренные линии у неё на лбу исчезнут, но потом я напомнил себе, что будет неважно, из-за чего она хмурится. Или она хочет, чтобы Мэтт присоединился к нам. Или то, что она хмурится от того, что он с другой женщиной.

Изабель встретила её ответ как... чёрт, даже не знаю. В этом звуке было что-то стервозное. А потом она снова расплылась в такой жуткой улыбке, такой аккуратной, холодной и совершенно натянутой, будто она собиралась вежливо спросить о погоде или разразиться гневом прямо за столом.

Все инструкции матери и угрозы нахлынули снова, как прилив, которого я не мог избегать слишком долго. Но будь я проклят, если оставлю попытки. Как бы там ни было, я не хотел жениться на этой девушке, и неважно, что говорила Волчица.

— Думаю, наша встреча скоро начнётся, — сказал я Эльзе. — Мы должны идти.

Она перевела взгляд от Мэтта на меня, будто не в состоянии поверить, что я только что

сказал "мы". Брови Лукаса подскочили вверх. Паркер тоже странно посмотрел на меня; я не мог до конца понять, думает ли он, что я веду себя странно, или что я совершенно перепутал время встречи. Я не рассказал ему про то, как ночью мы с Эльзой напоролись друг на друга, потому что... Мне нравилась мысль, что об этом знали только мы. Это был наш секрет. Наши списки начинаний. Наш маленький клуб.

К тому же, это тоже было впервые, потому что обычно я всё рассказывал Паркеру.

Он передал мне мою кожаную сумку, в которой было всё, что мне могло понадобиться на встрече, направленной на проблемы, с которыми придётся столкнуться молодым наследникам в двадцать первом веке. Словно мы были детьми, отчаянно нуждающимися в обучении.

Я встал, и испытал неожиданное облегчение, когда Эльза тоже встала.

— Без сумки? — спросил я, когда она обошла стол.

— Чёрт, — она покраснела и покачала головой. — В смысле, отстой, — она сильно выдохнула. — Я забыла ее, придётся сходить за ней.

Паркер, который в тот же момент встал, сказал:

— Ваше Высочество, для меня не будет большего удовольствия, чем подготовить вашу сумку и тут же прислать её на встречу.

Спасибо Господи за Паркера!

— Ты не мой дворецкий, — её ухмылка скривилась. — Нет нужды приносить что-либо из моих вещей, — она сделала паузу. — Кроме того, нет нужды в такой официальнойности, помнишь?

— А твой дворецкий принесёт? — спросил я.

Так то. Она снова улыбнулась мне, и теперь в мире, кажется, всё опять встало на свои места.

— Вообще-то, нет.

— Пусть Паркер доставит твою сумку, — сказал я ей. — Если не ошибаюсь, у него скоро будет собрание, такое же скучное, как наше, только напоминающее семинар для личных секретарей-чайников. Так у него будет причина пропустить хотя бы первые пятнадцать минут.

Паркер и не думал спорить.

— Тогда, во что бы то ни стало, — сказала она ему, — пожалуйста, подготовьте мою сумку. Или, в крайнем случае, сообщите Биттнеру, что она мне нужна.

— Биттнер? — спросил я.

— Личный секретарь моего отца. Который, я абсолютно уверена, весьма рад, что не является моим секретарём. Удивляет, что ваш источник не ввёл вас в курс и насчёт этого.

Лукас сидел там же, попивая из своей фляжки. Он будет разгромлен в кратчайшие сроки, вне сомнений, в поисках новых побед. Волчице это понравится. Зато Изабель встала; я не мог прочесть её взгляд. Хотя, это нормально, да и мне всё равно.

Сейчас я заявлял о своей позиции. Я просто вежливо кивнул той, кого выбрала мне мать, и сказал брату с Паркером, что увижусь с ними позже. После чего я вышел с Эльзой за дверь, радуясь, что она не вздрогнула от того, что моя рука на долю секунды коснулась её поясицы.

— Эта встреча, — сказала она, когда мы изучали небольшую карту, вложенную Паркером, — непристойно идиотская. Я не могу поверить в то, что, пока наши родители сидят на встречах, которые помогают сформировать политический курс страны, с нами

будут нянчиться в чём-то вроде питомника для наследников короны. Почему ты не предупредил меня об этом?

Оторвав взгляд от карты, я посмотрел на неё. На ней было тёмно-синее пальто, которое сошло бы за платье, причём оно выглядело на ней одновременно изысканно и просто, словно было сшито точно по её фигуре.

Подождите-ка. Что она сейчас сказала? А, ну конечно. Тупица! Прямо, как эта грёбаная встреча, на которую мы направились. Пока я думал о том, как бы сделать комплимент её пальто, я сказал:

— Мои извинения. Я думал, что ты, должно быть, уже заглядывала в расписание. Я буду обязательно держать тебя в курсе дел отныне и впредь. Но ты права, это будет чёртова пытка.

Она сделала гримасу.

— Плохо уже то, что мы здесь, чтобы... — мы поднимались по тесной витой лестнице, как её голос резко понизился, когда мимо нас прошёл японский император. — Быть лотами на аукционе как в средние века, но плюсом нашей ситуации может быть то, что мы, по крайней мере, присоединимся к обществу взрослых, понимаешь? Только, полагаю, это тоже лишь фарс.

Она попала в точку.

— По-моему, то, как ты используешь девушку, указывает на жуткое женоненавистничество, Эльз.

Когда я назвал её так, у неё было удивлённое, хоть и довольное выражение лица, и мне оно определённо нравилось.

Какого хрена?! Это второй день, а я уже думаю о какой-то ерунде.

— Что ж, а вы весьма разборчивы.

В то время как её глаза искрились задорным огоньком, её губы были крепко сжаты, будто она что-то старательно сдерживала за ними. Это уже не первый раз за то короткое время, что мы знакомы.

Это было не моим делом, но вопрос вылетел сам собой:

— Почему ты делаешь это?

— Делаю что? Оскорбляю? — она отклонилась назад, осматривая меня с головы до ног. — Я отчётливо ощущаю, что никто, кроме твоего брата, не видит в тебе недостатков. Я же считаю своим долгом напомнить тебе о скромности.

Она что, считает меня совершенством? Или насквозь состоящим из недостатков? Я в равной степени заинтригован этими двумя сценариями. Хотя, она права. Никто, кроме Волчицы и Лукаса, ни разу не посмел указать на мои недостатки.

— Это оскорбление?

Хитрая ухмылка очертила уголки её рта.

— Решай сам, — и снова её губы сжались, удерживая за собой то, что она так отчаянно там хранила.

— Вот это, — я указал на её лицо. — Что ты там держишь?

Её глаза, такие тёмно-синие сейчас, заметно округлились. И потом она глубоко вздохнула:

— Моя мать настаивает на том, что неприлично смеяться в обществе. Знаю, это, вероятно, повергнет тебя в шок, но некоторые манеры я стараюсь соблюдать.

Меня самого пробрал смех.

— Ты можешь спросить меня, не девственник ли я, вскоре после знакомства, но не будешь смеяться в обществе?

К моему удивлению, на её бледных щеках проявился розовый румянец. Но это было не самое плохое: она цыкнула на меня, когда сдвинула меня в сторону укромного уголка на лестнице. От этого движения меня обдало долгим шлейфом её духов. Черт, как хорошо она пахла.

— Хорошо. Вчера я вела себя по-свински. Я уже это признала, — её глаза следили за лестницей, прежде чем они надолго вернулись ко мне. И странно было то, что мне физически пришлось бороться с дрожью, пока они смотрели на меня. — Просто... я не хотела понравиться тебе. Во всяком случае, не сразу.

И сразу, как мой рот открылся, она уточнила:

— Или чтобы, ну, ты ничего снова не предложил.

Она подкалывала меня. Тогда вот мой ответ.

— С самого начала я ничего не предлагал. И... — добавил я, когда она собралась спорить, — даже ничего пошлого.

— Хорошо. Ты не предлагал. Я просто говорю...

Я не мог не сделать шаг вперёд в оставшемся тесном пространстве

— Послушай, ты не обязана мне ничего объяснять. Как я сказала вчера, я тоже не в экстазе от того, чтобы выставляться на этом аукционе.

Одна её бровь выгнулась. Хорошо, что она не из тех тонких и жутких, будто их выщипывал младенец.

— Даже если это будет моя сестра?

Почва под ногами стала мягкой и неустойчивой. Я полагал, это было не перемирием, но тем периодом, когда мы разговаривали как нормальные люди. По крайней мере, так, я предполагал, разговаривают нормальные люди. И я был готов признать, что не хотел этого потерять. Но, хоть они с сестрой и язвили друг другу за завтраком, они были сёстрами, с неизбежными привязанностями, как мы с Лукасом. И всё же, я твердо сказал:

— Даже твоей сестре.

Как я вообще мог думать о её сестре, когда прямо передо мной стояла Валькирия?

Глава 16

Эльза

От произнесённого Кристианом признания, я ощутила неуместный, нелогичный укол удовольствия. Она не интересна ему. Он больше не хочет быть пешкой на КРБ, как и я, что не так уж и важно в долгосрочной перспективе, но всё же.

Напряжённая тишина, заполнившая пространство вокруг нас, стала такой тяжёлой и плотной, и мне казалось, что я не могу ничего сделать, кроме как просто не нарушить её.

— Есть явная угроза того, что вы двое должны стать парой.

— Так же, как и ты с Мэтом.

Хоть это и было дурным тоном, но мой нос автоматически сморщился.

— Не дури ей голову, если она не является тем, чего ты действительно хочешь.

Настал его черед сделать мягкий выдох разочарования.

— Поверь, это даже не рассматривается.

Хотела бы я поверить в его искренность.

— Моя сестра сейчас очень уязвима. Ей не стоит думать, что она нравится кому-то, когда... — вырвался грустный призрак смеха. — Это звучит так по-детски, да?

— Весь этот фарс кажется школьным, — пробурчал он, проводя рукой вдоль своих тёмных волос. И потом:

— Почему ты не хотела понравиться мне, Эльз?

Только я открыла рот, чтобы поправить его, но он прервал меня, ухмыляясь:

— В смысле как друг, конечно же.

— Не то, чтобы я не хотела понравиться тебе, — желание пнуть себя было таким сильным. Почему я по-прежнему говорю глупые вещи рядом с этим человеком? — Если это что-то значит. Что, скорее всего, не так, — я всё глубже копала себе яму, не так ли? — Я полагаю, что сейчас я защищаюсь, — я неубедительно махнула рукой между нами. Задев его плечо, я резко одёрнулась в статическом шоке. — Как и ты, и это правильно, — я снова несу бред, Боже мой. Мои пальцы покалывало, и это лишь от касания кистью его сукна. — Подумать только, я предположила, что ты влюблён в себя, из-за всех твоих... — я показала рукой на его лицо, потом на его тело, стараясь не приближаться к нему. — Ну, знаешь, из-за всей твоей «слишкомости». И всё же, возможно, предметом для беспокойства должны быть я и моё эго.

— Моя «слишкомость»?

Он был в шоке. Даже нет — он был доволен. И я официально заканчиваю этот разговор, раз возможность того, что я продолжу делать из себя полное и абсолютное ничтожество, практически гарантирована. Итак, я отказываюсь уточнять.

— Принимай это за извинение, Кристиан.

— Это будет впервые, Эльз? — мой вдох прозвучал резче, чем я бы хотела. — Потому что у меня такое ощущение, что ты не очень часто извиняешься. Или не теряешь над собой контроль до такой степени, чтобы пришлось это делать, — уголки его губ дёрнулись. — Может, это новое начинание? Потеря контроля, особенно в такой ситуации, как КРБ, когда каждую секунду его нужно сохранять.

Мне никак не удавалось дышать ровно, а сердце сильно колотилось в груди. Я сказала ему, бесясь на то, каким хриплым стал мой голос:

— Сейчас не 3 часа ночи. Это будет считаться?

Все мои старания держать свои руки подальше от него свелись к нулю, когда он протянул руку и нежно заправил выпавшую из причёски прядь волос мне за ухо.

— Я разрешаю. Но только потому, что ты являешься основателем ККН.

Мои ноги подкашивались. Физически.

— Да, и чтобы ты знала — извинения приняты.

Почему я вообще снова выбрала этот угол для разговора? Здесь и воздуха недостаточно. И слишком жарко, несмотря на холодную погоду.

Я выдавила из себя вопрос:

— Что будет твоим начинанием?

— Я хочу, чтобы ты называла меня Крис. Каким бы скучным это имя не было.

Дурацкий прилив нахлынул на меня, когда он это сказал.

— Другие люди зовут тебя Крис. Это не начинание.

— Начинание, когда не прошло и двадцать четыре часа со времени встречи. Потребовалось несколько лет, прежде чем Паркер сломался и стал называть меня кем угодно, только не Кристианом. Кстати, немногие называют меня Крисом. Меньше

пригоршни людей.

Я тяжело сглотнула.

— А если я хочу, чтобы ты оставался для меня Кристианом?

— Тогда, — он сказал тихо, — я буду для тебя Кристианом.

Мой взгляд упал на его рот. Пульс значительно усилился. Воздух вокруг нас совсем испарился.

— Почему Крис?

— Крис звучит знакомо, — сказал он одновременно низким, тёплым и твёрдым голосом. — И... я думаю, что хочу быть тебе знакомым, Эльз.

Невероятно безрассудно было даже рассматривать это, но это было именно тем, чего я тоже хотела.

Глава 17

Кристиан

— Как прошла встреча?

Вопрос прозвучал из уст моего брата, который чудом смог вытащить себя из постели (своей или чьей-то ещё, точно не знаю), чтобы присоединиться к нам у бассейна.

— Смерти подобно.

Это ещё мягко сказано. Двухчасовая встреча, которая в действительности была извержением своей горечи старейшим в мире наследником короны по поводу того, что его мать до сих пор живёт и правит, в то время как он продолжает стареть в сторонке, было ничем иным как путешествием в бездну. Не было ни дискуссий в отношении ключевых политических вопросов в наших странах, ни намёков на альянсы, которые следует поощрять в рамках Саммита. Чёрт, да мы даже не смогли пообщаться с коллегами-членами королевских семей, с которыми, может, никогда раньше не встречались лично. Больше никто не говорил во время тех двух часов. Совсем никто. Я не мог лично поручиться за других присутствующих, но я переживал, что тот ублюдок одержим идеей развеять какую-либо радость, которую мы могли бы иметь в жизни, пока не стали высушенной шелухой, мечтающей о побеге.

— И не было ничего, чтобы искупило бы этот кошмар? — спросил Паркер.

Эльза.

Разумеется, её глаза были такими же потускневшими, как и у всей группы, и мы не общались (потому что, не дай Бог, было кому-нибудь вставить слово), но ощущалось чувство солидарности, объединявшее нас в наших страданиях.

Я был больше сосредоточен на ней, чем на, так называемом, лекторе. Я замечал каждое движение, каждую смену положения, каждый раз, когда она скрещивала ноги, даже если они выпадали из периферии моего зрения. Если честно, то я всё время надеялся, что она отчитает того засранца-лектора как следует, только бы снять напряжение.

Но когда этого не случилось, я задался вопросом... Был ли это я? Было ли что-то во мне, от чего она могла игнорировать рамки приличия в таком молодом возрасте? Потому как, что за принцесса будет сходить вот так с рельсов?

Раздражающе интригует, уж точно. И я окончательно свихнулся, раз был очень рад тому, что она показывала мне те настоящие цвета. Я с удовольствием перейму её напористую манеру в этом море скуки.

Но брату и лучшему другу я ответил:

— Нихрена.

Лукас выудил свою фляжку из кармана пиджака.

— Волчица дала мне больше особых указаний, пока ты был на своей паршивой встрече.

Не знал, что хуже — узнать, что я точно определил, что Эльза пахнет таитянской ванилью, или что не пересёкся с Волчицей.

— На кого она нацелилась?

Он сделал долгий глоток перед тем, как закрыть фляжку.

— Ты можешь представить, что Наследная Принцесса Ваттенголдии есть в её списке? Та, с сегодняшнего завтрака? Клянусь, она совсем помешалась на этих девках.

Жалкий ублюдок... какого чёрта?

— Я был впечатлён тем, что Её Высочество была рада, как твой брат делает успехи с младшей сестрой, — говорил Паркер.

Эльза? И Лукас? Господи. Нет. Да ни за что. Они же друг другу не пара.

— Она сказала, что если мой братец не сможет заполучить сестру, тогда я буду должен пойти напролом, чтобы добраться до наследницы. Сказала... — он провёл пальцами вдоль своих тёмных волос и обозрел патио, где мы сидели. Примерно в двадцати метрах от нас находились люди, но они точно были вне зоны слышимости. — Сказала, что мы доберёмся до их судовых реестров, чего бы нам это ни стоило. Как романтично, не правда ли? — он состроил гримасу. — Но такова уж Волчица. Ей плевать, что она забила на своих детей, пока это не касается законной подписи на торговом соглашении.

Паркер многозначительно посмотрел на меня. Сволочь. Я спросил брата:

— Эльза — её главная добыча?

— Второстепенная. Но она хочет, чтобы я занялся, — он нарисовал в воздухе кавычки, — обеими, на всякий случай.

По его тону я понял, что было чрезвычайно маловероятно, что он последует этому указанию. Тем не менее, ровным голосом я сказал:

— Ты лучше начни смотреть на других из того перечня, что написала для тебя Волчица.

— Сомневаешься в моей удали?

Я выдернул его фляжку и открыл её.

— Удали? — я тряхнул головой от отпитого глотка. Это виски: он и впрямь сдержал обещание найти что-нибудь лучше. — Ты сам-то слышал то, что вылетело у тебя изо рта?

Он вырвал из моей руки свою фляжку, когда я закончил пить.

— Ты не веришь, что я смог бы заполучить эту ваттенголдскую цыпочку, если бы попробовал?

— Вообще-то, — сказал я ему, разозлённый сильнее, чем должен бы, — да. И имей почтение. Нельзя называть монарха цыпочками, как и говорить о том, чтобы заполучить их.

На нём были солнечные очки, но я был вполне уверен, что он только что сузил на меня свои глаза. И, наверное, уже было слишком поздно, когда я осознал, что сам только что предложил ему своего рода вызов. Дерьмо!

Паркер снова многозначительно посмотрел на меня.

— Как кстати, — сказал брат. — А вон и та, из-за которой спор.

По другую сторону бассейна я разглядел Эльзу и её сестру, они разговаривали с какими-то людьми на террасе, осматриваясь по сторонам. И это напомнило мне о том, что через пятнадцать минут я должен встретиться за чаем с Изабель. Прекрасно!

Лукас встал, засовывая свою фляжку к себе в карман. Будь я проклят, если он пойдёт туда. И я тихо сказал:

— Верни свою задницу обратно, или ты приготовился дать Волчице именно то, что она хочет?

Он обернулся, его брови поднялись выше тёмного пластика очков.

Я сохранял свой голос низким и благозвучным, чтобы никто не подслушал нас.

— Ты никогда не был хорошим солдатом, исполняя указания. К чему сегодня что-то менять? Ты и вправду готов просто плясать под её дудку? Чёрт подери, Люк. Никогда не думал, что застану этот день. Может, тогда отрежешь свои яйца и замаринуешь их для неё?

Теперь он был разозлён и скептически настроен, потому что мы оба знали, что если кто и исполнял указания Волчицы, то это был грёбанный Принц Само Совершенство.

— Ваша следующая встреча — через десять минут, Крис, — спокойно сказал Паркер. — Принц Лукас, думаю, что у вас тоже.

К моему удивлению, Лукас снова сел.

— Какого хрена? Я не наследник. Правопреемники не должны ходить на встречи.

Мэтт добрёл до того места, где стояли Эльза и Изабель. У них тоже будет чай?

— Ошибочка, — сказал Паркер, что было шуткой, он никогда не ошибался. Никогда. Так он просто отрезвлял моего брата; он знал, как и все мы, что единственной целью Лукаса на эту неделю было стать жеребцом на продажу. — Подумал, что слышал во время планёрки, что должно быть несколько встреч для...

— Продолжай, — Лукас облокотился на подушки своего шезлонга. — Можешь называть меня правопреемником. Чёрт, Паркер, тебе серьёзно пора стать проще. Волчицы нет рядом. Мы друзья, помнишь? Нет нужды разговаривать с Крисом и со мной, будто мы...

Паркер улыбнулся сжатыми губами:

— Члены королевской семьи?

Мэтт повёл ваттенголдских сестёр обратно к лестнице.

— Кто ещё? — спросил я.

Они оба впали в ступор, поэтому я добавил:

— В списке Волчицы.

Вздых Лукаса повис в воздухе.

— Истинная цель — чья-то королевская кухня, которую притащили сюда из Испании. Волчица считает, что папа это оценит или типа того. Что-то вроде извращенной искупительной жертвы, — он оскалился. — Будто это будет иметь для папы значение. Будто он когда-нибудь будет думать, что из этого грёбаного фарса может выйти что-то хорошее.

— Мы, — тихо напомнил я ему. — Он бы ответил на это тем, что у него есть мы.

Лукас просто буркнул, попивая из своей фляжки.

— Ты встречался с этой испанской девушкой? — спросил я. — И ещё, давай не будет называть её этой испанской девушкой. Как её зовут?

— Мария-Елена, но она сказала, что предпочитает просто Мария, или Мари.

Поразительно, что он знал это. Не так часто мой брат запоминал имена.

— В ответ на твой вопрос, ага, мы натолкнулись друга на друга несколько раз. Она секси, — проскользнула лёгкая ухмылка. — Должно быть, я, э, был немного дружелюбен с ней, прежде чем узнал, что она, блин, и есть цель. Что насчёт ваттенголдской девчонки, Крис? Той, с сосулькой в попе. Есть надежда?

Нет. Никакой надежды ни с одной девушкой, к сожалению, даже если бы я думал, что

мог желать этого в другой ситуации.

Что, правда, было бы безответственным желанием.

Глава 18

Эльза

Я боролась с зевотой, но эту битву явно проигрывала. Поэтому я попробовала зевнуть с закрытым ртом, при этом округлила глаза и добавила кивок головы, чтобы не было заметно, как мне скучно. И что я устала. Мне не хватало около двух часов хорошего, крепкого сна.

Мэтт вернул на полку книгу, которую нашёл там и решил показать мне.

— Небольшой фанат классики?

Та древняя книга была о финансах.

— А это разве классика?

— Может быть, для кого-то.

Его угрюмая, но лёгкая улыбка попыталась меня задобрить, но всё, что я испытывала в ответ, было раздражительностью. С дамой такое бывает в случае вынужденных отношений, даже с таким достойным человеком. Особенно после того, как её отец заставил её провести несколько так называемых "качественных" бесед с указанным человеком.

— Исполни свой долг, — было ответом Его Светлости, когда я нажала на него вопросом о том, почему я не могу попить чай со своей сестрой. Но нет, она чаёвничает с Кристианом, а я здесь, пытаюсь вести светскую беседу с Мэтью.

Но светская беседа нам и нужна.

— Где находится то, что ты сейчас называешь домом?

— Моя семья обосновалась во Франции, но я рассчитываю мотаться между Парижем, Римом и Нью-Йорком.

А, всё верно, он же говорил, что живёт здесь, в Штатах.

— Тебе нравится Нью-Йорк? Я ещё не была там, но надеюсь однажды побывать.

— Это выдающийся город, в нём столько жизни! — в его глазах блеснул тусклый огонёк. — Делает ли меня предателем ЕС то, что я скажу, что предпочту его любому из больших городов, в которых рос?

— О, да, такая возможность есть.

— Если бы я мог, — сказал он дрогнувшим, но спокойным голосом, — я бы счастливо жил там до конца своей жизни.

Не эта ли грусть отражается в его глазах?

Когда он повернулся лицом к книгам, я поборола импульс дожать его насчёт этого или просто напомнить ему, что Ваттенголдия находится очень далеко от Нью-Йорка. Правда, это может поощрить интимность, притом, что такая близость была, безусловно, нежелательна. Неуклюжая светская беседа быстро переросла в неловкое молчание.

Вчера было легче общаться, когда было только подозрение. Сейчас же у меня было подтверждение, что наши родители желают создать из нас пару, и я не могла подобрать слова.

Мне нечего было ему сказать.

— Хорошо проводишь время?

Дурацкая Шарлотта со своим оптимизмом. Я опёрлась на ближайшие ко мне перила и разглядывала пышные сады.

— А ты как думаешь?

Она хихикнула в то же время, как малыш позволил себе дикие вопли плача.

— Как твои встречи?

По крайней мере, я слышала такие слова.

— Ужасно скучные, вот так.

— Они насчёт настила?

— Шарлотта, я всей душой люблю тебя и Дикки, но отдай кому-нибудь ребёнка, хорошо?

— Что?

— РАДИ ВСЕГО СВЯТОГО, ОТДАЙ РЕБЁНКА НЯНЕ!

Верховный глава Малайзии и король Камбоджии резко и испуганно посмотрели в мою сторону. Они находились на довольно приличном расстоянии и не могли слышать мой разговор по телефону, во всяком случае, пока я говорила нормально. Я робко улыбнулась перед тем, как ускользнуть по дорожке к лестнице, ведущей к дороге.

К счастью, пока я сбегала от унижения, Шарлотта дала отдохнуть нашим барабанным перепонкам и сделала то, о чём я попросила.

— Итак, — сказала она, как только стих детский ор, — ты рассказывала мне о своих встречах?

— Они абсурдны, — я кивнула проходившему мимо сторожу, когда повернула к дороге, направляясь в сторону дальних владений замка. — И, если честно, оскорбительны. С нами нянчатся. Для наследников здесь нет никакой реальной работы. Я даже не имела возможности применить хоть что-то из так называемых "тем для диспута" Его Светлости. Вот последняя встреча, где я была!? Никому нельзя было говорить. Как тогда представлять Ваттенголдию на мировой арене?

— Твой отец уже обозначил, к кому склоняется?

Я вглядывалась в пасмурное небо. Казалось, что тучи очень скоро раскроются и расплачутся. Но я пока не собиралась возвращаться. Я пошла на риск оказаться под дождём, пока не смогла бы спокойно дышать. Следующие пять минут я посвящала Шарлотту в курс всех кровопролитных деталей, которые могли случиться всего за полтора дня. Она тихо слушала (я уверена, что она делала многочисленные записи), аккуратно вытаскивая из меня всю историю.

Когда я закончила, она сказала:

— Я за Мэтью. — И потом, уже не так резко. — Он тебе хотя бы нравится?

— Полагаю, он довольно мил.

— Так себе похвала.

— А что ты хотела, чтобы я сказала? Что я обезумела от любви к нему в момент нашей встречи? — вынужденный взрыв смеха вырвался из моей груди. — Ради Бога. Да такого не бывает, особенно на КРБ.

— Я влюбилась в Джозефа, как только увидела его...

Я оборвала её. Из-за чрезмерной уравновешенности воспоминания Шарлотты о том, как она и ее муж впервые встретились, были искажены.

— Ты выплеснула в его лицо бокал и обозвала его козлом на весь ресторан. Потом ты безостановочно скулила о нём следующих два дня.

— Всё было совсем не так!

Я не сдавалась.

— Всё было так плохо, что тебе пришлось платить мне по евро за каждое упоминание его имени или оскорбление. Я тогда неплохо заработала.

— Я говорю о том, — она с трудом подбирала слова, — что любовь с первого взгляда действительно возможна.

— Любовь с первого взгляда — это городская легенда. Похоть с первого взгляда? Признаю, это вполне возможно. Но этого не случилось с Мэттом, — завершила я её. С Кристианом? О, да. — Он порядочный парень, но искры нет. Ни одной. Он для меня как брат — или, как минимум, такой, каким я представляю себе брата.

— О, Эльза, — тихо сказала она. — Мне так жаль.

— Ты думала, что была возможность того, что я приеду на королевский рынок брака и найду свою любовь? — издевалась я. — Нет здесь таких везунчиков.

— А что насчёт Прекрасного Принца?

Я остановилась посреди дороги.

— У меня нет Прекрасного Принца.

— Тот красавчик, с которым ты встретила вчера...

С которым я столкнулась.

— Тот, за которого Его Светлость хочет выдать замуж Изабель?

— Ты действительно думаешь, что это может произойти, а как же помолвка Изабель с Альфонсо?

Я развернулась к главному зданию и уставилась на него.

— Боюсь, что помолвки больше нет. Изабель отказывается обсуждать Альфонсо, тем более сказать мне, в чём для неё выгода от участия в КРБ.

Это удивило Шарлотту ничуть не меньше, чем когда-то меня.

Глава 19

Кристиан

Какое, блин, счастье, что ужин закончился.

С нами сегодня ела Изабель, и ещё Мария-Елена. Волчица была в прекрасном настроении, потчует обеих дам великими рассказами об Эйболенде и её остроумных, очаровательных сыновьях, росших в столь сказочном месте. Только вот дамы, вынужденные терпеть эти приукрашенные истории, превратились на всё то время в деревянные статуи. И мы, послушные сыновья, были не лучше.

Мы не были единственными в подобной ситуации. Такие же несчастные наследники и правопреемники сидели за похожими столами под тусклым освещением от ламп и гирлянд повсюду вокруг нас.

Потом, когда Изабель извинилась, чтобы отойти попудрить носик, я прямиком устремился к её сестре. Каждый раз, когда кто-нибудь поворачивался и заговаривал с Эльзой, я замечал то, каким мрачным было её лицо. Я не мог выдержать мысли о том, что она была такой же несчастной, как и я. Я понимал — то, что ей придётся пережить, было неоспоримо иррационально само по себе, но я думал лишь о том, что единственные моменты счастья, которые были у меня в Калифорнии, проходили в её компании.

Даже когда мы препирались. Даже когда она сбила меня с толку в коридоре. Даже если бы мы просто сидели друг с другом рядом в тишине.

К тому же, я заинтригован её начинанием.

Я догнал её в тот самый момент, когда пара монархов, с которыми она говорила, отошли к другой жертве.

— Ты меня разочаровываешь, — её манящий аромат вскружил мне голову, отчего мне было сложнее пытаться вести себя непринуждённо. — Посмотри на себя, сама воспитанность. Я ожидал, что ты будешь набрасываться на всех.

Самая хитрая и коварная улыбка, которую я когда-либо видел, предназначалась только мне. — Я думала, мы решили, что на этой неделе безумствуют только девственники.

Из меня вырвался одобряющий смешок.

— Ты, наконец, признаёшь, что не девственница?

— Да ты хам, и когда речь идёт о твоей истинной личности, то и снег может пойти. Ты и сам это знаешь?

Только она улыбалась так же широко, как и я.

— Да. Мне также кажется, что мой долг — признать, что множество людей безумствуют: и девственники, и не девственники. Очевидно, это то, что нужно делать.

Я был уверен, что она хотела сильно рассмеяться, но всё, что я получил, это плотно сжатые губы, сдерживающие смех.

— Со мной ты можешь смеяться. Обещаю, возражать не буду.

— Знаешь, насчёт чего я возражаю? — она шагнула ближе. — Если наши родители будут смотреть на нас.

Моя веселость угасла, когда я украдкой взглянул в указанном ею направлении. Хотя принц Густав и Волчица перемешались с несколькими правителями других микросоударств, их внимание было приковано к нам. Хуже того, моя мать явно была не рада тому, что с этой ваттенголдской девушкой был я, а не другой.

Да пошла она!

— Не желаете прогуляться?

Облегчение, которым засияли глаза Эльзы, стоило гневной лекции, которой, я уверен, буду отчитан позже. Я провёл её сквозь толпу людей подальше от неодобрительных взоров наших родителей, к намного более спокойной и менее людной части сада.

Глубокий вздох облегчения сорвался с её губ:

— Сейчас ты лучше всех для меня.

Мой пульс скакнул от её заявления, как и мой член. Чёрт, эта женщина выглядела потрясающе сегодня. На ней было мерцающее чёрное платье, которое напомнило мне о чём-то прямо из прошлого, о чём-то из этого места и его истории, и её красота была одинаково неземной в алебастровом свете ламп, окружавших нас.

Пока я упивался её обликом, я очень явственно понял, как сильно она мне нравилась. До боли. И это за такое удивительно короткое время — больше, чем какая-то другая женщина, с которой когда-либо встречался.

Моё равновесие резко покинуло меня.

Я сказал, надеясь, что слова будут звучать весело, а не шокировано от такого откровения.

— Могу поспорить, ты говоришь это каждому парню, который уводит тебя с КРБ.

Она покопалась в своей маленькой сумочке, которую носила, и извлекла комоч бумаги.

— Кстати о них, ты видел это?

Валькирия стала злой. Интересно. Я вытянул скомканный шарик из её руки и наклонился к одному из близстоящих фонарей.

— В любом случае, я абсолютно уверен, что это не моя вина.

— О, ха-ха, — она вздохнула, пока я раскрывал смятую массу. — Я не обвиняла. Я просто жаждала разделить с кем-нибудь моё возмущение.

У меня в руках было недавно изданное расписание, сообщавшее о походе на рассвете для наследников короны. "Для укрепления критического отношения и связей со своими коллегами на чудесной природе" — было написано жирным шрифтом. Сразу представилась картина, где люди, которых я не знаю, держатся за руки и ухмыляются, как маниакальные придурки, пока бредут по тропе. "Будьте готовы, потом написать вдумчивое эссе с подробным описанием преимуществ сильных отношений между современными королевскими особами в двадцать первом веке, для обсуждения на специальном обеде только для наследников".

Я спросил:

— Это что, шутка?

— Биттнер дал это мне, тоже с извиняющимся видом. Так что, думаю, нет. Он не из тех, кто любит разыгрывать. А тебе Паркер ещё не принёс?

Вероятно, Паркер, взглянул на это бумажонку и выбросил в ближайшую урну. Именно это собирался сделать я с посланием для Эльзы. Я снова свернул его в комочек — в тот вид, каким его получил — и затолкал в свой карман.

— Нет. И если он так уж предан мне, то никогда не принесёт.

Она прислонилась к белой стене.

— Когда это Десятилетний Саммит стал летним лагерем для наследников?

— Если это так, то, возможно, нам полагается потребовать с них песни у костра и жареный зефир.

Она ударила носком по окрашенной плитке под ногами.

— Ты раньше бывал в летнем лагере?

— Увы, нет, но я видел их в фильмах. Зефир там часто фигурировал.

Её это позабавило.

— Да ладно, Кристиан, неужели ты помешан на зефирках?

Крики и звук от аплодисментов. Мы оглядели кусты, за которыми скрывались, пытаюсь найти источник такого веселья. В воздух поднимались бокалы с шампанским, а лица многих монархов светились улыбками.

От этого страшного зрелища сводило пальцы на ногах.

— Какого блин фига? — пробурчала Эльза, её глаза сужались, в то время как сама она подавались вперёд.

А мне было всё равно, что бы и с кем бы ни происходило. Намного сильнее я был сконцентрирован на женщине напротив меня. Потому что, будем говорить как есть, эти возгласы не могли сулить ничего хорошего. Точно не здесь. Не на КРБ.

— Что ты спрашивала? — напомнил я.

Её внимание вернулось ко мне. И я должен признать, мне очень нравилось быть там. Её губы, подкрашенные сегодня в, очень вкусно выглядящий, красный цвет, скривились в проницательной ухмылке. Это небольшое движение загипнотизировало меня.

— Мы обсуждали твою очевидную одержимость зефиром.

Интересно, какие на вкус эти красные губы. Она думает о зефире. Мне хочется смеяться, даже если почти невозможно оторвать глаза от её изумительного рта. Как такое возможно? Как мог я так запасть на кого-то через два дня после знакомства?

— По правде говоря, — пробормотал я, — я никогда его не пробовал. Они всегда вызывали у меня подозрение.

Эльза чуть ли не подавилась от смеха при попытке сдержаться, и, клянусь, в этот момент, я больше не хотел ничего, только бы услышать его. Это моя новая цель: я услышу её смех до окончания Саммита.

— Что же такого подозрительного в зефире?

Я пожал плечами, ухмыляясь.

— Сложно выразить.

— Тогда у тебя получится никудышное эссе. Если ты не можешь объяснить, почему зефир подозрителен и не стоит любви, тогда как вообще ты сможешь говорить о том, как важно держаться друг за друга членам королевских семей?

— Так как я очень сильно сомневаюсь, что буду писать подобное сочинение, это не будет проблемой.

Она улыбнулась мне, её губы стянулись к одному уголку, чуть выше другого уголка, и казалось, кто-то пришёл и ударил по затылку. Чёрт, эта женщина сексуальна. А что, если бы я поцеловал её? Я не представлял этой искры между нами, не так ли?

Я засунул руки в карманы.

— Ни твоей, ни моей, — сказала она мне. — Это будут наши новые начинания? Противостоять кому-то и отказываться от нелепых эссе?

— Смотря кому, — слава Богу, она, похоже, не обратила внимания на то, что я уже порядком завёлся. — Ты раньше противостояла кому-нибудь и отказывалась что-то писать?

Она склонила голову набок, словно обдумывая, и её длинные тёмные волосы рассыпались по обнажённому, кремового цвета плечу. Картинки того, как я оборачиваю её потрясающие волосы вокруг своей ладони, в то время как узнаю, что её губы настолько же сладостны, какими кажутся, заполнили моё сознание. Мне пришлось привалиться к стене, чтобы скрыть растущее влечение к ней. Господи. Соберись, Крис. Никогда раньше я не терял физического контроля над собой рядом с женщиной. Почему она? Почему сейчас? Почему здесь, из всех мест — чёртов КРБ?

— Чтобы ты знал, — она сказала, — я ужасно себя вела в университете, потому что я всё время отказывалась писать эссе.

Я многозначительно поднял бровь. Да ладно. Эльза оббивала носком линию точно так же, как я делал на протяжении многих лет, уж в этом я уверен.

Она закатила глаза и легонько пнула край моего ботинка.

— Хорошо. Я никогда не отказывалась выполнять задания. Это будет впервые. Так ты в деле или нет?

Протянулся женский кулачок. Я стукнул по нему, удивляясь тому, как такое короткое мгновение соприкосновения кожи с кожей ощущалось подобно прелюдии, от которой мне срочно надо бежать под холодный душ. И на мгновение показалось, будто на неё это незначительное касание произвело такой же эффект, как и на меня. Но потом она прокашлялась и непринуждённо сказала:

— Я знала, что могу рассчитывать на тебя.

— Но для начала нам нужно дождаться колдовского часа.

Она наклонилась, и аромат ванили накрыл все мои чувства. Это мой новый любимый запах.

— Это будет на вас, Ваше Высочество. А я нашла для нас начинание.

— На завтра, — подчеркнул я.

Одним пальцем она провела вдоль моего воротника от места чуть ниже моего уха до заострённого края под подбородком. В груди у меня застыл воздух, пока её палец не покинул меня.

— Три часа ночи — это завтра.

Я сгруппировался, когда позволил одной руке обвить её талию на кратчайший из моментов, при этом успев аккуратно её сжать. И теперь я возбудился в два раза сильнее, если такое вообще было возможно.

— Если мы собираемся забить на поход и эссе...

— О, мы действительно противостоям кому-то сейчас, — её голос был хриплый и мягкий на фоне болтовни за кустами, её глаза темнели в тёплом свете фонарей. — Мы ведь не идём в поход?

— Мы слишком устанем в походе после того, как поздно ляжем спать. Кроме того, он начнётся в пять тридцать утра, Эльз. Как много наследников, ты думаешь, в действительности, смогут встать? Мы точно не одни будем спать во время, так называемого, веселья. Если бы я мог поставить, то сказал бы, что никто не появится.

Я смотрел за тем, как она глубоко вздохнула, прежде чем сказать:

— Интересно. Продолжай.

— Поэтому моё начинание... давай пойдём по тропе с вьюном и устроим свой поход во время колдовского часа.

Теперь пришёл её черёд скидывать брови. Она знала, что я говорил о том месте, что, должно быть, когда-то было впечатляющей тропой для прогулок: ряд из того, что в прошлом было виноградной лозой и плодовыми деревьями, покрытых вьюном, простирившимся почти на милю по территории замка, которая теперь находилась в простоватом, но очаровательном запустении. Я выяснил, что тропа вела от дороги до замка.

— Я никогда не ходил в походы посреди ночи, — добавил я. — Это будет со мной впервые.

— Мне довольно сложно рассматривать это как поход. Люди всё время гуляли по этой тропе, пока она не пришла в упадок.

— Ты просто придираешься.

Кто-то позвал её по имени, и под "кто-то" я имел ввиду Мэтта. Как он вообще нашёл нас?

И тогда я услышал тихую просьбу:

— Принеси бутылку вина.

Замётано.

Глава 20

Эльза

— Клянусь, — сказал Мэтт по мере приближения к нам с двумя бокалами шампанского в руках, — никогда бы не подумал, что вы двое прячетесь за этими кустами.

Я сделала еле заметный шаг назад от Кристиана, осознав, что со стороны могло показаться, будто я практически залезла на него. Его «слишкомость» так сильно отвлекала меня.

— Ты нас обвиняешь?

— Только в том, что вы не пригласили меня к вам присоединиться, — он предложил мне один из бокалов. — Прости, для тебя нет, Кристиан. Я решил, что бокал полагается по тому случаю, что только что была объявлена первая официальная пара КРБ. Ура, мать его, гип-гип!

Я приняла бокал, отчаянно пытаюсь подавить коварную дрожь, угрожавшую овладеть мной. Всего лишь второй день, а уже делаются объявления? И тогда до меня дошло. Все те аплодисменты и возгласы ранее были гротескными поздравлениями жертв КРБ с потерей былой свободы, когда можно было выбирать сердцем.

— Кто эти несчастные? — спросил Кристиан.

Мэтт отпил долгий глоток игристого вина.

— Моя сестра и один бедняга из Греции.

Я не знала, что сказать. Было видно, что Мэтта несколько не устраивал этот вариант.

Кристиан издал низкий свист.

— Как она приняла это?

— Только так, как ей позволено: с высоко поднятым подбородком и улыбкой на лице, — гримаса Мэтта была полной противоположностью того, что он описал, когда поднял в тосте свой бокал. — Согласно слухам, сегодня будет, как минимум, ещё одно объявление.

Паника затрепетала у меня в груди, хоть я и понимала, что оно не может быть моим. Даже указав на своё предпочтение Мэтта, отец ещё не давал указаний. Надежда ещё теплилась, хоть и очень-очень маленькая.

Я еле слышно прошептала.

— Так скоро.

— Ты знаешь, кто? — спросил Кристиан.

— Нет, приятель, — Мэтт отпил шампанское. — Но, что я знаю, так это то, что Великая Герцогиня попросила вашего с братом присутствия.

Кристиан тихо выругался под нос. Я была поражена его спокойной яростью, даже больше, чем очевидным сочувствием, окрасившим лицо Мэтта. Неужели они боятся, что у Кристиана все шансы быть объявленным?

Человек, над которым нависла угроза, на мгновение застыл, чтобы потом расправить плечи.

— Тогда я лучше не буду заставлять Великую Герцогиню ждать.

Было бессмысленно сопротивляться желанию смотреть за тем, как он уходил. Я расстроилась от того, каким потерянным он был. Это чувство было мне незнакомо, особенно когда это касалось человека, которого я знала всего пару дней.

— Не завидую я ему, — сказал Мэтт, тоже смотря Кристиану в след.

Я медленно пила шампанское, которое он мне дал. Хотя на улице было прохладно, мой напиток был наполовину тёплым.

— О?

Он провёл рукой по своим рыжеватым волосам.

— Как хорошо ты знаешь Великую Герцогиню Эйболенда?

— Совсем не знаю, — признала я. — А что?

Мэтт прислонился к стене, вращая шампанское в своём бокале.

— Можно сказать, что Её Высочество внушает страх.

Я вспоминала, что знала о матери Кристиана. Она умна, элегантна, красноречива и ею

восхищается большая часть мира за то, что она олицетворяла собой современного монарха, даже такой крошечной страны.

— Разве мы не можем сказать того же о большинстве родителей здесь?

— Полагаю, да, — он тихо произнёс. — И всё же, я не завидую домашней жизни моего друга, даже если... — его плечи осунулись, в глазах появилось отрешение.

— С тобой всё в порядке, Мэтт?

Улыбка, которую он наклеил на своё лицо, без сомнений, была той же, что его сестра минут пятнадцать назад продемонстрировала толпе.

— Я знаю, мы здесь как в окопе, но они только что подали самое вкусно-выглядящее мороженое. Не хочешь попробовать?

Я бы лучше воткнула спицу себе в глаз, чем вернулась на ту вечеринку, но из-за прожигавшего во мне новую дорожку любопытства, я последовала за ним к столу с десертами.

Несколько минут спустя, пока я поедала то мороженое крохотными ложками, я изо всех сил делала вид, что добросовестно слушаю рассказ Мэтта о них с сестрой, когда они были маленькими, но моё внимание было где угодно, только не здесь.

Ладно. Это была ложь — не история, которую он подробно излагал, которая, не сомневаюсь, была правдой, а то, что моё внимание было где угодно, только не здесь. Потому что это было не так. Оно было сконцентрировано на всего одной вещи.

Кристиан и Изабель стояли с моим отцом и Великой Герцогиней рядом с гостевым домом с видом на горы. Они пили шампанское, Изабель была бледна, а наши родители такими довольными собой. Какой кошмар!

А Кристиан? Его улыбка вынужденно натянута, все линии неестественны, что указывало неопытному свидетелю на тихую вежливость. Его Светлость, может, и думает, что Кристиану приятно то, что они обсуждали. Возможно, Изабель тоже. Но я, зная этого принца эти два дня, могла сказать, каким обозлённым и несчастным он был, и эти две эмоции определённо не были тем, что он чувствовал, пока мы прятались за кустами.

Были бы эти неестественные черты также натянуты на его лице, если бы рядом с ним стояла я, а не моя сестра? Отчего бы не помечтать, тем более после того, как он совершенно ясно дал мне понять, что ему больше никто не интересен на КРБ, кроме меня.

Вот же чёрт!

Может, я и не верю в любовь с первого взгляда, но, как я сказала Шарлотте, страсть с первого взгляда очень реальная, очень возможная вещь. Потому что, как ещё я могу объяснить своё внезапное помешательство на Кристиане?

Я вернулась мыслями к Мэтту и надеялась, что моя улыбка не была похожа на натянутую улыбку Кристиана.

— Это было приятно, — пробубнил он. Не только моё внимание было рассеяно, потому что он смотрел на свою сестру, стоявшую с мужчиной, который, должно быть, был её новоиспечённым женихом. — И Марго была счастлива. Я тоже. Забавно то, что мы оглядываемся назад и желаем того, о чём когда-то думали как о какой-то банальности, но в действительности, бывшее раритетом.

— Мы всегда оглядываемся назад в наши воспоминания по-другому, разве нет?

Теперь была его очередь обернуться и сфокусироваться на мне. Тихий выдох смеха сорвался с его губ.

— Полагаю, трава всегда где-то зеленее. Просто становится жаль, после того, как ты

походил своими ногами по такой траве.

Я всунула ложку в моё мороженое, не зная, как правильнее было бы ответить. И в этом часть проблемы — я никогда не знаю, что сказать Мэтту.

Он отдал свою чашу проходившему мимо официанту перед тем, как подойти ближе.

— Прости меня. Я не должен был вываливать всё это на тебя.

Теперь стало ещё хуже.

— Думаю, у меня ностальгия, — продолжил он, — зная, что на этой неделе мы с сестрой будем вынуждены в конечном итоге оставить свои надежды и прошлое. Такое чувство, словно ты одет в смиренную рубашку, да?

Что-то во мне смягчилось от нежной меланхолии, на которую, наверное, он рассчитывал от меня. Я отдала свою чашу другому проходившему мимо официанту.

— Ты когда-нибудь хотел узнать, каково это родиться не в королевской семье? Не носить на своих плечах все эти ожидания?

Его улыбка была искренней, если не потухшей.

— Постоянно. Как и ты, я уверен.

Чёрт знает что. Наверное, наступило время выговориться самой. Сказать то, что никогда бы не подумала, что смогу произнести в его присутствии.

— Когда я была моложе, то расспрашивала своих одноклассниц об их жизни, о выборе, который им предоставлялся. Даже перед теми, кто был из богатых, влиятельных семей, было так много вариантов! — я очень тихо делилась с ним своими секретами в окружении громких голосов. — Я начала осознавать, что, хоть мне и были доступны очень многие вещи, которые другим и не снились, при этом я была обязана ожиданиями тысячам людей, которых даже не знала. И от этих ожиданий жизнь не всегда легче, особенно, когда тебя повсюду сопровождает такое ослепительно яркое освещение.

Он снова мягко выдохнул, усмехнувшись, только в этот раз с оттенком облегчения.

— В точку, — и тогда что-то ещё появилось в его глазах: не столько дружелюбие, столько понимающее сопереживание в купе с недавно обнаруженным уважением. — Хоть мне и не стоит говорить или даже думать. Потому что пока наследие моей семьи крепко держит меня, оно, вероятно, не идёт ни в какое сравнение с тем, что будет на троне.

Сейчас я видела его, с ног до головы. Я, наконец, заметила узкий чёрный ремень, который он одел поверх серой рубашки, свободные чёрные брюки в тонкую полоску, облегавшие его худощавое тело, и гладкие мокасины без шнуровки, что постоянно напоминало мне зелёный карандаш из коробки меланхолии. И я не переставала спрашивать себя, кем же на самом деле был Матье.

Но я знала точно, что его слова были взвешены искренностью, не важно, какими тяжелыми они для нас были. И тогда он подошёл ближе, неуверенно раскрыв руки; я глубоко вздохнула и шагнула в них ради короткого объятия. Это было приятно. Спокойно. Очень по-братски.

Что было не совсем тем, чего мы ждём от будущих супругов.

Глава 21

Кристиан

Изабель снова понесло на лошадиную тему. Только, в этот раз, Принц Густав и Волчица тоже включились в беседу, поэтому, благодаря им троим, я наслушался о лошадях на целый

век вперёд.

Пока они обсуждали... а, дерьмо, я не знаю, разновидности коней, я не мог не почувствовать отчаяния от того, как моя жизнь устроится дальше. О том, что придётся часто слушать про животных, я почти не переживал, но моя деспотичная мать и потенциальный будущий свёкор всегда будут настойчиво навязывать отношения, которые мне нафиг не нужны. Во мне всё просто хотело кричать: — С меня хватит! Пошёл этот КРБ и все вы! — но я не кричу. Никто из нас, оказавшихся в этой ловушке, так не делает. Вот такие мы — самое большое скопление трусов за всю историю.

Правда, я протестую, но только так, как могу в такой ситуации. Каждый раз, когда Изабель ненароком подступает ближе, я отхожу на один шаг дальше. Каждый раз, когда она вяло флиртует со мной (просто для того, как я подозреваю, чтобы успокоить своего отца), я отвечаю ей холодно, но вежливо. Я серьёзно разозлил Волчицу, но мне плевать.

Честно говоря, Изабель не была ужасна. Учтива, если не суха. Умна. Изящна. Красива. Для многих заключённых КРБ этого было бы достаточно. Чёрт, да этого было бы достаточно для многих людей и за пределами этого фарса, в котором я застрял. Но уверенность во всём моём теле твердила, что мне этого недостаточно.

Я хотел большего.

Я хотел эту искру, этот огонь для бензина. И я знал, что никогда не найду её с Изабель.

Глава 22

Эльза

Тропа была бугристой в отдельных местах, особенно, в крошечной тьме ночи, и, казалось, я вообще не могла нормально стоять на ногах. Споткнувшись в третий раз, я вцепилась в руки Кристиана, чтобы не позволить себе упасть лицом в полнейшее унижение.

Веди себя хорошо, Эльза, будь собой.

Он остановился, чтобы вернуть мне равновесие.

— Ты в порядке?

Я заверила его, что всё отлично.

— Клянусь, обычно я не такая неуклюжая.

Я была не уверена, но в темноте я бы сказала, что его губы растянулись в ухмылке. А может, и к лучшему, что я не видела этого. Его рот со всеми изгибами представлял опасность.

— Не переживай. Неуклюжесть — это единственная вещь, которая бы точно не пришла мне в голову, если бы пришлось описывать Наследницу короны, Принцессу Ваттенголдии.

Мне было больно смеяться. Я подошла ближе, чтобы не дать порыву ветра сбить меня с ног.

— А в твоём перечне есть "властная грубиянка и говорит всё, что думает"?

Он засмеялся.

— Говорит всё, что думает — возможно, но в хорошем смысле.

Прежде, чем я успела потребовать уточнения, он прокашлялся и высвободил руку. Свет от его фонарика направлялся вдоль тропы перед нами.

— Почти пришли.

Мне было приятно осознавать, что он не отпустил меня совсем. Сильная рука опустилась, чтобы обвить мои замёрзшие пальцы.

— Точно?

Здесь было так холодно, как никогда не бывало в Ваттенголдии, но его рука в моей согревала меня сильнее, чем, если бы мы были на Бермудском пляже.

— Ты ужасно много знаешь про это место.

Он спокойно воспринял мою издёвку.

— Паркер заставил меня всё прочитать, пока мы летели сюда.

Моя стопа напоролась на камень, и я снова споткнулась, но в этот раз он ловко поймал меня.

Прекрасный Принц снова поражает.

— А знаешь что? — сказал Кристиан. — Забудь об оставшемся пути. Давай останемся здесь.

— А это начинание будет засчитано? Мы не прошли всю тропу.

Он рассмеялся:

— Не думаю, что это было начинание, разве нет? Я просто хотел пройтись по этой тропе. Что мы и сделали, так?

Я держала поднятым вверх воображаемый бокал вина.

— Тогда за твоё начинание.

— Подожди-ка на секундочку.

Он скинул рюкзак, висевший на нём, и открыл его. В преломлённом свете фонарика я смотрела за тем, как он извлекал покрывало, бутылку вина, штопор и два бумажных стаканчика.

— Ты принёс вино!

У наших ног лежало расправленное одеяло.

— Почему ты так удивлена? Ты же попросила, разве нет?

Я присоединилась к нему на покрывале, сев со скрещенными ногами, как он передал мне бокал.

— Ты всегда делаешь всё, что тебе женщины говорят?

— Боже мой, нет! И, кстати, я также не делаю всего того, что мне говорят мужчины.

Интересно, что бы он сделал, если бы я попросила его поцеловать меня. Держу пари, он целуется так классно, что любая девушка тут же забыла бы про всё на свете.

Я такая жалкая: сижу и мечтаю о поцелуе с Прекрасным Принцем.

Испытывать симпатию к человеку и все эти химические реакции, от которых бурлила кровь, может быть так неловко, особенно когда этот человек — твой будущий зять.

Он откупорил бутылку и наполнил стаканчики.

— Ты ужасно молчалива. Боишься диких животных?

Этого было достаточно, чтобы вырвать меня из мира грёз, где я живо себе представляла, как мы прячемся в тихой комнате, срывая друг с друга одежду.

— А здесь водятся дикие животные?

Он передал мне стакан.

— А твоя Шарлотта не заставила тебя прочитать историю места? Первый владелец устроил здесь частный зоопарк.

Я чуть не выронила своё вино.

— По территории бегает одичавшие животные из того зоопарка?

Он снова рассмеялся.

— Эльз. Подожди. Просто послушай, — тёплая ладонь легла на мою руку. — Я имел в

виду, что здесь был зоопарк, но почти никого из них не осталось. Говорят, что здесь живут ещё какие-то виды, но я думаю, что есть и другие животные в округе, например, койоты и еноты. Так что да, вокруг нас много животных. В мире полно животных.

Я направила свой фонарик в темноту, окружавшую нас, отчаянно надеясь не увидеть там сверкающих глаз.

— Можем вернуться, если тебя это напрягает.

Я сглотнула свою неуверенность от беспокойства в его голосе.

— Да ладно тебе! И часто люди пьют вино в темноте в окружении... — я сбивчиво указывала в темноту напротив нас — Возможных диких животных?

Он издал мягкий печальный смешок.

— Дурацкое начинание я предложил, не так ли?

Я бы с удовольствием сказала "да", но повернулась к нему и, наконец, рассмотрела обрывки его лица в ярком свете луны. Весь воздух внутри меня застыл, когда я осознала, что мы сидим под лунным светом, с вином в руке, и здесь было чрезвычайно тихо и спокойно, и не было родителей или участников КРБ, или чего-то ещё, что могло бы помешать нам.

Прямо сейчас мы были просто Эльза и Кристиан, а не кто-то ещё.

— Нет, — я была удивлена силе этого чувства. — Оно идеально для сегодняшнего вечера.

Мы пили вино под серенады сверчков, в то время как мысли, чувства и слова лились между нами рекой. Не было никакой неловкости, никакого поиска банальных любезностей для заполнения пространства. Я впитывала каждый его кусочек, что он дарил мне, и не могла отделаться от мысли, что он делает то же самое. Мы хорошо проводили вместе время, которое при этом подпитывалось чем-то, чего я никак не могла постичь.

Чем-то милым, волнующим, приятным, и захватывающим одновременно.

Позднее, когда мы вернулись в главное здание, он сказал:

— Дай мне свой телефон.

— Зачем? — я всё равно дала его ему.

— Я только что понял, — сказал он тихо, но спокойно, — что у нас нет номеров друг друга.

Я сильнее опьянела от этой просьбы, чем от вина. Он также предложил мне свой телефон, и мы ввели в них свои номера.

— А у меня будет особый рингтон?

Он рассмеялся.

— Естественно, — и потом он удивил меня тем, что сопровождал меня до двери моей спальни. Как только мы оказались там, он наклонился, и его губы оказались прямо у моего уха. — Приятных снов, Эльз.

Внутри меня так много всего сжалось и затрепетало! Может, это из-за темноты, обволакивавшей нас в этом крошечном коридоре, может, из-за вина, но я ответила на его любезность тем же. Когда мои губы были так же близки к его уху:

— Приятных снов, Кристиан.

Его голова повернулась, и мы стояли там, едва касаясь друг друга щеками, пока я боролась со своим дыханием. И потом, когда он сжал мою ладонь, коснулся губами моего виска.

Поцелуй был совершенно невинным, по большому счёту, и всё же мои панталоны практически растаяли с моего тела.

Я тихо нырнула в свою комнату, пока не сделала что-нибудь неразумное. К моему облегчению или, может быть, беспокойству, отец с Изабель снова с удовольствием пилили дрова. Я быстро переоделась в пижаму, но, прямо перед тем, как я собиралась скользнуть под одеяло, мой телефон завибрировал.

Спасибо за то, что безумствовала сегодня со мной.

Если раньше я думала, что это были бабочки, то, теперь они не шли ни в какое сравнение с тем, что было у меня в груди, когда я таращилась на сообщение от Кристиана.

Я должна была написать что-нибудь смешное, что-то беззаботное и веселое. Но мои пальцы дрожали, а сердце дико колотилось у меня в груди. Весь мой разум оставил меня в восхитительном одиночестве. Может быть, мне действительно не хватало сна, хотя бы наяву, потому что всё, что я могла написать, было:

Я с нетерпением жду новых безумств в следующий час колдовства.

Я тяжело вздохнула. Мы шутили насчёт того, что говорим как школьники, но, боже правый, я ведь только что отправила нас прямо в те годы!

Вот, блин. Совсем я голову потеряла из-за этого принца.

Глава 23

Кристиан

— Похоже, сегодня будет дождь.

Я сощурился при взгляде на потемневшие серые облака, застилавшие небо. Начинание Эльзы пришло и ушло, и оно было выполнено по отдельности. Мы оба не пошли в утренний поход, но так же поступили и все остальные, за исключением одного несчастного наследника. И вот я сижу на северной террасе за обязательным завтраком с Изабеллой. После ночи наслаждения чертовски яркими, хоть и разочаровавшими меня, сновидениями с её сестрой в главной роли, в тот короткий промежуток времени, что я вообще спал. Откровенно говоря, я предпочел бы вернуться в свою постель и видеть сны об Эльзе, чем говорить о погоде с Изабеллой.

— Может быть.

Холодное удовлетворение еле заметно приподняло уголки её губ, когда она приглаживала свои длинные волосы на плече. Этим утром хотя бы не было упоминаний о лошадях, но я, наверное, мог бы с тем же успехом наблюдать, как сохнет краска, так не интересно мне было то, что происходило здесь.

— В Калифорнии хорошо, — добавила она после долгой паузы.

Я почесал шею и кивнул.

— Ага, хорошо.

— Я впервые в Штатах, — она подняла свою чашку, отставив в сторону мизинец. — Я бы хотела, чтобы мы могли осмотреть и другие достопримечательности.

И другие? Я хотел засмеяться от такого оптимизма. Никакого "осмотра достопримечательностей" за пределами имения быть не может. Никто из местных, за исключением тех, кто работал на Монарший Совет, не знал, что сейчас мировые правители

находились именно в этом регионе. Наши пресс-офисы ждут, что мы, как положено, вернёмся в свои родные пенаты. У нас даже нет наших телохранителей здесь. Но я сказал Изабель:

— Я бы тоже.

Кто-то позвал её по имени; когда она обернулась, чтобы помахать в ответ для приветствия, я обрадовался той временной передышке. Это дало мне ещё немного времени помечтать о её сестре.

Глава 24

Эльза

Я прошипела себе под нос:

— Сколько ещё нас будут пытаться этими идиотскими встречами?

Кристиан мило улыбался, когда мы выходили из гостевого коттеджа, несмотря на то, что, очевидно, он был также возмущен, как я.

— Да ладно, — сказал он мне спокойно. — Давай пойдём куда-нибудь отсюда.

Сладкое облегчение разжало мои кулаки, в которые сами собой свернулись пальцы. Мы были на ещё одной ужасной встрече для наследников короны, за время которой слушали ещё одного напыщенного придурка, объяснявшего, почему нам следует помалкивать, пока наши государи не велят чего-то другого. Я могла бы возмущаться на те "темы для диспута", но какого, блин, хрена! У меня не было возможности вообще что-то произнести, а мы здесь уже третий день.

Мы скрылись в одной из лестничных клеток главного здания. Там было тихо, почти все были на следующей встрече или по дороге на завтрак. Каким бы странным не было это место, оно мне нравилось. Проникавшие сюда лучи солнечного света обвивали нас, пылинки поблёскивали на холодном воздухе. Я не могла избавиться от чувства, что, если мы собираемся остаться на этой лестнице, то вполне могли бы забрести во временной портал.

Кристиан прислонился спиной к жёсткому, шероховатому бетону лестницы и сказал:

— Могло быть и хуже.

И мягче:

— Это мог быть завтрак. Или чай.

Меня покорило от его грубой честности, так как я знала, что конкретно он имел в виду. Сегодня утром я принудительно завтракала тет-а-тет с Мэттом. Желание поделиться переживаниями, как прошлым вечером, прошло. Нам столько всего хотелось поведать друг другу, что мы оба перешли к обсуждению разных ресторанов. И знать, что чай уже на горизонте, с теми же самыми напряжёнными попытками узнать друг друга получше?

Лучше бы я вернулась на ту встречу, с которой недавно сбежала.

— И всё-таки, как прошёл завтрак? — спросила я.

— Ну, на этот раз, твоя сестра не говорила о лошадях. Прикинь?

Я сначала опешила, но потом чуть не подавилась от смеха, пытавшегося проложить себе выход наружу.

— А ты не любитель лошадей?

Он сделал вид, что его всего передёрнуло.

— Господи, нет.

Так здорово было улыбаться, по-настоящему улыбаться после нескольких часов муки.

— Я тоже.

Снова нарисовалась его ослепительная ухмылка.

— Как прошло твоё?

— Могу заверить, что мы с Мэттом тоже не обсуждали лошадей.

Он сложил ладони вместе и поднял вверх.

— Спасибо, Боже, за чудеса!

— КРБ — страшный зверь. И самое ужасное в нём — беседа ни о чём, — потом добавила намного нежнее, — я думаю, ты всё больше нравишься моей сестре.

Этим утром Изабель не отзывалась о нём как о неандертальце и не давала колких комментариев насчёт обязательной встречи с принцем. Там, где они находились, было безропотно спокойно, чувство долга больше не обрамлялось неприязнью, что нервировало и отчего я начала колебаться в своём неприятии, чего не могло быть раньше.

Моё наблюдение стёрло беззаботность с лица Кристиана, хоть и медленно. И я пожалела, что стала что-то говорить, потому что этот его смех, чёрт его побери, был таким заразительным.

— А!

Я закусила губу. И смотрела на него, пытавшегося понять, не оговорила ли я.

— Я сделал всё, что мог, чтобы не обнадеживать её, но, Эльз, хоть я и считаю твою сестру прекрасной женщиной, я... — он провёл по волосам обеими руками. — Я бы не сказал, что всё больше нравлюсь ей.

Логика подсказывала мне продолжать это линию разговора. Долг уверял, что я должна была объяснить ему, почему Изабель — это идеальный вариант будущей Великой Княгини. Традиция умоляла меня пойти и заключить союз с Матье, а не тайно радоваться тому, каким несчастным становился суженый сестры, когда говорил о перспективах отношений с ней.

Как мне уже было известно, традиция не всегда предлагала легчайший из путей.

Я незаметно прочистило горло.

— Ты, должно быть, сожалеешь, что не сделал предложения кому-то раньше, до этой недели.

В его тихом смешке сквозила та же горечь, что и в его последних словах.

— Как и ты, я полагаю.

Упоминала ли Изабель свою привязанность к Альфонсо? Я не имела права пользоваться доверием сестры, но если бы Кристиан знал...

Нет. Определённые традиции должны оставаться, даже вопреки моему желанию.

Я приблизилась и робко коснулась его руки. Приятное тепло проникло через подушечки пальцев.

— Не сомневаюсь, что ты чрезвычайно ясно дал Изабель это понять, но я всё равно прошу тебя быть добрей с ней.

Его внимание было приковано к моим пальцам; его лицо и тон голоса стали серьёзными:

— Думаешь, я должен потакать ей также как Принц Густав?

— Нет, — успокоила я его. Как странно, что он не упомянул Великую Герцогиню. — Потому что если будешь, мне придётся, как следует пнуть тебя под яйца.

Так-то, он снова улыбается. Хорошо.

А теперь до меня дошло, что моя шуточная угроза могла быть воспринята им как ревность, а не сестринская преданность. В этом случае, меня скоро можно будет считать

самым невнятно выражающим свои мысли членом королевской семьи. Поэтому я пояснила:

— В смысле, чтобы просто заступиться за свою сестрёнку.

Его губы только сильнее изогнулись.

— Потому что, естественно, сестра важнее, чем... — о, чёрт! Меня точно покинуло красноречие. О чём я вообще? Никогда ещё я так не волновалась.

— А у женщин есть эквивалент мужскому правилу "друзья важнее девчонок"? — размышлял он.

Я щёлкнула пальцами.

— Сёстры важнее мужиков!

Одна тёмная бровь взметнулась в азарте.

Я снова выпалила:

— Девчонки важнее пенисов!

И вот он опять смеялся от души, в то время как его плечи совершенно неискренне содрогались.

— Ради всего святого, больше никогда этого не говори.

Я прислонилась к чёрным перилам, шедшим вдоль внешней стены, повторяя его позу. На ступенях этой узенькой лестницы наши стопы соприкасались.

— Ты шокирован?

В шоке должна бы быть я, стоявшая так близко к нему.

— С чего бы? — сказал он. — Это же не я кричал про пенисы?

Мои пальцы проводили по неровным краям бетонной стены, как внутри меня всю распирало от смеха.

— Если честно, Кристиан, то уверяю тебя, что, несмотря на то, как я себя веду, я воспитывалась не в джунглях, — уголки моих губ ползли вверх. — И не в борделе.

Он оттолкнулся от стены, посмеиваясь. И тогда, прежде чем я спохватилась, его тело примкнуло к моему, а одной рукой он опёрся на стену справа от меня.

О, боже.

Маленькие феи живо запорхали у меня в груди, когда его голова резко приблизилась к моей, отчего его тёмные волосы спали на лоб.

Время замерло, пока я смотрела в его янтарные глаза. Отчаянные мысли и желания поглотили меня. Поцелуй меня! Ради всего святого, поцелуй меня!

Вместо этого он зацыкал.

— Как самокритично, Эльз.

Ага, значит, поцелуя не будет. Почему теперь так досадно? Всё же, это был умный ход.

Он продолжил:

— Ты точно знаешь, что все... — он остановился, вне всяких сомнений подбирая правильное слово. Или, в крайнем случае, самую вежливую версию того, что я думала, он хотел сказать.

Я подсказала:

— Ночные бабочки?

Он снова усмехнулся, качая головой. Его рот был в пяти дюймах от моего. Прекрасный рот, как раз такой, о каком я весьма живо мечтала этим утром.

— Ладно. Проститутки?

— Короче, — продолжал он, — ты точно знаешь, что все такие дамы стали бы на лестницах кричать про пенисы?

Мои пальцы чесались, чтобы притянуть его ближе, чтобы загладить на место прядь волос с его глаз.

— Ты прав. Они, возможно, так измотаны мужскими гениталиями, что отказываются обсуждать такие темы вне работы.

Пауза заполнила скучное пространство между нами, и по моим рукам побежали мурашки.

Он тихо произнёс:

— Думаю, даже если бы я смог прожить целый век, я бы ни за что не смог догадаться, что у тебя здесь, — он нежно дотронулся пальцем до моей головы. — Или что ты скажешь дальше.

Я была не в силах подавить приятную дрожь, охватившую меня от его прикосновения.

— Говорить ты мастер. Могу поспорить, ты говоришь это всем женщинам, с которыми оказываешься на лестницах.

— Я не часто оказываюсь в подобных ситуациях, — он снова сделал паузу, во время которой буравил меня своим решительным взглядом. — Вообще-то, я никогда не был в такой ситуации.

Я открыла рот с язвительным возражением наготове, когда он провёл вдоль моей нижней губы тем же пальцем, что был на виске. И снова дрожь побежала по всему телу, только в тысячу раз сильнее предыдущей.

Когда Кристиан сказал:

— Эльз, — моё имя звучало мягче, чем пение птиц в саду.

Его голова была всё так же опущена, а его внимание сосредоточено на том, где на моей губе был его палец, и я подумала про себя, это действительно происходило? Потому что я очень этого хотела.

Будь проклята традиция.

Наши дыхания смешались, теплые и волнительные в тишине лестничной клетки. Мои руки сами собой потянулись вперёд, пальцы впились в ткань его рубашки.

Его сердце билось так же сильно, как моё, что только укрепило мою решительность. Я хотела его. К чёрту логику. Я. Хотела. Этого. Мужчину.

Наши рты были так близки, и я подумала, что его губы задевают палец, который он всё ещё держал на моей нежной коже. Я всё крепче сжимала его рубашку, в то время как всё ближе притягивала его тело к себе. Он издал мягкий стон, тот самый, который я так жаждала услышать. Другой рукой он обхватил мою талию, и теперь пришла моя очередь стонать.

К чёрту моего отца, его мать и КРБ!

Я уже собиралась выбросить на ветер осторожность, как вновь услышала своё имя, оно было произнесено громче и с этажа выше, кем-то другим.

Да ладно, Мэтт? Какого хрена!

Рука Кристиана опустилась, и он отпрянул от меня назад, пока не натолкнулся спиной на стену. Его рубашка выглядела помятой там, где я сжимала её, там, где я чувствовала, что владею им.

Я сделала эти складки. Я хотела сделать ещё.

Мэтт материализовался в своих ретро кедах, поскрипывающих на каменных ступеньках. Он кинул быстрый взгляд на Кристиана, который поправлял волосы на голове, и, предвосхищая, сказал:

— Что вы оба здесь делаете?

Почти целовались, ответила я про себя.

Кристиан, будучи более тактичным, чем я, сказал:

— Снова прячемся. А ты?

Если Мэтт и заметил, каким стянутым был голос его друга, он не показал вида. Он опустился на ступеньку прямо над нами, и рука, которую я не хотела, чтобы трогала меня, легла мне на плечо.

— Они открыли наружный бассейн на день, и Принц Густав... — он сглотнул, очевидно, от неловкости. — Предложил мне найти тебя, чтобы мы могли вместе поплавать.

Когда он это сказал, такая перспектива прозвучала для меня так же заманчиво, как разбить его череп о грубые стены вокруг нас.

— На улице плюс шестнадцать, — отрезал Кристиан. — К тому же оба бассейна без подогрева.

Мы почти целовались. Ещё хуже — я хотела этого, что было колоссально самоубийственно. Он ясно дал понять, что совершенно не собирался угождать матери, сметая с ног девушек на КРБ — ни мою красивую сестру, ни кого-либо ещё из списка Великой Герцогини (если такой есть), и точно не меня.

Мы с ним друзья. Союзники.

Меня раздражало то, что я совсем потеряла голову от своего дружественного союзника.

— Они вынесли нагревательные лампы после нескольких жалоб от монархов, — сказал Мэтт. Если он пытается смести меня с ног обаянием, то ему не на что рассчитывать.

И меня это не расстраивает.

— Боюсь, я должна отклонить предложение отца, потому что не привезла с собой купальник.

Предсказуемо, сердце Мэтта ничуть не треснуло от моего отказа. И он сказал Кристиану:

— Лукас сообщил тебе о том, что на полночь запланирован заплыв нагишом для наследников и правопреемников? — его внимание вернулось ко мне. — Для такого внеклассного занятия купальник не понадобится.

Э...

— Вот вы где все.

И теперь с нами на лестнице была и Изабель, поднимавшаяся с нижнего этажа. Чудесно! Может, нам стоит пригласить и всех наших родителей.

Когда она поднялась на ступень ниже нас, то довольно раздражённо сказала:

— Эльза, я думала, мы должны были встретиться за завтраком.

А, блин! Совершенно выпало из памяти, пока я чуть не поцеловалась с её суженым, как-то так?

Не став дожидаться ответа, Изабель спросила:

— Что вы все делаете на лестнице? — быстро оглядев пространство, продолжила, — Здесь тесно.

Мэтт дал ответ:

— Я рассказывал им о планах на полночь — купание нагишом в бассейне Нептуна. Об этом сейчас все говорят.

— Э... — сказала я в то же время, как Кристиан пробурчал: — Мы...

Изабель перекричала нас обоих:

— Какая прелесть! Целая орда голых королевских поп в одном месте. А не станет этот день счастливым для папарацци?

Принцесса Ваттенголдии Изабель в своём репертуаре.

— Это значит, — добавила она неожиданно решительным, непреклонным голосом, — я в деле. Потому что, о праведные небеса, нужно же нам здесь как-то развлекаться.

Вот теперь я слышала всё. Моя сдержанная сестра хотела плавать голой с теми, кого знала и не знала? Какого хрена?

— Кто-то из датчан послал своих за приличным ликёром для этой вечеринки. Да, они обещают утопить все принесённые телефоны и камеры, — Мэтт опёрся рукой на стену — в то же месте, где всего минутами ранее была рука Кристиана — прислонившись ко мне, словно мы официально были парой.

Я попробовала представить Мэтта голым. Несмотря на то, что он, вне сомнений, был красив и сложен из художавых, рельефных мышц, эта картина не вызвала у меня ни малейшего трепета.

Даже тепло, исходящее его телом, ощущалось по-другому, в отличие от Кристиана.

— Кому в голову пришла эта идея? — спросил Кристиан.

Я мазохист, раз вновь картинки этого мужчины обнажённым скользнули в моём сознании, вызывая слишком много трепета. Боюсь, я разругянилась, но ничего не могла с этим сделать. Видеть голого Кристиана могло бы стать религиозным опытом. Он же назван в честь христианства.

Господи, за такое и в ад можно попасть.

Мэтт перечислил имена зачинщиков, после чего я утвердилась в своём решении, что ни за какие коврижки я не присоединюсь к ним голой в полночь в этом бассейне.

Так и вижу лицо сестры, когда представляла заголовки к статье о вечеринке: "Голые монархи со всего земного шара утонули в известном бассейне Нептуна". И следом идёт подзаголовок: "Отчеты токсикологов указывают на крайнюю степень опьянения".

Изабель подошла к краю ступени около Кристиана. Я видела, как от дискомфорта напряглись его мышцы, но он был слишком вежлив, чтобы отстраниться от неё, как я знала, он бы хотел. То же самое и я жаждала сделать с Мэттом, склонившимся ко мне. И, затем меня поразило то, как она протянула руку, чтобы убрать прядь тёмных волос с его глаз, что я сама хотела сделать минутами ранее.

Никогда мне так не хотелось ударить сестру по руке, как сейчас.

Пока Мэтт с Изабель обсуждали то, что им было известно о заплыве голышом, я вынуждала себя вспомнить то, что моя сестра явно до сих пор не оправилась от того, что произошло с Альфонсо. Она бы не стала принимать участие в таких развлечениях, как купание голыми, или даже с охотой стоять рядом с мужчиной, выбранным её родителями, а не сердцем.

Видимо, в этом всё дело. Это был не просто мужчина. Это был некто, кого отец видел своим зятем. Очень красивый, забавный, милый мужчина, на которого, я была бы очень рада, если бы она не клала свои руки, потому что я была достаточно эгоистична, чтобы быть той единственной, кто желал пощупать его всего. В смысле, потрогать. Нет, чёрт, кого я обманываю? Я имею в виду, ощупать его с ног до головы.

Я украдкой взглянула на Кристиана; он смотрел стеклянными глазами на одну из стен и слушал их также невнимательно, как и я.

Я попыталась представить, какой могла бы быть жизнь с Кристианом, как с зятем. И

потом я представила, где бы найти тех датчан и попросить у них немного той отличной крепкой выпивки, потому что сама мысль о Кристиане и Изабель вместе, была невыносимой.

Перед тем, как отвести взгляд, его внимание переметнулось на меня. Наши глаза встретились на этой крошечной лестничной клетке, где нас окружили предполагаемые будущие супруги, и... он снова смотрел на меня, словно мы были единственными людьми во всём замке, точечный фокус времени и места, который заряжал молекулы и атомы внутри моего тела.

Не могу отрицать, что это был тот взгляд, которого я страстно ждала. И это было тяжело, ведь он был предназначен не для меня.

Глава 25

Кристиан

Я практически поцеловал её. В то мгновение, что Мэтт отыскал нас, я практически сдался своему быстро растущему, почти ненасытному желанию поцеловать Эльзу. И, сейчас, эти незваные гости обсуждают купание нагишом посреди ночи, и я стараюсь не дать своему члену вырасти ещё больше, потому что, чёрт! Эльза голая?!

Как повелось в последнее время, когда я рядом с ней, я засунул руки в карманы. Я пытался думать о менее приятных вещах, как, например, встреча, на которую мы должны пойти через несколько минут, на которой будут присутствовать и наши родители. Я буду сидеть рядом с Волчицей почти два часа; если это не в состоянии убить эрекцию, то я не знаю, что ещё придумать.

Но потом, словно мотылёк, летящий на огонь, я вернулся глазами к Эльзе, и мне пришлось аккуратно поменять положение, чтобы спрятать подтверждение того, как сильно она мне нравилась.

И это было правдой. Почти как одержимость.

Я оттолкнулся от бетонной стены и молился, чтобы никто из присутствующих не заметил, как оттопырились спереди мои штаны.

— Мы опоздаем на нашу встречу, если не пойдём сейчас.

Мне не пришлось повторять это для Эльзы. Она выскользнула из рук Мэтта так быстро, что он чуть не свалился со ступеньки.

— Увидимся за чаем? — спросила меня Изабель. По крайней мере, я решил, что вопрос был адресован мне, потому что в её голосе совсем не было энтузиазма.

Никогда в жизни я не был так рад тому, что моё присутствие на ужине было обязательным.

Глава 26

Эльза

Встреча для стран Скандинавии проходила в библиотеке и была весьма продуктивной, особенно, в свете того, что на ней не обсуждалось ничего связанного с КРБ. Поэтому, это была самая лучшая встреча, что я посетила в Калифорнии. Тем более, нам, наследникам, наконец-то дали слово, и, для моего эго, это было благом, раз я могла осветить важные для меня вопросы.

Пока Король Швеции обсуждал ключевые экономические вопросы, стоявшие перед Скандинавией, такие как влияние мигрантов, пересекающих наши границы, я снова вспомнила ту лестничную клетку. Его Величество призывал нас найти землю и жильё, чтобы предложить мигрантам, что вызвало жаркие споры. Я тоже разгорячилась, но, по совершенно другим причинам. Я знала, какое начинание хотела выбрать на сегодня. Мне просто нужно набраться мужества, чтобы предложить его Кристиану.

Глава 27

Кристиан

Лестничная клетка, слава Богу, была пуста, и Эльза опустилась на одну ступеньку.

— Я отказалась идти на купание голышом с остальными.

Я остановился на следующей нижней ступени рядом с ней, стараясь не вспоминать то, что в этом самом месте всего чуть более двух часов назад мы почти поцеловались.

— Тогда не пойдём.

На её лице сначала появилось изумление, потом облегчение, потом вина от того, что она была так рада, что я сказал это.

— Ты, конечно же, можешь идти.

В своём ли она уме? Там будет Изабель. Голая Изабель. Так что, к чертям, нет уж. Пока не будет строгого приказа вместе с откровенными угрозами от Великой Княгини, ноги моей в этом бассейне не будет.

— Что? Спасибо. Приятно знать, что я был достаточно хорошим парнем, что мне разрешили пойти на вечеринку.

Я так хотел, чтобы она уже одарила меня своим смехом. В её глазах горел огонёк, соблазняя меня так, как я никогда себе не представлял.

— Без обид, — сказала она, — но меня не прельщает идея светить голым задом перед кучкой незнакомцев.

Я не мог удержаться, чтобы не подстегнуть:

— Мы европейцы, Эльз. Мы знамениты нашими пляжами, где можно загорать без бюстгальтера, — хотя от мысли о том, как она раздевается перед всем народом, мне захотелось со всей силой вмазать кулаком в бетонную стену.

— Только не в Скандинавии. Правда, сегодняшняя вечеринка требует большего, чем просто снять верх купальника.

— Можешь остаться в своих панталонах.

Она тяжело вздохнула:

— О да, я буду единственной дамой, кто откажется снять панталоны. Прямо вижу, как быстро все забудут про это, — она качала головой, ухмыляясь. — Спасибо, но нет.

Я ничего не имел против её нежелания. В любом случае, я бы лучше провёл время только с ней.

— Как бы ни было, полночь на три часа раньше нашего колдовского часа. Наверняка, всё пройдёт ужасно. Во время полуночного голого заплыва волшебства не случится.

Она опустила голову, покусывая губу, пока рассматривала меня сквозь непристойно длинные ресницы.

— А что насчёт трёх часов ночи?

Я вытянул ногу, пока она не коснулась её стопы. У меня уже как будто развилась

страшная зависимость от Эльзы.

— Колдовской час всё наполняет волшебством. Я думал, мы с этим уже определились.

Она довольно долго сохраняла молчание, но я практически видел, как в её мозгу крутились шестерёнки. Казалось безрассудством и глупостью, но сердце в моей груди стало чересчур сильно отбивать новую неровную мелодию.

Я задержал дыхание. Я ждал.

И она сказала:

— Римский бассейн кажется волшебным, не находишь?

Я прочистил горло. Лишь бы не запищать, как какой-нибудь юнец в пору полового созревания.

— О, несомненно.

Та Валькирия, что была со мной, подалась вперёд и сказала:

— Если в меню предлагается купание гольшом, я хочу его там.

Святые угодники! Чёрт!

— Таково моё начинание на сегодня, Кристиан. Я хочу, чтобы во время нашего колдовского часа мы поплавали гольшом в Римском бассейне.

Мы. Нашего. Два слова, на которые я был не вправе претендовать, когда речь шла об этой принцессе. Я старался говорить весело:

— На тебе будут панталоны?

— Нет, если их не будет на тебе.

Я сделал вид, что не заметил, как её голос дрогнул при этих словах, причём, мой голос, я был уверен, тоже не был образцом твёрдости.

Глава 28

Эльза

— Ты же не серьёзно?

— И всё же, — сказала Изабель, — я серьёзно.

Она отложила в сторону расчёску.

— Знаешь, что будет, как только Его Светлости станет известно? Он больше всех настаивал на том, чтобы вы с Мэтью провели время в бассейне.

Наш отец был внизу, в зале для собраний, за обсуждением важных вопросов, а я в нашей комнате с сестрой, объясняя своё нежелание купаться голой. Поправочка — купаться голой с кучей народа. Но я не стану — не могу — говорить Изабель, что я очень даже "за" в отношении купания в костюме Евы с Кристианом или, по крайней мере, я надеюсь, что буду "за". От одной лишь мысли о нас голых в одной комнате с ним, мои ноги скрещивались.

— Ты говоришь так, словно это подарок.

Она убрала стильное платье, что одевала на ужин и коктейли, и бросила его на ближайший стул.

— Он должен быть таковым.

При всей её сдержанности на людях, со мной сестра вела себя как угодно, только не скромно, потому как её бюстгальтер и трусики были сняты и присоединились к платью, в её намерении раздобыть что-нибудь новенькое из одежды.

— Ничего страшного не случится, если Его Светлость останется в неведении обо всей ситуации.

Она откопала в своём чемодане подходящие по цвету кружевные чёрные трусики и бюстгальтер и надела их.

— Ты будешь удивлена тем, как быстро здесь распространяется информация.

— Что-то я сомневаюсь, что все будут трезвонить старшим о своём голом пьяном разврате в бассейне, которым им запрещено пользоваться. Я уже молчу о том, чтобы судачить, как маленькие дети, о тех, кто не принял участие. Кстати, — сказала я, легко, но многозначительно, — я весьма удивлена, что ты так хочешь к ним присоединиться.

— Ожидаемо, — она поправила бюстгальтер. — Тебе, правда, надо пойти, Эльза. Сейчас, когда у меня было время подумать, у Мэтью довольно приятная внешность. Подумай, как... удобно это может быть, чтобы заранее рассмотреть то, с чем потом придётся иметь дело.

Я чуть не подавилась от её тонко завуалированного намёка, хоть и ничего не пила. Изабель так давала понять, что голый Мэтт мог соблазнить меня больше, чем в одежде. Я должна была признать, что, несмотря на свою привлекательность, Мэтт мне совсем не нравился, и то, что я увижу его во всём своём голом великолепии, ничего не изменит. Зато вместо этого мне нравится тот человек, который не мог быть моим.

И всё же, обдумывая наше ночное свидание, чуточка мятежной ярости настаивала на том, что Кристиан мог быть моим.

Только не так, как я думала.

Натянуты свитер и плотно прилегающие джинсы.

— Это была бы прекрасная возможность для вас обоих провести больше времени вместе, — продолжала Изабель. — Узнать друг друга, прежде чем неизбежно падёт топор.

Разве не это мне приходилось делать каждый день?

— Ах, да! О чем я думала? — размышляла я, задумчиво постукивая по подбородку. — Групповое купание нагишом — это идеальное время, чтобы действительно узнать друг друга. Пожалуйста, не обижайся, если скажу тебе, что усилия, направленные на исполнение желаний родителей, в деле впутывания меня в фарс вместо отношений, не так уж и важны. И если честно, Изабель. К чему красивое бельё? Ты в любом случае собираешься его снять. Никто не будет оценивать твою одежду, когда вы все будете в бассейне.

— Там будет Кристиан, — сказала она ровным голосом, — и я не хочу, чтобы он думал, что я не всегда выгляжу безупречно. Или что я не... — она громко сглотнула, её лицо выглядело измученным — Пытаюсь.

Я была совершеннейшей сучкой, раз не могла сказать ей, что Кристиана не будет там, как и меня. Его начинание, когда мы наконец попьём вместе горячее какао, будет перенесено на более раннее время, чтобы оставить время под мою безумную просьбу. В полночь мы оба будем на кухне, а не сходить с ума с остальными одиночками.

Хотя, в одном сестра была права. А на мне было симпатичное бельё? Так-так. Я не желала симпатичное. Я хотела сексуальное. А мои трусы и лифчик вообще одного цвета? Когда Изабель повернулась, я заглянула под своё платье. На меня смотрела пара из розового шёлка и кружев, которые, к счастью, совпадали по цвету.

Слава Богу!

Глава 29

Кристиан

— Волчица будет либо трахаться с кем-то или совсем в хлам, чтобы заметить, — сказал Лукас, пока открывал пиво, которое тайком пронёс в нашу комнату. — Так что сегодня можешь не переживать насчёт Принца Само Совершенство.

— Поверь мне, — сказал я сухо, — это последнее, о чём я думаю. Но это всё равно не важно. Меня не будет с вами в бассейне.

Он передал мне одну из бутылок, пиво было некрепким, светлым, но всё равно лучше, чем та моча, которая была у Волчицы.

— Что означает, что ты будешь где-то в другом месте, так?

Да, мать вашу, в другом месте.

— С Паркером?

— Сегодня же была вечеринка для личных секретарей, забыл? Он, скорее всего, на своей раскладушке в отключке, после убойной попойки.

Но Лукас уже сел на своего коня.

— Ладно, братишка. Поговорим с глазу на глаз. Куда это ты сбегашь в темноте ночи?

Я сделал долгий глоток из бутылки.

— Удивительно, что ты заметил. Ты почти и не бываешь здесь.

Он ухмыльнулся, падая в одно из кресел напротив меня.

— Я не Идеальный Принц, — потом он стал цыкать, пока его ухмылка становилась всё шире. — Не уходи от вопроса, Крис. Может, ты хотя бы зажигал с кем-то из девчонок?

Я сделал ещё один глоток и подался вперёд, болтая бутылку между ног.

— Может, ты этим занимаешься, Люк? Зажигашь?

— Если мне приходится быть частью этого фарса, то должен же я получать от этого удовольствие, — он направил своё пиво в мою сторону. — Ты снова изворачиваешься.

Часть меня не хотела ничего ему говорить, потому что это было не его дело. Но также нельзя было, чтобы это вернулось к Волчице, раз Лукас имеет с ней столько же разговоров по душам, сколько и я.

— Хорошо. Я проводил время с кое-кем.

Он хлопнул себя по колену. И выглядел злым.

— А это не та ваттенголдская девица?

Меня, что, и правда, видно насквозь?

— Вообще-то, — медленно сказал я, — да.

— Ты прикалываешься надо мной? Ты, что, спятил? Какого хрена ты стал зажигать с ней?

Я даже опешил от того, сколько отвращения было в его голосе. Я также не мог взять в толк, почему он говорил так, будто я сделал ужасный выбор, когда я уже был в курсе, что ситуация стала слишком запутанной. Да, я ошибся. И теперь я был зол на брата, потому что никто не смел так отзываться об Эльзе в моём присутствии. Никто!

— Прошу прощения?

Он покачал головой.

— Не могу поверить, что ты так быстро сдался Волчице. Разве не ты был тем, кто убеждал меня стоять до конца?

Прежде, чем я успел что-то сказать, он продолжил:

— Я признаю, что правопреемница Ваттенголдии красotka, но, Господи, Крис! Я мог бы поклясться, что ты не хотел иметь с ней ничего общего. Когда вы вместе, ты ведёшь себя так, будто она больна чем-то заразным. И теперь ты зажигаешь с ней? Серьёзно?

Он говорил об Изабель. К счастью, мне не придётся вправлять ему мозги.

— Ты несёшь бред. Когда я вообще дал тебе понять, что интересуюсь этой женщиной?

Он моргнул в смятении.

— Я не зажигаю с Изабель, а если бы и мог, то никогда не стал бы. Если честно, я ни с кем не зажигаю, по крайней мере, не так, как ты себе это представляешь.

Он обмахивал себя рукой.

— Подожди-ка. Ты зажигаешь с её сестрой? С наследницей?

И тут я вспомнил. Я скоро увижу Эльзу голый. Мои штаны стали слишком тесными, отчего мне пришлось сменить позу на кресле. Постоянное возбуждение — не очень-то комфортное состояние.

— Ты не слышал меня сейчас? Нет, я не зажигаю с ней.

Хотя, я бы не отказался. И от этой мысли, мне снова пришлось поёрзать на кресле.

— Давай говорить прямо. Ты сбегаеть посреди ночи, чтобы провести время с женщиной?

Меня бесило то, каким раздражающе запутавшимся он был от этого.

— У неё есть имя, Люк. Эльза.

Теперь его глаза округлились.

— Что вообще значит "проводить время вместе", если не трахаться друг с другом?

Только я собрался ответить ему, как до меня дошло. Действительно, дошло. Это значило, что я был не просто одержим страстью к ней. Я думаю... нет, я знаю... твою же мать! Я влюбился в неё?

Вот дерьмо!

— Потому что, если бы вы, ребят, просто трахались, я бы это понял. Хорошо, ага. Она чертовски сексуальна. Но она такая же, как ты, наследница трона. И твоя будущая золовка. Ты специально пытаешься разозлить Волчицу? Это какая-то игра, чтоб посмотреть, как сильно ты можешь её прижать? Потому что она ни за что на свете не одобрит то, что вы двое, — он нарисовал в воздухе кавычки, — зажигаете. Точно не тогда, когда ты можешь спутать ей все планы.

Может, я всё-таки должен вправить ему мозги.

— Во-первых, что бы ни происходило между мной и Эльзой, это не имеет ничего общего — и я повторяю, ничего — с Волчицей. И во-вторых, мне абсолютно насрать на то, одобрит она мою дружбу с кем-либо или нет, и уж точно наплевать на то, что это может испортить её генплан.

Он поддел:

— Ты сбегаеть посреди ночи, как грёбанный тинэйджер, чтобы позажигать со своим другом?

— Я не сбегаяю. И мы не скрываем тот факт, что знаем друг друга, или проводим время вместе.

— Сидеть на своих скучных встречах — это одно, — он продолжал спор. — Но делать что-то, что вы делаете посреди ночи — другое. Что вы вообще, мать вашу, делаете, Крис?

Самое время для паузы.

— Я не знаю, — я тихо сказал брату. — Правда. Но что бы это ни было, я не хочу это заканчивать.

Он долго пил своё пиво.

— Тебе нравится эта женщина. В смысле, Эльза.

Мой вынужденный смешок прозвучал тихо. Горько:

— Что-то вроде того.

— Ты знаешь, что она чувствует то же самое?

— А это важно? Если учесть то, что, как ты отметил, меня наверняка заставят жениться на её сестре?

— О, да, это важно, — сказал он мягко.

Меня удивило, что он сказал это. И я почувствовал себя паршивым братом, частенько недооценивавшим его.

Я сделал ещё один долгий глоток своего тёплого пива.

— Я не целовал её, — снова горький смешок. — Я влюбился в неё и даже ещё не целовал. Как так, Люк? Я чувствую себя сейчас, прям как, мать его, хренов тинэйджер, Я уже не знаю, что хорошо, а что плохо.

Он не знал, что ещё сказать. И ладно. У меня тоже не осталось слов.

Глава 30

Эльза

Отражение от алебастровых ламп светилось тёплым золотом в прохладной сапфировой воде, а, от по-настоящему позолоченной плитки, разбросанной по всему помещению, эффект был магическим. Большинство наших коллег влюбилось в открытый бассейн, и это было понятно. Он, и вправду, был великолепен. Но этот, что был рядом с теннисными кортами?

Этот бассейн манил меня к себе подобно сирене.

Весь зал был покрыт кобальтовой и золотой мозаикой вдоль мраморных статуй, что вводило меня в сомнение — в Калифорнии я или Древнем Риме? Возникло ощущение зыбкости, слабое и неуверенное, будто одного слова было достаточно, чтобы прогнать его прочь из грёз.

Тихо на цыпочках я дошла до того места, где стоял Кристиан, облокотившись на чёрные перила вдоль края бассейна.

— Это место, — пробормотал он, — и правда переносит в другое время.

Я всматривалась в трамплин перед нами, сверкавший золотой мозаикой с изображениями русалок. Забавно, что он сказал это, учитывая, что этот бассейн — ничто по сравнению с дворцами, в которых мы оба жили. И всё же, он был абсолютно прав.

Мои слова звучали также приглушённо, как и его:

— Очаровывает во всех смыслах.

Он слегка толкнул моё плечо.

— Как жаль, что мы не подумали прихватить сюда какао.

Каждый из нас выпил по две кружки, поэтому теперь каждое произнесённое слово друг другу было сладким, шоколадным. Никогда, я так сильно не была рада горячему какао, как в этот вечер.

— Для членов ККН, — сказала я, — нам нужно поработать над навыками планирования.

Он качнулся назад на пятках.

— Если уж об этом, ты готова к своему начинанию, Эльз?

Нет, подумала я, потому что сейчас, когда у меня было время подумать о том, что нам предстоит делать, я поняла, это была самая плохая из всех моих идей. Но я ни за что не

скажу ему этого.

— Конечно.

Он взял в руки полотенца, свисавшие с перил, и побрёл к дальнему краю бассейна, где в глубину уходила белая платформа. Маленький чёрный затвор были отворён, открывая нам проход, закрытый для очень многих. Я проследовала за ним, прямо до того края бассейна, где мраморные ступеньки уводили в прозрачную синеву. Сбросив с себя обувь, я окунула пальцы ног в воду.

Вода была холодной. Ледяной, если точнее.

— Так что?

Я взглянула на Кристиана, замечая, как в своём тёмно-синем свитере он выглядел так, будто был создан для этого зала.

— Чудесно.

Он самодовольно улыбнулся, притворно содрогаясь. Я тоже чуть не содрогнулась от мысли о том, что мы собирались делать. Только это было скорее не дрожью, а трепетом от предвкушения.

Мы обошли декорированные стены, где бассейн охранялся статуями, прежде чем выйти к гораздо более мелкому алькову и двойной лестнице, поднимавшейся к трамплину. Он показал в сторону.

— Там, в конце, есть раздевалки.

Я махнула рукой перед нами.

— Бассейн ледяной. Ночь холодная. Ты действительно жаждешь пойти в холодную раздевалку и растянуть эту пытку?

Он изобразил шок.

— Ты сказала, что вода чудесная.

Мои руки опустились на бёдра.

— Ты же знаешь, что нам не обязательно делать это.

Я подняла бровь.

Полотенца были скинуты на пол рядом с лестницей.

— Ты ничего не обязана мне доказывать.

— Я не думала, что всё это было для того, чтобы что-то доказывать. Я думала, это просто начинания.

— Тем не менее.

— Считаешь меня скромницей?

Он засмеялся, и, клянусь, в ответ на это вода вокруг нас пошла рябью.

— Чем-чем, а этим словом я вряд ли бы мог тебя назвать.

Я должна бы ужаснуться. Как минимум, смутиться. Но из его уст это звучало как приятный комплимент.

— Я просто упомянул, что тебе не обязательно что-либо кому-либо доказывать, и точно не мне. Если тебе будет некомфортно прыгать нагишом в ледяную воду, тогда тебе наверняка не стоит это делать. Распитие какао позволит нам засчитать эту ночь.

— Это было единственное начинание — твоё. А ККН не разрешает каждому члену новое начинание во время колдовского часа? — я постукивала по подбородку. — Может, это ты сомневаешься, и чтобы сохранить лицо, тебе легче переложить вину на меня?

Хотя, если честно, за всю жизнь я так не нервничала, как сейчас. Мне приходилось стоять перед камерами и толпой, я знала, чего стоят ожидания и корона. При этом, стоя

здесь посреди ночи, слушая пение сверчков — единственный звук, помимо наших голосов — мои колени были угрожающе близки к тому, чтобы затрястись.

— Не думаю, что она хлорированная.

Я оторвала взгляд от мозаики, сверкавшей со дна мелководья в нише рядом с нами, чтобы вернуться к его глазам. И сейчас, в зале появилось другое золотое сокровище — его янтарные глаза мерцали также завораживающе, как огни и свечение вокруг нас.

— Полагаю, это значит, что нам лучше не писать в бассейн.

— Ты часто планируешь писать в бассейнах, Эльз?

Я скинула одну сандалию и швырнула её в него. Он легко увернулся.

— Хорошо, — он хлопнул ладонями. — Не писаем и не глотаем.

Я наморщила нос.

— Ты часто планируешь пить воду из бассейна, Крис?

Он замер, его глаза широко распахнулись, и я, вдруг поняла, что впервые обратилась к нему неполным именем, несмотря на его недавнюю просьбу. И всё же, я почувствовала в этом что-то интимное, естественное и знакомое одновременно.

Крис, Эльз.

Но, когда он оправился, то стащил свой ботинок, чтобы запустить им в меня. Я еле успела увернуться, прежде чем он упал в воду.

— Что ж, теперь ты сделал это, — сказала я, пока он опускался на дно. — Мы должны войти туда, хотя бы, чтобы спасти твой ботинок, — уголок моего рта изогнулся кверху.

Он снова усмехнулся:

— И никакого мелководья. Мы отправимся к глубинам или вернёмся домой с поражением.

Он точно отправится к глубинам.

Какое счастье, что свет здесь был приглушён. Я прочистила горло и указала в сторону трамплина над нами.

— Если мы должны это сделать, мы должны начать оттуда.

Он наклонил голову и изучил его.

— Метра три, наверное.

Я кивнула.

— И бассейн три метра глубиной. Пальцы коснутся дна прежде, чем мы вынырнем.

От задорного огонька всё его лицо преобразилось.

— Такое чувство, будто нам шестнадцать лет, и мы идём наперекор родителям.

В нём разгорался азарт.

— Мы отказались от совершеннолетия на этой неделе, помнишь?

Я хлопнула себя по лбу.

— Точно. Конечно же, — и тогда, не в силах сдержаться, — а ты плавал голым в шестнадцать?

Он закусил губу. Ещё один заманчивый взгляд.

— Вообще-то в пятнадцать. На озере Комо. Мы с Лукасом встретили каких-то местных девчонок и решили так развлечься.

— Развлеклись?

— Нас почти сразу увидели охранники. Вол... — теперь он прочистил горло. Затем последовала горькая ухмылка. — Мать не была рада. К счастью, никто не сфотографировал, и это не дошло до прессы, — он скинул второй ботинок. — А ты?

Я последовала примеру.

— А, вот и настал момент, когда ты узнаешь, что я и в правду скромница: девственница, в плане купания голышом.

Он стягивал свой свитер через голову, открывая вид на белую футболку, обтягивавшую хорошо просматриваемые мускулы.

— Итак, говоришь, что ты, сходящая с ума, двадцативосьмилетняя девственница?

Я оторвала свои глаза от его груди и сконцентрировалась на расстёгивании своей кофты.

— Увы, только в этом.

— Так мы сегодня, и правда, чпокнем твою вишенку?

О, Господи! Мы в холодильнике, а с меня пот льёт ручьём. Я слишком разгорячилась.

— Дерзай или заткнись, ага?

Он схватил за нижний край своей футболки одной рукой и дёрнул вверх. Я лягнула, боясь потерять ту малую часть пристойности, что у меня была:

— И всё равно не подсматриваем.

Он задержал руку с задранной футболкой. Стараться не глазеть на то, что оказалось наиболее совершенным прессом, что я видела на человеке — было, и в самом деле, серьёзным подвигом.

— Как, по-твоему, мы будем подниматься вверх?

— Не так, чтобы с закрытыми глазами или, — Боже всемогущий, я что, веду себя прямо сейчас, как самая настоящая девственница, сходящая с ума? — А, забудь. Пожалуйста, продолжай.

Он продолжил.

И я удивилась, почему я решила, что сегодня холодно.

Он бросил мне одно полотенце, я поймала его до того, как оно упало в воду. Кристиан был неестественно спокоен, даже серьёзен. Я не могла определить, хорошо это или плохо — наши подколы, то ранящие, то в порядке флирта, какими становятся всё чаще, всегда оставляли меня с чувством, будто мы дружим целую вечность, а не несколько дней.

Непосредственно перед тем, как я, как идиотка, просверливала в нём похотливые дыры, Кристиан прошёл к лестнице, дойдя до платформы справа.

— Увидимся внизу?

Я мигом вернулась в реальность, чтобы кивнуть и направиться к лестнице с левой стороны.

Несмотря на свои протесты, Кристиан был джентльменом, в чём я упрекала его в самый первый день. Будучи по другую сторону лестницы, он отвернулся, чтобы я знала, что он не мог видеть того, как я раздевалась. И я сделала то же самое, так как точно не смогла бы преодолеть что-либо сегодня, если всё, что буду делать, это глазеть на его «слишком идеальное» тело. Как только холодный воздух поцеловал мою обнажённую кожу, я обернулась в полотенце.

— Сначала девушки? — крикнул он с другого края.

Я приняла вызов. Я медленно вскарабкалась вверх по лестнице, с каждым шагом по мозаике возвращаясь к спору, не снится ли мне всё это?

Когда я добралась до верха, то увидела повернутого ко мне голой спиной Кристиана, сидевшего у основания лестницы со своей стороны. Был виден намёк на изгиб его ягодиц, и от этого вида меня бросило в жар. Он мог бы быть одной из статуй этого зала, так как

выглядел чересчур живописно.

Кристиан и его чёртова «слишкомость».

Что бы он подумал обо мне, если бы я спустилась к нему и, не торопясь, провела рукой вдоль рельефа его мышц?

— Всё в порядке? — спросил он, наклоняя голову набок так, что я резко прошмыгнула на борт для ныряния. — Хочешь, чтобы я пошёл первым?

Я заверила его, что всё хорошо, сбросила вниз полотенце, и оно упало в дюймах от края воды. И, тогда я прыгнула.

Глава 31

Кристиан

Я был сосредоточен на статуе неподалёку, когда до моих ушей донёсся звук её шагов по лестнице, и я отчаянно старался не напоминать себе, что Эльза была голой. Спасибо, Господи, что вода была холодной как лёд, потому что я был всерьёз обеспокоен тем, что она заметит, как я возбуждён.

Был слышен всплеск, и затем приглушённый крик, за которым последовало сдавленное хихиканье. Как же я хотел, чтобы она дала себе волю и рассмеялась. В смысле, чёрт, мы пробрались в бассейн глухой ночью, и здесь не было ни души. Я заплатил охраннику с его собакой за этот час, или даже больше. Если она хочет смеяться, то не было никаких причин сдерживаться.

Это то начинание, которое мне ужасно хотелось испытать: первый раз, когда она смеялась бы от души в моём присутствии. Хотя, если на чистоту, я боялся, что в тот же день, когда она это сделает, я больше не смогу контролировать себя. Смех Эльзы, пожалуй, был одним из самых эротичных звуков во всей Вселенной.

Будто мне нужно была другая причина, чтобы понять, какая она сексуальная.

— Ты идёшь? — выкрикнула она. Это прозвучало так, будто её зубы тесно сцепились, отчего я сорвался, чтобы нырнуть к ней как можно скорее, и я смог бы согреть её своим телом.

Я точно мазохист.

Я забрался по лестнице, желая, чтобы мой член, наконец, успокоился. Потому что, Эльза была в этом бассейне, голая, и я тоже скоро там буду, и даже если между нами будут тысячи литров воды, мы оба будем впервые голыми вместе.

Я добрался до вершины трамплина и высмотрел её по другую сторону бассейна, висевшей на бортике. Проблески её голой попки мерцали под освещённой лампами водой, когда она смотрела в противоположном направлении, и, какого хрена! Если я думал, что он уже был твёрдым, то, сейчас он не шёл с этим ни в какое сравнение.

Когда я прыгнул, то удивился, как это было иронично — я падал буквально.

Она не шутила насчёт воды. Она была чертовски ледяной. Господи, спасибо. Из моей груди вырвалось ледяное дыхание, когда я выплыл на поверхность, вместе с беснующимися гормонами. Даже если бы весь бассейн был заполнен голыми топ-моделями, у меня всё равно было бы на пол шестого, потому что это было не менее жестоко, чем купание в проруби.

Но затем, Эльза отвернулась от стены и поразила меня своей улыбкой. И, о чудо, мой член вернулся к жизни, потому что, теперь у меня был отличный вид на её грудь под

поверхностью воды.

— Холодно, да?

Холодно, но, очевидно, не достаточно.

Я подплыл к ней, мои зубы клацали, поэтому я не говорил и не делал ничего неразумного. Я оставил необходимое расстояние между нами, когда схватился за бортик.

Она развеселилась. И выглядела так прекрасно, что я еле держал себя в руках.

— И каково это, когда твоя вишенка лопнула? — пожалуйста, Господи, пусть она решит, что мой голос дрогнул из-за холодной воды, а не от того, что её облик так воздействовал на меня. Вопрос, что я только что задал, был глупым, даже дурацким, но мне нужно было сохранить всё так, как было между нами, даже если я свернул за угол и не знал, смогу ли вернуться из-за него после отъезда из Калифорнии.

— Холодно, — и снова это начало смеха, который пропал в тишине бассейна. — И будто я в ванне. В кошмарно ледяной обжигающей холодом ванне.

— Купание голышом не оправдывает ожиданий?

Вода вокруг неё бурлила из-за того, что она болтала ногами под водой.

— Наоборот.

Её глаза встретились с моими, и в свете ламп они были такого же синего цвета, как вода и плитка.

Я растворился в ней, на все сто процентов, и был рад этому.

— А тебе? — спросила она. — Как это в сравнении с озером Комо?

Никогда в жизни я не желал так сильно поцеловать женщину, как в этот момент. Я отморозил себе зад, мы вломились в памятник истории и культуры, и нас даже могут поймать. А всё, чего я желал — это просто схватить её в свои объятия и прижаться к её губам, пока мы оба не забудем о наших титулах, после чего провести бессчётное количество часов, изучая каждый сантиметр её тела.

"Лучше", — я должен был сказать ей. Намного лучше. Самый лучший опыт купания нагишом за всю мою жизнь. Но я сказал:

— Ммм, это было озеро Комо, ты же понимаешь?

Она плеснула в меня водой. Я тут же плеснул в ответ, заслужив от неё эротический вдох.

Чёрти что! Это было сильнее меня.

Я скрылся под водой, позволив ледяной воде вернуть себя в чувства. И затем оттолкнулся от стенки и проплыл до другой стороны, пряча свидетельство своей похотливости в воде, пока не добрался до нужного места.

Я бы отдал почти всё за то, чтобы иметь возможность повернуть время вспять и встретиться с этой женщиной где-либо, только не здесь. Но я не мог. Наше знакомство случилось в самом начале грёбаного КРБ, что автоматически служило погребальным звоном для каких-либо отношений. Плюс Волчица вцепилась мёртвой хваткой в идею замужества на её сестре, а Эльза останется с Мэттом, даже если это приведёт меня в безудержную ярость.

Я убрал мокрые волосы со лба и уставился на потолок. Я не стану жениться на Изабель. Я сойду с ума. Семейные посиделки будут пыткой. Должен же быть какой-то выход. Я не могу встречаться с этой женщиной, а жениться на её чертовой сестре!

Позади меня послышался лёгкий плеск. Эльза присоединилась ко мне на этой стороне бассейна. Оставив между нашими телами крошечное расстояние, потому что когда она болтала ногами, чтобы держаться наплаву, пальцы её ног касались моих ног.

Она говорила. Говорила о... Понятия не имею, о чём. То, что я хотел услышать, потому что говорила она, а любая мелочь, связанная с Эльзой, восхищала меня. Как, например, то, что у неё была пара веснушек чуть ниже ключицы, которые напоминали след от укуса. Они были настолько милыми, что я хотел слегка прикусить их зубами, отчего она бы стала извиваться.

Я делал всё, что мог, лишь бы смотреть ей в глаза, даже когда наши тела приближались всё ближе и ближе, пока расстояние не составило считанные миллиметры. Касание здесь, толчок там, наши руки чаще прижимались друг к другу, чем не прижимались. Я умирал тысячу и две смерти, потому что, мне приходилось отчаянно отдаляться от неё настолько, чтобы она не смогла разглядеть абсолютно синие, в прямом и переносном смысле, яйца, которые только могут быть у мужчины. Но время от времени она смотрела в сторону или закрывала глаза, пока говорила, и мой взгляд спадал по гладкой нежной шее к намёку на её грудь и даже глубже.

Я должен жениться на её сестре.

— Как мы это сделаем? — спросила она меня.

Мой голос проскрипел:

— Сделаем что?

— Выберемся из бассейна? Мы же можем заработать переохлаждение.

У меня была одна очень хорошая идея того, как мы оба могли бы согреться.

Я качнул головой вправо, в сторону мраморных ступеней, ведущих наверх.

— Можешь просто доплыть до края с мелководьем и вылезти там.

Я предложил свою спину, когда она выбрала маршрут через мелководье. Я закрыл глаза и грёб по воде, заставляя себя думать о Волчице, документах, и других мерзких вещах, таких как женитьба на Изабель или, блин, просто то, как я дотрагиваюсь до сестры Эльзы. Я не мог контролировать клацанье зубов, и боялся, что мои губы посинели. Но я переживал, что женщине позади меня ещё хуже, потому что звук её стучащих зубов отзывался эхом по всему залу.

Обняться же можно? По-дружески? Чёрт, один раз я видел, как они с Мэттом обнимались (и, ради всего святого в этом мире, пожалуйста, надеюсь, что это было всего лишь раз), и я почти на все сто процентов уверен, что она ничего к нему не испытывала. Я мог бы обнять её. Согреть до того, как мы вернёмся в главное здание. Узнать, каково это — чувствовать её тело в своих объятиях.

Я подождал, пока она не сказала, что настала моя очередь. Я нырнул на дно, чтобы достать свой ботинок до того, как вернуться назад к выходу, ближайшему к месту, где я оставил своё полотенце и одежду. Эльза отвернулась в сторону, рассматривая статую так, будто она была самой потрясающей вещью в мире.

Возможно ли, что лишь я один чувствовал это?

Я снял полотенце и быстро оделся, потом подошёл к ней, зажав в руке мокрый ботинок. Одежда прилипла к моему телу. Всё, чего я хотел, это дотронуться до неё. Обнять её. Боже... Как же я мечтал об этом!

— Ты в порядке? — мой голос хрипел.

Она кивнула, её спутанные сырые волосы скользили по её плечам, спадая ниже на спину.

— Просто холодно.

Казалось, ей было не просто холодно. Она выглядела ужасно расстроенной.

К чёрту! Я дал волю своему желанию. Бросив ботинок с полотенцем, я притянул её в свои объятия. На какую-то долю секунды её руки были сложены на груди, но потом опустились и обвили меня. И потом она выдохнула. Это был не грустный выдох или выдох смирения. Думаю, она выдохнула от облегчения. От блаженства.

— Спасибо, — прошептала она в мой свитер.

Боже, держать её в руках было изумительно, словно она была создана для того, чтобы я обнимал её, а я — чтобы она обнимала меня. Потребовалось всё моё самообладание на то, чтобы не наклонить голову и не целовать её, пока она не согреется.

— Я знаю, у тебя есть озеро Комо, — пробормотала она, — но каким бы коротким оно ни было, я думаю, что это было самым лучшим знакомством с купанием голышом, какое только может быть у девушки.

Я закрыл глаза, прижимаясь щекой к её виску. Если бы я мог говорить, то сказал бы ей, что сомневаюсь, что смогу снова купаться нагишом, не желая, чтобы это было здесь, с ней.

Глава 32

Эльза

— Нет.

— Прошу прощения?

Я втянула воздуха для уверенности и повторила так чётко, как только можно, когда ужасаешься тому, что кто-то совершает глупую ошибку:

— Нет.

Папа заёрзал в своём кресле, его ладони были сложены домиком у рта, в то время как он рассматривал меня. Из включенного динамика телефона, стоявшего у него на коленях, лаяла моя мать:

— Что она только что сказала?

Мои пальцы сцепились вместе на коленях, чтобы скрыть нараставшую и, угрожавшую разрушить всё мое тело, дрожь.

— Ты просишь меня выйти замуж за кого-то, кого я....

— А, — спокойно прервал меня отец. — Здесь явное недопонимание. Я не прошу, Эльза. Я отдаю распоряжение. Да-да. Здесь, утром нашего последнего, полного дня в Калифорнии, ты выйдешь замуж за Матье. Придётся поторопиться.

Я копнула глубже в свой родник ресурсов, чтобы подсобрать храбрости.

— Я не люблю его.

Голос матери зашипел с того конца провода.

— Не любишь его? — усмехнулась она. — Ты ребёнок или будущий правитель Ваттенголдии? Причём здесь любовь, когда есть долг перед троном и семьёй?

Отец добавил ещё резче:

— Мы с твоей матерью не любим друг друга, зато Ваттенголдия сегодня намного влиятельнее, чем была многие века. Наш долг сохранить всё так, как есть.

Моя мать даже не обиделась на его оценку их отношениям.

— К тому же остаётся работа, чтобы помочь Ваттенголдии продвинуться на сегодняшние мировые рынки. Часть её — получение доли финансов Шамбери. Ты, как никто другой, знаешь, как нам нужен капитал для расширения нашей роли на рынках судовых реестров.

— И чтобы нас стало лучше видно на мировом туристическом рынке, — быстро добавила моя мать.

В другое время мой рот был бы закрыт. Спорить было бесполезно, особенно когда отец заметно напрягся, глаза его сузились, а жилки на шее напряглись. Он был крайне серьёзен насчёт того, что говорил, и из своего опыта я знала, что когда он доходил до этого места в споре, диспут был исчерпан.

Он уже всё решил, как и моя мать.

Как и я.

— Браки по расчёту — устарелое понятие. Многие представители других королевских семей вступают в брак с теми, с кем хотят, не нанося ущерба собственной стране.

— Ты придаёшь слишком большое значение средствам массовой информации, — когда моя мать это говорила, пальцы Его Светлости опустились и стали постукивать по деревянной ручке кресла. — Большинство из этих браков были организованы в рамках переговоров за закрытыми дверями. Политика и необходимость всегда были движущими силами королевских отношений, хочешь ты это признавать или нет.

Злость и отчаяние текли по моим венам.

— У Мэтта даже нет страны...

— Шамбери в четыре раза состоятельнее нас. Их влияние распространяется по всему ЕС. Ваш с Матье союз обеспечит Ваттенголдии доступ к фондам и связям, которых мы никогда не имели раньше.

Отец добавил к объяснениям матери:

— Они также будут способствовать созданию первых технологических инфраструктур в наших судоходных флотах, благодаря чему наши реестры будут самыми востребованными в мире.

— Нам точно не нужны их деньги. Казна Ваттенголдии...

Моя мать перебила:

— С политической точки зрения мы находимся на мизерном счету, чем наши скандинавские коллеги. Я бы хотела, чтобы мы были популярным местом на многих фронтах; судоходные регистры — лишь начало.

Я сбросила свои карты:

— А если я откажусь?

Отец тут же ответил на провокацию.

— Тогда, к сожалению, я сделаю так, чтобы ты никогда не одела корону.

Ярость пронзала мне кровь. Я не могла поверить, что он вообще допускал этот вариант.

— Ваттенголдия является конституционным княжеством! Чтобы исключить меня из цепочки наследования потребуется парламентский акт.

— Как думаешь, с кем именно, я обсудил это накануне Саммита, Эльза? Премьер-министр и правящие фракции Парламента выразили согласие. Ваттенголдия должна делать шаги роста вместе с остальным миром. Ознакомившись с кандидатами, мы пришли к заключению, что Принц Матье и средства семьи Шамбери подойдут лучше всего.

Какой кошмар! Я и понятия не имела, что это могло пойти так далеко.

— По-моему, вы неплохо поладили. Матье... — отец склонил голову набок. — Уникален и не без недостатков, но я верю, что он придёт в соответствие и сделает, что необходимо.

Я выдавила из себя следующий вопрос:

— А Изабель?

— Условия её помолвки уже согласованы.

Меня тошнило. Прошлой ночью я плавала голой с Кристианом, и то время, что мы провели вместе, было самым волшебным и прекрасным опытом за всю мою жизнь. Потом я поплыла в свою комнату, моя ладонь осталась в его руке после тех долгих объятий у бассейна, от которых я ждала поцелуя, который чуть не случился ранее тем днём. Я лежала в кровати рядом с сестрой, мучаясь часами, когда представляла все эти "если" и "что было бы", чтобы хоть как-то облегчить боль от того, что хотела его. Хотя и знала, что в комнате, в которой я жила со своей семьёй, шансы сделать это были равны нулю.

И, вот сегодня я вмиг узнала, что нет никаких "если", и "или", я уже не говорю о недостижимых "может быть". Кристиан и Изабель поженятся.

А я выйду за Мэтта.

Чёрт! Дерьмо! Твою мать! Какого хрена?! Мне не хватало ругательств, чтобы описать то, свои чувства.

— Не думай, что я не заметил, как вы с избранником Изабель проводите вместе время на этой неделе, — от звука его голоса температура в комнате понизилась. — Я рассчитываю, что ты используешь эти отношения для убеждения его в правильности выбора твоей сестры на роль жены.

О да, использую!

— По плану через несколько недель вы с Матье отправитесь в Париж, чтобы выйти на несколько публичных свиданий, чтобы подогреть прессу. После чего он поедет в Ваттенгодию, чтобы официально сопровождать тебя в течение всего следующего месяца, — мамин голос звучал так, словно звонили колокола, предвещавшие приход Чёрной Смерти. — Пресс-секретарь Шамбери уже связался с нашим офисом, тебе не придётся переживать из-за деталей. Просто будь очаровашкой для фоторепортёров и помни, что этот паренёк тебе нравится.

Мне нравится Мэтт, да. Нравится.

А моя сестра выйдет замуж за того, в кого я влюбилась, и я ещё и уговаривать его должна на это.

После того, как отец ушёл, я отправилась на завтрак. Я облачилась в жёлтое платье на пуговицах, нейлоновые чулки, к которым питала отвращение, и ощутимые каблуки. Мои волосы убраны в прямой хвост. Мой макияж едва заметен, но безупречен. Я была идеальным примером современной принцессы, но, в сущности, я была всего лишь управляемым элементом движимого имущества.

Когда я вошла в столовую, то заметила Изабель, сидевшую с Кристианом, Лукасом, Марией-Еленой, Мэттом и его сестрой. Паркера я не видела. Из-за столпотворения, между моей сестрой и её женихом было крайне малое расстояние, и я снова вернулась в прошлое на несколько часов раньше, когда моё тело прижималось к нему, и это был один из самых лучших чёртовых ощущений во всём мире.

Но, скоро, когда мы будем обниматься, мы будем делать это как брат с сестрой. И все мои обнимашки поздними ночами, если они и будут чудесным образом случаться, то будут зарезервированы для мужчины, сидящего напротив Кристиана, ко мне спиной.

Не знаю, почему я была так разочарована. Так разбита. Мы с Кристианом никогда не смогли бы стать чем-то в любом случае, учитывая наши роли для наших стран. Не то, чтобы он бы хотел этого, несмотря на симпатию ко мне; он весьма ясно дал мне понять, что не

интересуется найти себе кого-то на КРБ. Кроме того, это я первой установила границы. *«Оставьте свои предложения, в том числе грязные, для кого-нибудь другого».*

И всё же, сейчас я могла думать только о нём. Я думала, что могу желать только его.

Я попросила официанта яичницу, хотя при мысли о том, чтобы положить её себе в рот, у меня всё в желудке переворачивалось. И тогда я взяла себе сухой тост в надежде, что он успокоит мою тошноту, потому что порядочные принцессы не облёвывают столовые.

Я закрыла глаза и втянула больше воздуха. Я могу сделать это. Я сделаю то, что должна. Я сделаю, что мне велено. Моя жизнь подчинена служению. Традиция кроет эмоции.

Заявляю официально, что потеряла всякую любовь к традициям.

Мне на плечо легла рука. Мои глаза распахнулись, и я увидела Кристиана позади меня с наполовину заполненной тарелкой в руке.

Вне сомнений, как и в моих глазах, в его взгляде читалось множество спутанных эмоций.

— Я не был уверен, что ты спустишься к завтраку.

У меня оставалось двадцать четыре часа в Калифорнии. Что я должна была делать, так это улыбаться любезно, но сдержанно. Распутать все нити, что мы накроили между нами, и идти к Мэтту, никуда не сворачивая. И всё же, когда я посмотрела в янтарные глаза, не раз меня гипнотизировавшие, я поняла, что всё, что я хотела сделать, это провести каждую минуту своих последних часов здесь, с Его Королевским Высочеством, Наследным Великим герцогом Эйболенда Кристианом. Даже если это будет настоящей пыткой.

Даже если мы останемся просто друзьями.

Даже если мы никогда не станем чем-то больше.

— Его Светлость вызвал на разговор, — пробубнила я. Через его плечо я украдкой взглянула на сестру — её брови были сведены вместе, когда она рассматривала нас. Лукас тоже наблюдал за нами, но более задумчиво. К счастью, мне показалось, что Мэтт и его сестра не заметили моего появления. — Поэтому я задержалась.

По просьбе официант подложил ветчину на тарелку Кристиана, при том что там ещё был недоеденный кусок.

— Всё в порядке?

Моя жалкая попытка рассмеяться была больше похожа на бульканье:

— Мы говорили о короне.

Он медленно положил тарелку. Тихо выдохнул:

— У меня самого был точно такой же разговор этим утром.

Я хотела швырнуть фарфор, что был у меня в руках, об стену и смотреть, как он разбивается на тысячу удовлетворяющих меня осколков.

Кристиан не мог обернуться и посмотреть на стол, который покинул, когда сказал:

— У нас есть час или около того до следующей встречи. Давай прогуляемся. Подышим свежим воздухом. Если ты не хочешь сесть и поесть.

Нисколько не колеблясь, я передала свою тарелку первому, проходящему мимо, помощнику официанта. И потом, ни слова не говоря, мы вышли через ворота.

Несколько минут спустя мы блуждали по, выложенному плиткой, дворику за самым большим гостевым домом. За тем, что с двумя фонтанами. Прохладный свежий воздух умиротворял, шёпот ветра сквозь пальмы и дубы, а также пение птиц, были единственными звуками, что осмеливались нарушить хрупкую тишину.

Я долго смотрела на первый фонтан, пока мы проходили мимо него. На вершине

мрамора стояла золотая девушка, нюхавшая розу. Второй фонтан был немного другим — девушка наклонилась, чтобы поцеловать лягушку, сидевшую на её ладони.

Знаю я эту сказку. К сожалению, конец моей истории будет не таким счастливым.

Кристиан указал на лавочку, вырезанную в стене, обращённую лицом к той принцессе, с её лягушкой-принцем. Место, что он оставил между нами, когда мы сели, было мизерным по сравнению с тем, что было между ним и моей сестрой десять минут назад.

— Итак.

Я сказала также тихо, как он:

— Итак.

Но он не хотел обсуждать свой разговор с его матерью, как и я — распоряжение моих родителей. Вместо этого он спросил, и его губы слегка изогнулись в озорной улыбке:

— Ты оправилась?

Что? Может, я ошиблась?

— Э...

— От холода, — уточнил он. — Ты плавала в холодном бассейне посреди ночи. Я потом беспокоился о тебе.

Признательность за то, что он старался вернуть разговору нормальность, насколько возможно, сняла напряжение с моего лица.

— Должно быть, я прижалась слишком близко к сестре, чтобы согреться, из-за чего она со всей силы отпихнула меня на мою сторону кровати и сообщила, что вместо ног у меня ледышки.

Он засмеялся, таким сочным, тёплым, медовым смехом, отчего в моём сознании возникла картина, как он сам в кровати моей сестры проходит через тот же порядок действий.

Ужасно представлять всё это.

— Мне повезло, что не приходится спать с Лукасом в одной кровати. Кто-то из нас или мы оба, скорее всего, просыпались бы с подбитым глазом или больной спиной после сна на полу.

— Я не ожидала увидеть его сегодня с утра, — признала я. — Кажется, что он более неуловим, чем кажется.

Хитрая ухмылка была брошена в мою сторону.

— Люк пришёл ещё позднее меня и выглядел так, будто был на вечеринке века.

— А! Как интересно! Как думаешь, с кем он резвился в столь поздний час на той вечеринке?

— Думаю, лучше вопрос построить так: с кем он там не резвился?

— Со мной, — я широко улыбнулась. — И с тобой. Мы резвились на весьма эксклюзивной вечеринке только для двоих.

— Это то, что мы делали? Мы резвились?

По-моему, мы влюблялись. И это было замечательно, печально, трагично, прекрасно! Или, по крайней мере, я точно влюблялась.

— Конечно. Мы с тобой в этом специалисты.

Его взгляд сверкнул сладко-горестным огоньком.

— Я думал, что наша фишка — безумствовать.

— И это тоже, — я нежно дотронулась до тыльной стороны его ладони. — Мы безумствуем и резвимся.

Та улыбка смягчилась на его лице.

— Правда, только друг с другом. Мы резвимся лучше, когда это только мы.

— Может, тогда заключим сделку? Поклянёмся друг другу, что когда придёт время резвиться, мы будем делать это только вместе? — мои слова звучали легко, как и тон моего голоса, но часть меня разрывалась на осколки от осознания, что я в шутку просила о том, что уже никогда не случится.

Когда он подсел ближе ко мне, на его лице проступила серьёзность, теперь мы касались друг друга коленями. Он пленил меня своим взглядом, не двигаясь и прижимаясь своей ногой к моей.

— Это то обещание, которое я могу дать с лёгкостью.

Я была так же неподвижна, как золотая принцесса перед нами, когда он медленно и нежно убрал мне за уши пряди непослушных волос, только что сбжавших из моего хвоста. Прикосновение его пальцев — легкое как бриз — привело меня в жар и отчаяние.

— Тогда, пожмём руки? — прошептала я.

Мышцы в моей груди застыли, когда он качнул головой. После чего он посмотрел на меня так, будто разбирал меня на атомы, оставляя меня поверженной и уязвимой.

Но потом он подался вперёд, глядя губами сначала один уголок моего рта, а затем другой.

— Все самые лучшие соглашения, — пробормотал он, и его слова были такими же мягкими, как губы, — скрепляются поцелуем.

Во мне ничего не осталось, кроме оголённых нервных окончаний, когда я повторила его обещание. Мои губы горели, сердце громко стучало, и слёзы скапливались в моих закрытых глазах.

— Вот и моё обещание.

Он поднял свою голову, прикладывая губами к моему виску, прежде чем прислонить свой лоб к моему.

— Я истребую его с тебя, Эльз.

Глава 33

Кристиан

Я должен сконцентрироваться на том, что обсуждалось, но это было невозможно. Они говорили о... чёрт, наверное, о роли современных монархов в конституционных правительствах, что, в общем-то, мне был крайне интересно. По этому поводу у меня была куча доводов, но моё внимание было рассеяно. Как и всю неделю.

За пятнадцать минут, до того, как я спустился к завтраку, Волчица отвела меня в сторону и сказала:

— Всё решено официально, Кристиан. Ты женишься на ваттенголдской девчонке.

На одну маленькую, идиотскую, но всё же восхитительную секунду, я подумал, что она говорила о той, с кем я проводил здесь все ночи напролёт. Но потом вторглась реальность. Не Эльза. Никогда это не будет Эльза.

Она имела в виду Изабель.

Я был так взбешён, что сказал ей, что ни за что не женюсь на этой женщине. На что Волчица сообщила мне таким ледяным тоном, какого я ещё не слышал, что, на определённых условиях, вне всяких сомнений я женюсь. Те условия включали будущее

Паркера, Лукаса, даже моего отца. Как она оставит их без гроша в кармане или изгонит, в случае с моим секретарём.

В конце я не мог пошевелиться, потому что мне совершенно нечего было сказать, чтобы изменить мнение Волчицы. Так что я обложил её матом, отчего она просто рассмеялась мне в лицо.

— Сегодня я встречаюсь с Принцем Густавом, — продолжила она, словно не она только что подвела меня к черте своим шантажом. — Мы уже продумали большую часть деталей, но сейчас ты должен начать публично ухаживать за девчонкой и в течение года довести дело до кульминации в виде помолвки, — победная ухмылка овладела её истощённым лицом. — Иди на уступку, Кристиан. До Рождества тебе придётся отрастить пару яиц и сделать то, в чём нуждается Эйболенд.

Я сказал ей:

— Да пошла ты!

Её глаза расширились.

Поэтому я поправился:

— Да пошли вы, Ваше Высочество!

В ответ на это, она смачно хлестнула меня. Просто отвела назад свою костлявую руку и ударила меня так сильно, что мои зубы задребезжали, и я увидел звезды. А потом она снова замахнулась рукой, но я схватил её раньше, чем она коснулась моего лица.

— Ударись меня ещё раз, — сказал я ей, — и я, вероятно, забуду, что я твой сын.

И вот, я присутствую на ещё одной встрече и мне интересно, не посинела ли моя щека. Серьёзно, как чертовски унижительно это было бы? Потому что, люди моего возраста и статуса обычно не получают пощёчины от своих матерей. Но, что ещё хуже, мне интересно, как я смогу жениться на сестре единственной женщины, когда-либо завладевавшей моими мыслями, и как я смогу остаться в стороне и смотреть на то, как она выходит замуж за человека, которого я называл другом.

Я знал её все эти четыре дня. Потребовалось всего четыре дня, чтобы втюриться, после многих лет, когда я даже не был близок к этому.

После встречи, Паркер вводил меня в курс моего расписания. Он методично прошёлся по моему маршруту до конца дня и затем следующих двух дней после отъезда из Калифорнии, но моё внимание рассеивалось так же быстро, как с Великой Герцогиней Люксембурга часом ранее.

Он завёл разговор о ремонте больницы, которую я должен посетить в Норслоу, когда я сказал:

— Сегодня Волчица утвердила официальный приказ.

Паркер тут же смолк. Несколько раз открыл и закрыл рот, прежде чем сказать:

— Будет ли новой наследной Великой Герцогиней Эйболенда принцесса Ваттенгольди Изабель?

Я не мог этого признать. И не стал.

Я сообщил ему, что мне нужно прогуляться. Он собрался последовать за мной, но я заверил его, что помощник мне сейчас не нужен.

Мне нужно было ко всем чертям убираться отсюда.

— Ты сегодня молчалива, как никогда.

Было ветрено — не ураган, но дуло достаточно, чтобы мой хвостик растрепался и уже не был таким, как с утра. Я убрала назад пряди, цеплявшиеся к ресницам, перед тем как посмотреть на Мэтта.

— Мои извинения.

Его глаза, спрятанные за тёмным пластиком солнцезащитных очков, было невозможно разобрать.

— Могу я предположить, что это из-за разговора с отцом?

Я отвела взгляд, вернув его обратно к Трём Грациям, которых мы рассматривали последние несколько минут, и я надеялась, что они помогут мне найти нужные слова, чтобы тактично решить эту ситуацию.

— Надеюсь, мы сможем что-нибудь придумать, — сказал он, не дожидаясь моего ответа.

Внутри меня вспыхнуло раздражение, окрасившее мне щеки и шею в красный цвет. Его слова, его тон звучали так смиренно, хоть и горько. Почему он не бунтует?

— Я думала, ты не фанат КРБ.

— Поверь мне, это так. Но, как оказалось, ни у тебя, ни у меня нет права голоса в этом вопросе.

Я повернулась к нему лицом, злость вырывалась через моё горло и прямым из рта наружу:

— Ты хочешь жениться на мне? Это то, чего ты хочешь?

Он ответил не сразу:

— Что хочу я, не имеет значения, — даже сейчас он нерешительно протянул руку, чтобы благополучно приземлить её мне на руку или плечо, но я отступила.

— Что ты мне не договариваешь, Мэтт? Я знаю, что ты не можешь этого хотеть. Каждый раз, когда мы общались, становилось ясно, что тебя также страшит эта ситуация, как и меня.

Его челюсти сжались, но он ничего не сказал.

— И так-то плохо, что мы оказались в такой хреновой ситуации, — продолжала я, — но ощущать, что ты что-то утаиваешь от меня, просто сводит с ума!

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Теперь он произносил слова с пылом:

— Забавно, но и я не могу заявлять, что ты предельно откровенна.

— Я ничего не скрываю. Я не хочу выходить замуж за тебя. Вот. Теперь я сказала это. Может, и ты сделаешь то же самое?

Он задёргался от безысходности, но вновь, всю горечь и секреты он сдерживал в себе. Целую минуту мы продолжали конфронтацию, пока я не поняла, что он не отступится.

Размышляя, я сказала:

— А здесь и правда очень красиво, не так ли? В смысле береговые линии.

Он выглядел настороженно.

— Да, весьма.

— Ваттенголдия — тоже живописна, только иначе, чем здесь, — я тёрла кончиком туфли по окрашенной плитке. — У нас более строгая красота, — я ненадолго обернулась на него; его руки были в карманах, когда он покачивался на пятках взад и вперёд. — Ты когда-

нибудь бывал так далеко на севере?

В его ответе чувствовалось напряжение.

— Не имел такого удовольствия.

— Зимы холодные. Дни длинные. — Моя улыбка была сильно натянутой. — Люди упрямые.

— Прямо как их принцесса. В смысле, упрямые.

Очевидно, не такие упрямые.

— Это крошечная страна, — теперь я перешла к делу. — Одно из самых маленьких микросоударств в мире. Да мы вообще не существуем, если посмотреть на глобус.

— Крошечная страна лучше, чем вообще нет страны, согласна?

От враждебности в его словах я сделал шаг назад. И тогда, словно я медленно просыпалась, я поняла, почему семья Мэтта была так заинтересована в этом союзе со мной.

Земля есть земля, трон есть трон. Это были те вещи, в которых Шамбери было отказано сотни лет, когда их маленькая страна была целиком проглочена двумя большими государствами, и они были свергнуты.

У них есть деньги, у нас есть земля.

Как романтично.

Как традиционно.

Глава 35

Эльза

Наш последний ужин в Калифорнии был подобен кошмару. Все были рассажены так, чтобы отразить создание новых союзов между семьями, а весь внутренний дворик, окружавший бассейн Нептуна, был забит мрачными, убитыми наследниками, чьи жизни сейчас были ничем иным, как разменными монетами.

Наш длинный участок стола представлял три семейства: моё, Мэтта и Кристиана. Изабель была тихой, но напряженной, когда тыкала в свою еду. Мэтт был таким же пассивно агрессивным, как и я. Лукаса заставили обедать с королевичами из Испании за соседним столом; и он, и девушка, с которой он сидел, выглядели так, будто готовились к расстрелу. Кристиан снова превратился в робота, со всеми его манерами и учтивостью, хоть и ни одно, произнесённое им слово, не несло в себе свойственной ему теплоты.

Зато наши родители! Воодушевлённые, в отличном настроении. И почему бы им не быть такими, раз они обеспечили желаемые политические выгоды, устроив будущее своих взрослых детей?

И вот я танцую с Мэттом под звёздами, стараясь на съёживаться, когда его рука сжимает мою. Я хотела почувствовать что-нибудь к нему, что-нибудь, но ничего не было. Никаких бабочек. Никакого трепета. Никакого волнения, замирания, или приятного покалывания внизу живота.

Ничего, кроме злости и негодования.

— Ты почти ничего не съела.

Его попытки вежливости раздражали мои оголённые нервы.

— Боюсь, что после съеденного днём за чаем печенья у меня почти пропал аппетит.

Я больше почувствовала, чем услышала, как он вздохнул:

— До сегодняшнего дня я думал, что мы становимся друзьями, или, как минимум,

знакомыми. Некоторые здесь не могут рассчитывать и на это.

Теперь я чувствовала себя паршиво, потому что он сказал это так, будто сам был жутко подавлен от всего этого. Я была несправедлива к нему: всё-таки, это была не его идея. Он такая же пешка, как я. И всё же, я ерничала:

— Друзья. Точно.

— Лучше, чем незнакомцы.

Я посмотрела ему прямо в глаза. Во многих смыслах этот человек, чьи глаза выражали так много грусти, по-прежнему был мне незнакомцем. Хотя мы и общались с ним неделю, у меня не было ощущения, что я его знаю. Я не имела никакого представления о том, чем он живёт или, хотя бы, какой кофе он пьёт.

— Полагаю, мы ими и являемся, — нехотя допустила я.

— Поверь мне, я хорошо осведомлён о том, как ты относишься к браку со мной. В конце концов, так мы и встретились, помнишь? Мы вместе присоединились к отряду мятежников...

Я оборвала его:

— Этим мы друг другу не помогли.

— Что я пытаюсь сказать, так это то, что могло быть и хуже. Мы оба могли бы... оказаться в паре с людьми, с которыми даже не могли бы разговаривать, — он с усилием сглотнул.

Я оценила его иронию. Не я ли много раз сетовала на то, что мне не хватало партнера, с которым можно было хотя бы поговорить?

— Я не собираюсь лгать и заявлять, что без ума влюблён в тебя, Эльза. Веришь или нет, я очень уважаю тебя за это. Я знаю, что ты тоже не влюблена в меня. Но, учитывая ситуацию, в которой мы оказались, я бы предпочёл, всё же, сделать всё цивилизованно. Как думаешь, ты сможешь?

Я так сильно разозлилась.

— Ты когда-нибудь влюблялся?

Его взгляд улетучился, но я успела заметить перемену.

— Да.

В этом слове слышалось тихое отчаяние, окрашенное меланхолическим сожалением. И я не могла не задаться вопросом, кто этот человек, и почему я почти физически ощущала его горе.

— И до сих пор?

Без каких — либо колебаний он проигнорировал мой вопрос и спросил:

— А ты?

Я удержала в фокусе Мэтта, а не того, кто был где-то за его спиной, где, как я знала, моя сестра танцевала с её будущим женихом.

— Да.

И это было болезненной правдой, если даже это и было так, потому что я знала мужчину, державшего мою сестру в своих руках, меньше недели. То же самое время, что я знала Мэтта.

Хренова Шарлотта, всё-таки права.

Песня закончилась, и Мэтт отпустил меня, но только для того, чтобы положить свою ладонь мне на поясницу и довести меня до бассейна. Но, не успев туда дойти, Изабель с Кристианом встретились на пути, и у меня свело желудок при виде розового румянца на её

щеках.

И тогда Кристиан спросил, может ли он рассчитывать на следующий танец со мной. И, словно полная мазохистка, я сказала "да".

Глава 36

Кристиан

Изабель снова трещала про лошадей. Такое меня ждёт будущее? Жизнь, которая вращается вокруг кобыл?

Ужин был адом. Просто самая паршивая трапеза из всех, что у меня когда-либо была. Волчица всё это время злорадствовала: каждый намеренно брошенный в мою сторону взгляд был ещё одной метафорической пощёчиной мне по лицу.

Я не хотел доставлять ей такого удовольствия хоть каким-то признаком реакции, хотя мои ладони сжимались под столом в кулаки. Ужасно желать ударить собственную мать, но ярость и отчаяние брали надо мной верх в течение всего ужина.

После этого мне пришлось танцевать с Изабель. И она снова болтала об этих грёбаных лошадях, пока мне не захотелось сказать ей "да проваливай уже"! Совсем не помогало то, что в каких-то метрах шести от меня Эльза танцевала с Мэттом, и его чёртовы руки обвивали её. Эльза была такой несчастной, хотя, я мог сказать наверняка, она всю старалась казаться спокойной и полной самообладания.

Поэтому, когда песня закончилась, и я, наконец, смог отделаться от Изабель, я попросил её сестру о танце, хоть это и была ужасная идея. Потому что, когда я смотрел на неё сейчас, и наши тела качались вместе под песню о неразделённой любви, я подумал о том, как я собираюсь прожить всю жизнь, ни разу её не поцеловав? По-настоящему, чтобы я запомнил её губы, а она — мои. И я никогда не займусь с ней любовью? Не трахом, не сексом..., а чем-то наполненным смыслом. И никогда не проснусь утром рядом с ней? И не испытаю каких-то простых вещей или необычных, из тех, что я хотел бы делать с ней? Для неё?

— Как думаешь, можно нам уйти с этой вечеринки, прямиком к дороге и исчезнуть до того, как кто-нибудь решит, что что-то не так? — спросила она меня. Не без улыбки.

Я тихо промычал:

— Не искушай меня.

— Во сколько ты завтра вылетаешь?

Не так уж и скоро, но всё же слишком скоро.

— В восемь утра, а ты?

— В пять тридцать утра. Мой отец точно спятил. Мы полетим в аэропорт Лос-Анжелеса вместе с Лихтенштейном, а он, по-видимому, жаворонок.

Мелкие шевеления ненавистной паники сжали мышцы в моей груди. Это всего через восемь часов. Осталось всего восемь часов до того, как Эльза сядет на самолёт и улетит от меня.

— Из достоверного источника мне известно, — продолжила она, — на кухне есть пирог, что-то традиционное для этого региона, присланный из местного городишка, но считающийся слишком деревенским для этого вечера.

— Ты являешься агентом секретной информационной пироговой сети, Эльз?

Она улыбнулась, и это подействовало на меня сильнее, чем рука матери этим утром.

— Естественно. Это то, что я хочу на сегодняшний вечер: мы должны его попробовать, пока не уедем. В конце концов, разве не пирог является квинтэссенцией американского образа жизни?

— Думаю, это особенный яблочный пирог с настоящим вкусом американской жизни.

Она пробубнила:

— Ха-ха.

Я продолжил, смущаясь:

— Сомневаюсь, что местный пирог, про который ты слышала, яблочный. Как чудесно!

Мы имеем дело с пирогом-загадкой.

Она нежно прижалась ко мне, словно толкаясь. И я засмеялся, потому что, то весёлое разочарование, что она мне продемонстрировала, было таким очаровательным.

— Ты в игре?

— Чем сулит собой эта миссия с пирогом? Стоит ли мне одеться во всё чёрное?

— Тем, что надо пробраться на кухню, конечно. Но это старомодно для нас с тобой. Мы съедим столько пирога, сколько сможем, лишь бы потом не стошнило, — уголки её губ лукаво вздёрнулись вверх. — Если ты не следишь за своей женской — простите — мужской фигурой.

Я сделал вид, что возмущился.

— Держу пари, что смогу и тебя съесть под столом.

Чёрт, её улыбка восхитительна.

— Если я присоединюсь к тебе ради этой миссии, мне можно будет примкнуть к ИПС?

Она издала что-то отдалённо напоминающее смех, и я почувствовал, как это лёгкое дыхание прошло свой путь к моим костям, и штанам.

— ИПС, в смысле информационная пироговая сеть? Конечно! Ты получишь все преимущества, которые доступны постоянным членам, включая возможность съесть самый вкусный пирог на планете.

Я бы хотел съесть её.

— Охранник уже не слабо заработал за мой счёт на этой неделе, не так ли? Придётся заплатить ему за ещё один визит, — сказал я ей.

Она покрылась румянцем, и мои штаны стали ещё более тесными. К тому моменту, когда песня была допета, я был так сильно возбуждён, и было чудом то, что я вообще мог ходить.

Глава 37

Эльза

И вот, мы одни в просторной кухне, стоим, прислонившись к одному из стальных шкафов. Кристиан поставил старинные фонари для освещения места, где мы стали больше, чем просто незнакомцами: мягкое свечение придавало помещению неясную, волшебную атмосферу.

— Как вы их называете? — я ткнула вилкой в ягоды на моей тарелке, высыпавшиеся из куска пирога.

Он был прав. Мы нигде не смогли найти ни единого кусочка яблочного пирога.

Кристиан поднял отворот коробки из-под пирога и развернул ко мне.

— Олалеберри.

— Это реальное слово?

Он засмеялся, и я возмутилась от этого звука. Это был потрясающий, сочный, сексуальный и несправедливый звук по отношению к любой из женщин, включая меня. Я не знала, смогу ли когда-нибудь противостоять Кристиану и всей его прекрасной, захватывающей «слишкомости».

— Оно здесь, на коробке, — говорил он, — поэтому, думаю, да.

Я перевела взгляд ниже, на пирог, потому что ничего хорошего не выйдет из заикливости на идеальном смехе Кристиана, а также на том, как бы не приблизиться к теплу, исходившему от его сильного стройного тела. Или о том, как мысли о нём и моей сестре, тусующимися на кухне в три часа ночи, поедающими сладости, вынуждали меня хотеть разбить все тарелки, что попадутся под руки.

— Кто угодно может придумать слово, — я сунула в рот большую ложку пирога. — Фарфлегл.

В то время как в моём сознании проносились противные образы, я была рада, что Кристиан был слишком занят, отрезая себе ещё один кусок пирога, чтобы заметить мои пылающие щеки.

— Прости?

Я сглотнула и сделала глубокий вдох, желая просто обмахнуться веером.

— Фарфлегл. Я придумала это слово. Видишь? Не сложно.

От этих слов уголки его губ изогнулись кверху, и было так нелепо то, насколько привлекательным он казался мне сейчас: его лёгкость, изящество и очарование, пока он запихивал в себя полный рот пирога посреди ночи на пустой кухне.

Почему я общалась с ним всю эту неделю? Почему именно ему пришлось быть таким чертовски замечательным и запросто возникающим рядом, моим собственным реальным Прекрасным Принцем?

Серебряная вилка, нагруженная сочными ягодами и слоёным тестом, указывала на меня:

— И что оно значит?

— Оно не обязательно должно что-то значить. Оно выдуманно. Я об этом.

Он медленно жевал свой кусок, пока обдумывал это, и я подавила желание дотронуться до его губ. Он немного испачкал свой рот ягодным соком, а я была так слаба в тот момент, чтобы отрицать то, что не хотела бы больше ничего, только бы слизать его.

Я несколько не сомневалась в том, что те счастливицы, кому довелось почувствовать на себе эти потрясающие губы, теряли ощущение времени, или падали в обморок, или им казалось, что они летят или что-то ещё из тех банальных описаний, о которых люди читают в книгах, потому что этот рот обещал очень-очень многое.

Думаю, что буду ненавидеть сестру за все те поцелуи, что этот мужчина подарит ей.

— Но дело в том, — говорил он, заставляя меня смотреть на его глаза, а не на рот, — олалеберри что-то значит. Это такая ягода. И её существование гарантировано словарём.

Я мечтала о поцелуе. Он думал об этимологии, что хорошо. Кто-то же должен оставаться серьёзным в отношении нашей миссии.

Пока я опять откусывала от пирога, я искала лучшее определение для такого восхитительно глупого слова. И я его нашла. Фарфлегл: существительное, означающее принцессу, чьи панталоны сами собой спадают каждый раз, когда один принц Эйболенда смотрит на неё.

Но ему я сказала:

— Фарфлегл: существительное, означающее принца, увлекающегося секретными организациями.

Его абсурдно очаровательная улыбка вернулась, и теперь я не просто шалила: я разгорячилась, я изнывала и снова сфокусировалась на его губах.

— Так ты говоришь, что я фарфлегл?

Нет. Это я. Я надеюсь, что моя улыбка мила.

— Не стоит благодарности.

После его ошеломленного взгляда я больше не могла сдерживаться. Весь тот смех, который он ждал от меня эти несколько дней, теперь бил из меня ключом, как шипучее шампанское после тряски перед открытием.

Я смеялась. Хохоча, заливаясь, от всей души. До боли в боках. Мама бы пришла в ужас.

Улыбка Кристиана медленно угасала, пока он пристально смотрел на меня, словно я была незнакомкой, которая вломилась на кухню и украла его пирог.

Неужели мама действительно была права? Такое поведение смотрелось дёшево? Всё моё легкомыслие рассеялось в неловкость и ещё один, чересчур большой, откус от пирога с олалеберри.

Его грудь медленно вздымалась и опускалась, а его внимание вводило в замешательство. Потому что он не просто смотрел на меня — он смотрел на меня, и я понятия не имела, что это значило. Уже не в первый раз, когда он выглядел так многозначительно, но даже сейчас, спустя неделю после того, как я окунулась в Кристиана с головой, я не могла расшифровать его взгляд.

Все это, естественно, означало, что я должна запихнуть себе в рот новый кусок пирога, тщетно пытаясь игнорировать желание делать своими губами что-то другое.

После того как прошла как будто целая вечность и две недели для чётности, он пробубнил:

— Несправедливо так смеяться.

Я попыталась не подавиться от того, как кусочек пирога, только что так быстро засунутый, пробивал себе путь вниз по моему горлу:

— Прости, если обидела тебя, Крис.

Он покачал головой, пренебрежительно подняв руку.

— Нет. Не так.

Я старалась казаться невозмутимой. Подавить обиду, рождённую его неприятием.

— Ты не говорил мне, что хочешь сделать впервые этой ночью.

Я ужаснулась тому, когда он напрягся. Даже сильнее, когда он отступил от блестящего металлического шкафа, внезапно забыв про свой пирог и вилку.

— Мне нужно идти.

Прежде чем я смогла что-то сформулировать в ответ, он двинулся к двери. Что только что произошло? Мы ели пирог, шутили, и я засмеялась, что, как он мне говорил, он и хотел услышать, но теперь он считает, что должен уйти?

Может, он осознал, что мои чувства к нему поменялись так сильно, что уже не могу их контролировать?

Я не хотела, чтобы он уходил. Не сейчас. Не тогда, когда наше время было так ограничено. Через два часа я буду на самолёте, и в следующий раз я увижу его, должно быть, на его свадьбе.

Как только он дошёл до двери, Кристиан остановился. Его ладонь сильно вмазала по деревянной дверной раме, и этот звук разнёсся по тихой кухне.

Я захотела исчезнуть, когда мой голос, назвавший его имя, дрогнул.

И тогда Кристиан прошёлся через всю кухню, обратно ко мне, в его глазах одновременно были решительность, извинение и пыл, и я, если честно, понятия не имела, что делать. Или сказать. Я не могла разобрать, то ли он рассержен, то ли дурачит меня, то ли ещё какой вариант эмоций, и это было... неестественно. Причём до нашего первого дня всё было естественным. Поэтому это было неприемлемо.

Но тут он поцеловал меня.

Наконец-то.

Глава 38

Кристиан

Её смех стал моим похоронным звоном. Вернее, не обязательно моим похоронным звоном, но звоном для всех моих грёбанных способов защиты и сопротивления, которыми я пытался защищаться от Эльзы и её чар все последние несколько дней. Её смех был подарком, таким тёплым, игривым, прекрасным, и он прорвался сквозь меня, захватывая каждую клетку, пока единственным моим чувством не стала радость.

Мне нравилась эта принцесса. Очень сильно нравилась. Но больше этого я боялся того, что влюбился в неё. И это совершенно убивало меня. Нас обоих назначили на брак с людьми, которых мы не любили. По сути, сегодня.

Хватит уже всеми силами пытаться убедить себя в том, что я ничего не испытываю к Эльзе или что то, что я чувствую, ничто иное, как дружба или просто похоть. Мне не нужна была лишь её дружба. Я хотел её. Поэтому мы здесь, и мои губы впервые касались её губ и, о боже всемогущий, она была необычайно вкусной: пикантно кисло-сладкой, как эти ягоды. Но и она была чем-то большим. Я приложил ладонь к её затылку, перенося другую ладонь на её поясницу, так, чтобы притянуть её ближе, и, слава всему святому в этом мире, она охотно поддалась, а сила её поцелуя не уступала моей.

Это самое пьянящее чувство во всём долбаном мире!

Мы целовались, ударяясь носами, подобно школьникам, пробуящим это впервые, но это были не только мои губы на её губах. Я не мог это объяснить, но моё сердце так быстро колотилось, быстрее, чем когда-либо во время моего поцелуя с женщиной.

У меня мгновенно встал. Эта женщина, вне зависимости от того, что она делала, возбуждала меня, как никто.

— Вот моё начинание, — пробормотала она в мой рот. — Это то, что я всю неделю хотела сделать впервые.

Если во мне и осталась какая-то сдержанность, то она поборола быструю капитуляцию с кухни, когда её пальцы впились мне в рубашку, после чего она могла притянуть меня ближе к себе. Я издал стон, она тоже, и от этих звуков я стал прижимать её к шкафу, пока не испугался того, что кончу прямо в штаны, как какой-нибудь засранец в свой первый раз. Мать твою, я весь горел: со стояком в штанах я пылал, изнывал и желал только того, чтобы снять с её тела одежду, и чтобы она сделала то же самое со мной, а потом скинуть пирог со стола, чтобы самому забраться с ней на него и, не торопясь, изучать каждый дюйм её тела.

Теперь мы совсем обезумели, смакуя и глядя друг друга языками, стягивая рубашки и

свитера, выискивая губами шеи и ключицы, и я клянусь, что земля под нами полностью исчезла, и я был воплощением одного из тех клише, которое вечно высмеивал, потому что я, мать твою, парил в воздухе.

Мне нужно быть в ней. Сейчас же.

Она расстегнула мой ремень, потянула ширинку. Я еле сдерживался, когда она положила на него руку.

Именно тогда, когда я расстёгивал её лифчик, поблизости что-то громко бабахнуло.

Мы резко отстранились друг от друга, наши ноги вернулись на землю. Это была горничная, она пялилась на нас, а её рот был в шоке открыт.

Твою ж мать!

Эльза схватила свою рубашку и повернулась спиной, натягивая её.

Женщина сделала реверанс, оставив небольшой поднос, который она уронила на пол, там, где он приземлился.

— Извините за то, что помешала, Ваше эм... Высочество. Я не знала, что кухня... кому-то нужна. Я... могу... Я просто зашла за... Но я могу... Я просто оставлю вас двоих... чтобы... э...

От того, как она болтала всё это, то, что она вошла сюда, выглядело так грязно, как и то, что я, наконец, целовавший и касавшийся этой великолепной сирены, стал эквивалентом многим другим наследникам, трахавшимся как кролики в шкафах комнат.

Никогда я не желал рывкнуть на служанку, чтобы та убиралась к чёрту, но сейчас искушение было очень велико.

— Всё хорошо, — Эльза снисходительно улыбалась, по-королевски, а её голос был твёрд, когда она шагнула вперёд, приглаживая свои волосы, словно то, что случилось, её нисколько не тронуло. — Мы просто немного побаловали себя ночным пирогом.

Если бы я не был так разозлён, я, должно быть, рассмеялся бы, потому что горничная явно приняла "пирог" за что-то другое, особенно когда её взгляд упал ниже, напротив моих — о, чёрт — всё ещё распахнутых штанов. И было странно, и даже немного неудобно то, что она продолжала туда смотреть, пока мне не пришлось прокашляться.

И, знаете ли, заправиться и застегнуть молнию на штанах.

Этого оказалось достаточно, чтобы пробудить её из транса. Её щёки покрылись ярким розовым румянцем, и она пролепетала что-то бессвязное. Эльза вздрогнула от шквала слов, сильно побледнев, будто её застучали за поеданием печенья.

Превосходно. Отлично, мать вашу.

Горничная быстро подняла поднос и положила его на один из столов. Прежде, чем кто-то вновь заговорил, за сбежавшей женщиной хлопнула дверь.

И тогда Эльза повернулась ко мне лицом, её широко распахнутые глаза блестели и были встревожены. И это зрелище, как ничто другое, опустошало меня.

Когда вновь стало тихо, я произнёс её имя — это простое слово из двух слогов, наполненное таким количеством эмоций, что я даже не знал, что ещё сказать. Потому как, что можно сказать человеку, который захватил твоё сердце и разум за четыре дня? Я хотел её. Отчаянно. В первый день она сказала мне, что не хотела иметь со мной никаких романтических дел, а мне приказано жениться на её сестре, но я всё равно поцеловал Эльзу. Эта женщина, эта принцесса... она другая. Другая, и милая, и замечательная, и остроумная, и желанная. Она Валькирия, которая пришла и забрала моё сердце. И этот поцелуй? Его не с чем было сравнить. Он был другой, как и она. Лучше. Поэтому я не мог не сказать её имя

снова, эти два слога нежной мольбы о понимании и негласной молитвы о том, что она чувствует то же самое, раз она ответила на поцелуй.

Она ненадолго закрыла глаза, глубоко вздохнула, положив пальцы на свои припухшие губы. И затем она подняла с пола коробку из-под пирога и положила её на шкаф.

— Я улетаю через пару часов. Как и ты.

Её улыбка совершенно повергла меня. Эта была не та улыбка, которую я имел удовольствие втайне от всех наблюдать в эти дни. Эта улыбка была той, что она одаривала всех остальных. Той, что она дарила Мэтту.

Чёрт! Я потерял её ещё до того, как у меня появился шанс выиграть её.

— Хороший был пирог, не так ли?

Мой голос был хриплым:

— Да.

Её глаза были потухшими.

— Объявляю тебя членом ИПС, Кристиан.

К чёрту ИПС! ИПС — ничто, без Эльзы. Как и ККН.

Она моргнула и отвела взгляд, издав что-то отдалённо напоминающее смех. Теперь, когда я слышал её настоящий смех, этот меня уже никогда не устроит. То был прекрасный — наполненный, тёплый, завораживающий смех, точно такой же, как она сама.

А этот намёк на смех? Это не она. Она исчезала прямо у меня на глазах.

— Ты плохо на меня влияешь, — пробубнила она, и, я клянусь, моё сердце выпало прямо из моей груди. Но потом она сказала, — В самом хорошем смысле, вообще-то. Я рада, что за эту неделю смогла реализовать столько начинаний вместе с тобой.

Я так много хотел ей сказать. Я хотел сказать ей, что и для меня это была неделя начинаний. Я впервые так себя чувствовал. Что я хотел бы быть рядом во время всех остальных начинаний её жизни. Или, по крайней мере, иметь возможность понять, могут ли наши начинания быть реализованы вместе.

Она отступила от шкафа, снова приблизившись ко мне. Своей неуверенной рукой она провела вдоль линии моего лица.

— Знаешь, я ошибалась.

Мне было сложно говорить.

— Насчёт?

— Насчёт тебя, — Валькирия подалась вперёд, ненадолго прислонясь лбом ко мне перед тем, как подняться на пальцах ног, чтобы прижаться губами к моей щеке. И потом оставив более нежный, более грустный поцелуй в уголке моего рта. — Что мы будем делать, Кристиан?

Я не имел понятия. И признавать это было так чертовски несправедливо.

Я получил ещё один поцелуй, на этот раз в губы. Но он был такой короткий. Лишь намёк на поцелуй. Я хотел большего.

Я хотел её.

— Вероятно, нам стоит немного поспать. Нам обоим скоро нужно вставать.

Поспи в самолёте, думал я. Не уходи.

— Спасибо за эту неделю, — сказала она, словно я пожалел её и был здесь, только потому что мне было скучно, и мне было больше нечего делать. — Я никогда этого не забуду.

Эльза протянула вперёд руку. Я смотрел на неё с ужасом. Она собирается сделать это.

Она и в правду собирается сделать это. Она хочет пожать мою руку, попрощаться и потом она улетит в Ваттенголдию, а я отправлюсь в Эйболенд, и... и... мы... я просто вернусь к своей привычной жизни?

И женюсь на её сестре?

Пошло всё! Нет. Нет! Наша история не может так закончиться.

— Хорошо, что я наконец узнала тебя, Кристиан, — я вздрогнул от этой официальности. — Желаю тебе больших успехов. По крайней мере, мы можем быть уверены, что наши страны всегда будут союзниками, особенно в МС, как только займём наши троны.

Союзник... и грёбаное родство по жене. Это несправедливо. Какого хрена! Это просто несправедливо!

— Что случилось с Крисом? — я даже не смутился от того, что мой голос сорвался.

Слеза лениво скатилась по её щеке, и это опустошало меня ещё сильнее. Эльза покачала головой, намеренно вдыхая побольше воздуха. И затем она снова протянула свою руку.

Когда наши ладони и пальцы соединились, это чувство было почти таким же интимным, как наш поцелуй минутами раньше. Коже к коже, касание к касанию. Её пальцы обвили мои, а мои — её. В моей крови, как лесной пожар, снова вспыхнуло желание.

Я не хотел отпускать её, не сейчас, но это не имело значение ни здесь, ни там, потому что, если ей нужно уйти от того, чтобы это не было, что заставляло мои лёгкие сжиматься, а моё сердце биться в болезненных ударах, тогда это её право.

Потому что не важно, что я бы не чувствовал, она не могла быть моей. Она Наследная Принцесса, я Наследный Великий Герцог. Это всегда будет для нас запретом. Мы никогда не сможем быть вместе, не навсегда, не без необходимости одного или нас обоих отречься от наших тронов. А кому их передавать? Лукасу? Изабель?

И всё же...

Всё во мне хотело сказать "пошло всё" и пойти на риск.

— Я тоже рад нашему знакомству, — я солгал. Это было лучше, чем "рад". Это была счастливая случайность во время поистине дерьмовых обстоятельств.

Она выпустила руку первой, припав передо мной в реверансе, словно мы были незнакомцами, а не людьми, которые только что ели пирог и целовались так, словно наши жизни зависели от этого. В ответ я вынужденно поклонился, одной рукой пересекая грудь, накрывая ладонью сердце.

Чёрт, боль была физической. Болело так, будто кулак смял жестяную банку.

И потом, раньше, чем я выпрямился, она ушла.

Глава 39

Эльза

— В общем, неделя прошла лучше, чем я думала, — Изабель положила свой журнал на колени, чопорно складывая руки поверх глянцевого обложки. — Ты так не думаешь?

Потребовалось немало усилий, чтобы не разразиться на неё матом: "Ты что, твою мать, прикалываешься?" на весь маленький частный самолёт, в котором мы летели. Вместо этого я сказала так спокойно, как только можно, когда ты совершенно пал духом:

— Были и хорошие, и плохие моменты.

Она глянула туда, где сидел наш отец: он был с головой увлечён беседой с Биттнером. Понизив голос, она сказала:

— Я написала Альфонсо перед отлётом. Сказала ему, что нам нужно поговорить.

Я закрыла папку, которую отчаянно пыталась читать, в надежде сохранить что-то похожее на здравый смысл на время этого невыносимо долгого перелёта, и отложила ее в сторону. Это не помогало. Как и этот разговор.

Мой голос не выражал никаких эмоций:

— Я думала, что вы поссорились.

Она опустила голову в моём направлении, и ко мне качнулся занавес из блестящих тёмных волос.

— Он не хотел, чтобы я уезжала на этой неделе. Мы страшно поругались из-за этого. Альфонсо хотел, чтобы вместо этого мы сбежали в Женеву.

Поэтому, теперь она открылась мне, когда всё было сказано и сделано. И всё же сейчас мне было совсем не до её личной драмы. Не тогда, когда утром в моей груди разбилось сердце.

— Не жалеешь, что не поехали?

— В Женеву? — она заворачивала кончики своих волос, проводя локонами вперёд-назад по подбородку. Когда я кивнула, она вздохнула. — Во мне сейчас так много противоречий, Эльза.

— Что ты ему скажешь?

Изабель закусила губу, откинув голову назад на кожаное сиденье.

— Полагаю, правду, — она отбросила волосы и погладила моё колено. — А ты как, держишься? Я хотела поговорить с тобой этой ночью, но ты не появилась, пока...

Пока не пришло время улетать.

Мы всегда были честны друг с другом, но наша честность больше отражала нашу королевскую природу: равнодушная и идеально преподнесённая. Никто из нас не врал, но наши ответы были аккуратно подобраны до того момента, где слова пересекали границу между правдой и вымыслом.

Поэтому я продолжила нашу шараду. Я сказала ей, что со мной всё хорошо. Потому что технически, так и было. Я была в оцепенении, но всё хорошо.

Она долго разглядывала меня, задумчиво сужая глаза.

— Ты была где-то этой ночью. Или, возможно, утром.

Я достала недавно отложенную папку.

— Полагаю, да.

— Ты каждый день исчезала на несколько часов посреди ночи.

Я вынула документ.

— Как и ты, по-моему. А также большинство наследников.

— Во время ночных вечеринок я и Кристиана никогда не видела.

Я хотела засмеяться ей в лицо:

— Как интересно.

Я практически напрашивалась на следующий вопрос, всё равно у неё не было доказательств. Но Изабель отстранилась, как я и думала. Её лицо нахмурилось от разочарования. И я вернулась к документу у меня в руках, посвящённому парламентским вопросам для собрания на предстоящей неделе, что было гораздо предпочтительнее какого-либо разговора по душам с сестрой.

Теперь Волчица упивалась своей победой, как и бессчётным числом стаканов её драгоценного коньяка, выжранного за время полёта домой. К тому же её крыша улетела так же высоко, как воздушный змей, благодаря разным таблеткам, название которых мне даже не интересно. К счастью, она забрела в одну из спален самолета, в сопровождении стюарда, так что, как минимум час или около того, мы могли лететь спокойно.

Почти все, включая Паркера, спали, стараясь не допустить сбоя биочасов из-за перелёта. Но мы с братом были чересчур возбуждены, чтобы последовать их примеру.

— Как думаешь, это будет дурным тоном, если я созову прессу на взлетную полосу к нашему прилёту домой? — пробубнил Лукас. Он вынул свою фляжку, милосердно заполненную водкой, а не коньяком. — Потому что, сначала я бы вставил в рамку снимок, как Её Высочество падает лицом на асфальт и что-то кудахчет при этом. А потом я послал бы его в каждый дом в качестве рождественского подарка.

Мы стукнулись кулаками. Я бы с радостью принял в этом участие.

— Может, мы даже могли бы поменять на него её официальный портрет. И тогда Эйболенд действительно увидел бы, что она за ведьма.

Чаще всего мальчики испытывают к матерям сыновнюю любовь, и, наверное, мы двое тоже где-то очень-очень глубоко внутри.

— Но, если честно, эта неделя была грёбаным кошмаром, Крис, — Лукас перекатил голову ко мне. Удивительно, каким трезвым он был, учитывая количество спиртного — поправлюсь, коньяка — на борту самолёта и в его фляжке. — Чертовски унижительно. Сейчас же двадцать первый век, а не пятнадцатый.

Моя печаль не знала границ.

— Ты, по крайней мере, обошёлся без приказаний.

— Да уж, блин, нет. В последнюю минуту. Этой ночью, когда ты делал чёрт знает что неизвестно с кем, Волчица выследила меня и сказала, что я теперь официально являюсь будущим женихом той испанки.

— Вот дерьмо. Сожалею, Люк. Я думал, тебе нравится Мария-Елена.

— Да дело не в этом, и ты это знаешь. Дошло до того, что я сказал Волчице, что она не сможет заставить меня жениться на той, кого выбрал не я, и...

Его щека тоже выглядела немного припухшей.

— Она собирается буквально тащить мою задницу к алтарю, — резко заявил он.

— Ей придётся делать это с нами обоими.

И мы снова столкнулись кулаками.

— Кстати, а что было у вас с Эльзой?

Всё — я хотел сказать ему — и всё же, не совсем всё.

— Я поцеловал её этим утром. Это считается?

— Как посмотреть. Это что-то изменило в твоей жизни?

— Не представляешь, насколько, — признал я, от чего сам пришёл в изумление. Это изменило всё.

Он наклонился ко мне, его лицо было серьёзно, а голос низок.

— Что будешь делать?

Я был честен.

— Я и сам хотел бы знать.

Когда мы приземлились, прессы не было, а стояла только пара элегантных авто, скрытых в темноте и готовых доставить нас обратно во дворец. Мы с Лукасом отказались ехать с Волчицей под отмазкой, что без нас, она смогла бы вернуться домой без задержки. Это её устроило, тем более что она немного отошла от своих таблеток и вновь вела себя нормально, а значит стала бы использовать любой повод для насмешек над нами.

— Увидимся через несколько часов, — Паркер схватил свой чемодан. Счастливчик оставил свою машину в аэропорту, поэтому мог быстро смыться. — Я просто хочу забежать домой, помыться, проверить почту.

Я взял его за плечо, когда машина матери тронулась.

— Возьми выходной. Всё, что нам нужно обсудить и сделать, может подождать, пусть уже эти биологические часы встанут на место.

В подтверждение этому, он зевнул, но спорить не стал. Я заверил его, что стремлюсь домой, проспав весь остаток дня и ночи, чтобы быть готовым к утреннему собранию с группой президентов профсоюзов.

В машине, пока Лукас спорил с водителем из-за музыки, я вытащил свой телефон и отключил самолётный режим, чтобы пробежаться по длинному перечню, ожидавших меня, сообщений и уведомлений.

Среди прочих выделялось одно: *"Яблочный пирог — разыскать или не стоит?"*

Да, к чертям всё! Да!

Я ответил ей: *"Конечно, стоит"*.

Лукас бросил на меня взгляд, и его брови поднялись. Я одними губами сказал ему — Эльза. Его поднятые вверх большие пальцы неожиданно ободряли.

Эльза: *"Я так и думала. Но я решила, что ничего страшного не случится, если узнаю мнение товарища по клубам ИПС и ККН"*.

"Это будет наше следующее начинание" — так я и написал ей. *"Забудь про олалеберрис. Наша миссия — вместе разыскать яблочный пирог"*.

Я задержал дыхание. А вдруг — в свете того, что произошло между нами, и какая ложь маячит на горизонте — она пойдёт на попятную от моей дерзости.

Эльза: *"За все годы, прожитые в Америке, ты так и не попробовал яблочного пирога?"*

От злости и депрессии я моментально перешёл к флирту: *"Увы, так и нет"*.

Заинтригованный Лукас склонился рядом, но я отпихнул его обратно на его место.

— Так-так, — его губы изогнулись в коварной ухмылке. — Что-то интересное? Пирог — это такая прелюдия, почему я не в курсе?

— Отвали, — но я был слишком счастлив, чтобы это звучало убедительно.

Эльза написала: — *"Ты меня разочаровываешь"*.

Мои пальцы летали по сенсорному экрану: *"Мы оба, сходящие с ума каждый в своей стране, девственники по части яблочных пирогов. Мы должны чпокнуть наши вишенки в одно и то же время"*.

Эльза: *"Твои каламбуры просто кошмарны, Крис. Ты имел в виду то, что мы будем чпокать наши яблочки? Или, тогда лучше сказать, вынимать у наших яблочек сердцевину? Неважно. Я тоже в каламбурах не сильна"*.

Она снова назвала меня Крисом. О, как мне это нравилось. *"Никто не идеален, Эльз"*. Но она была идеальна. Для меня она была совершенством.

Напряжение в груди спало, когда она добавила: *"Не ешь его без меня. Давай опять порезвимся с пирогом. Обещаешь?"*

Это обещание я дал с удовольствием, без колебаний.

— По-моему, — размышлял вслух Лукас, — тебе надо как можно скорее чпокнуть эту вишенку.

Я убирал телефон в карман.

— Иди к чёрту.

Он усмехнулся.

— Это так ты обычно разговариваешь?

Мой сотовый был в кармане.

— Читать чужие эсэмэски — дурная привычка.

— Все порядочные монархи делают это, — он ударил меня в рёбра локтем. — И всё же?

— Она... не как все, — признал я.

— В смысле, она не стелется перед Прекрасным Принцем.

— Ты и правда хочешь, чтобы я тебе вмазал, да?

— Позволь тебя спросить, — он снова откинулся на кожаное сиденье. — Ты действительно думаешь, что сможешь быть ей просто зятем?

Я отвернулся от него и выглянул в окно. За замёрзшим стеклом простирался холодный и ясный Эйболенд, утреннее солнце было резким, словно оно продиралось сквозь облака, покрывавшие наш остров.

— Мне кажется, — продолжил он, — что, если мне когда-нибудь посчастливится влюбиться в кого-то, я не сдамся, даже если Волчица будет приказывать.

Легко сказать, чем сделать, учитывая наши обстоятельства.

Но слова брата надолго застряли в моей голове после нашего возвращения во дворец, и, прежде чем начать погружаться в сон до следующего утра, я позаботился о кое-каких неотложных делах. Только настоящие романтики могут пожертвовать всем ради другого человека. Но Лукас не наследует престол. На него не возлагали ожиданий, отягчавших мои плечи. Он не осознавал до конца всех угроз Волчицы, как в отношении меня, так и насчёт него самого, нашего отца... и даже Паркера.

Я также не знал, готов ли я был отпустить Эльзу. Не то, чтобы она у меня была. Не то, чтобы мы были чем-то. Или, чёрт побери, что была какая-то возможность быть чем-то, но...

Я не мог без неё. И я не был готов потерять то, что испытывал благодаря ей.

Глава 41

Кристиан

Лукас пробурчал себе под нос:

— Опять она.

Я поднял глаза от стаута — к нам медленно подплывала Леди Отем Хорнаф Бойркзунд. Она была в обтягивающем белом платье с корсетом, которое дико просилось на дискотеку, а не в паб, и уж точно не в такой посредственный — в сравнении с теми, что можно встретить в Норслоу — как этот.

— Если бы я тебя не знал, — сказал я, — то мог бы принять твою неприязнь к Отем за возрождённый интерес.

— Может, тебе лучше принять от меня пинок под зад.

— Так-так, — проворковала Отем, как только добралась до нашего столика. — Неужели это Его Королевское Высочество Наследный Великий Герцог Эйболенда сидит в

"Закусочной Свена" и выглядит здоровым, как бык. А ведь нация-то извелась, уж не пропал ли он с лица Земли, или, хотя бы, не умер ли от туберкулёза, или чего-то ещё?

Её интонация была легкомысленной, но было очевидно, что ей не терпелось узнать причину моего исчезновения.

Я встал.

— Мне пришлось отложить все дела из-за болезни. Приношу свои извинения за причинённые неудобства.

Эту историю придумал для меня Паркер дабы объяснить недавнее отсутствие. Да и не я был основным предметом внимания Отем. Она повернулась к брату и сказала:

— Поглядите-ка, кто нарисовался!

Он поднял свой бокал, отказываясь следовать назревшему к тому моменту правилу приличия.

— Отем.

Я был не шибко рад присоединившейся к нам леди, но, казалось, не существовало ни одного варианта тактично предложить ей убраться подальше. Поэтому жестом я указал на стул за нашим столом. Она кинула на пол свою сумочку, украшенную бисером, и мы оба сели.

— Выздоровели, Ваше Высочество?

Лукас пнул меня под столом, поэтому я кашлянул и слегка поколотил себя в грудь.

— Мне намного лучше, спасибо.

Она подняла изящную руку, давая знак официанту.

— Забавно, но я и тебя не наблюдала всю прошлую неделю, Люк, — её глаза сузились при взгляде на моего брата. — Ты тоже болел? Или, наверное, снова шалил где-то пьяный, в чём мать родила?

— Мы как домино, — с его языка слетала ложь. — Вся семья, за исключением Его Королевского Высочества. Сначала один заболел, потом другой... и глазом не успели моргнуть, как почти всех нас приковало к постели.

Её тощая бровь резко вздёрнулась на лоб, пока она хладнокровно рассматривала его. Её губы скривились в отвращении.

Теперь пришёл его черёд притворно кашлять, явно переигрывая, чем привлёк внимание тех, кто находился неподалёку.

— Всё ещё в лёгких.

У меня загудел телефон. Я вынул его из кармана и прочитал: *"Горячее какао в Ваттенголдии совсем не то, что в Калифорнии. Странно, правда?"*

Я отодвинул свой стул и сказал им:

— Мне нужно ответить на звонок.

Лукас метнул на меня злобный взгляд, но я и бровью не повёл. После чего я пробрался к дальнему углу небольшого паба, а оттуда направился на кухню. Свен, владелец-повар, махнул в приветствии. Я поднял вверх телефон, и он побрёл на перекур.

Я набрал номер Эльзы. Весь день мои пальцы чесались это сделать, но я знал, что она, как и я, скорее всего, целиком погрязла во встречах и собраниях. Нас не было неделю, поэтому, если её график хоть чем-то напоминал мой, ей приходится многое навёрстывать.

Она ответила после второго гудка, и, честное слово, я весь растаял в чёртову лужу прямо посреди мизерной кухни Свена, как только услышал её голос.

Чёрт меня поberi. Я совсем потерял голову из-за неё.

— Ты пьёшь какао без меня?

Лёгкий смешок донёлся из трубки, и это был подарок, такой сексуальный, такой чертовски потрясающий подарок.

— Шарлотта приготовила днём во время нашего брифинга. Как я могла отказаться?

— Понимаю, ты же член ОПГКЧКС.

Она довольно долго размышляла, отчего моя ухмылка только ширилась. Наконец, я услышал звук щёлкнувших пальцев.

— Общество пьющего горячее какао члена королевской семьи?

— Пьющих, — поправил её я. — Потому что в обществах должно быть больше одного члена.

Мне снова был дарован офигительно нереальный смех, после которого мне жутко захотелось сесть в самолёт только для того, чтобы услышать его вживую.

— Я так понимаю, ты не пьёшь сейчас горячее какао?

— Увы, сегодня я пью стаут. Мы с Лукасом в нашем любимом пабе. Что ты ещё делаешь без меня, кроме распития горячего какао?

— Скучаю по тебе, — было тем, что она сказала.

За всю жизнь я не испытывал того, что происходило в моей груди: она раскрылась, при этом кости и мышцы отстранились так, что орган, поддерживавший во мне жизнь, теперь целиком и полностью обнажился. И я чувствовал это сейчас, когда слышал в голосе Эльзы ранимость, в то время как она говорила мне — впервые за всё время — что я значил для неё.

Я всегда знал. Предполагал, хоть и не озвучивал. Ведь это я и она! Мы сразу нашли общий язык. Мы были на одной волне. Мы родственные души.

Она скучала по мне.

Я прислонился к двери, служившей чёрным входом, и закрыл глаза. Если бы только она стояла здесь, передо мной. Или если бы я был там, напротив неё.

— Я тоже скучаю по тебе, Эльз.

Глава 42

Эльза

Карапуз выбрал момент, когда Шарлотта сказала: "Это ужасно глупо с твоей стороны", чтобы выплюнуть на её шелковую блузку то, что оказалось творогом.

Чудесно.

Шарлотта собиралась приехать утром во дворец ради нашего брифинга, но я была слишком дёрганой и нуждалась в прогулке, особенно после того как, завтракая вместе с организатором свадеб, мама загнала меня в угол, как лису в курятнике. Хотя нет. С двумя организаторами, ведь у неё же две дочери, которых она с пеной у рта старается выдать замуж. Целую неделю после возвращения в Ваттенгодию. Всю. Чёртову. Неделю. И теперь Её Светлость находится в режиме планирования полномасштабной свадьбы.

И вот я здесь, спрашиваю себя, почему я сбежала именно сюда. Потому что наблюдать за тем, как одного рвёт на другого — маму или не маму — было очень отталкивающим зрелищем.

— Я, кстати, о тебе говорю, — Шарлотта показала на меня рукой, державшей подозрительно сырой слюнявчик. А радостному Дикки она пролепетала тошнотворно милым голоском:

— Не о тебе, дорогой.

Я отвела от себя ту материю.

— Что глупого-то? Я здесь уже целую четверть часа, и всё, что мы успели обсудить, это погоду и распорядок дня Дикки.

Она потёрлась носом о носик малыша, одновременно похлопывая его по спинке.

— Ты раскисла.

— Уж точно я не раскисла, — ведь да?

Ладно, может, и раскисла, но только самую малость. Но, учитывая, что мне пришлось провести час с матерью, с ещё более возбуждённой Изабель и парой организаторов свадеб, а также пережить натянутый разговор с Мэттом по телефону, Шарлотте повезло, что я раскисла, а не рвала и метала.

И всё же она права, чтоб её! Боюсь, что впереди меня ожидает что-то вроде ломки, раз я так жестоко сучаю по Наследному Великому Герцогу Эйболенда.

— Ты раскисла, — повторила она спокойно, — и это глупо.

То, что она права, не означало, что я стану марионеткой в её ловких, но коварных ручонках.

— Лотти, очень вкусные сэндвичи.

Ребёнок позволил себе звучную отрыжку. О да, Казанова!

Шарлотта прекратила свои похлопывания.

— Я знаю, что мои сэндвичи-шмедвичи вкусные. Я говорю о твоём Прекрасном принце.

Без должной для леди грации я запихнула остатки огурца и мелкие комочки сливочного сыра себе в рот.

— Он неэлмеипекасныйпинц.

Теперь стало ясно, что у моего личного секретаря не было в планах обсуждения графика на предстоящую неделю. Допрашивать будут меня.

Шарлотта швырнула в меня запачканную тряпку. А я не смогла быстро увернуться, поэтому крошечные белые кусочки посыпались мне на джинсы. Мой свирепый взгляд на лучшую подругу был весьма красноречив.

Она никак не отреагировала.

Дикки снова срыгнул, чем заслужил потирушечки носами от своей навязчивой мамы.

— Я очень давно тебя знаю, и выстояла на посту твоей подруги, пока одни твои неудачные отношения сменялись ещё более неудачными отношениями.

— Да ну!

— Говорю тебе, я не припомню случая, чтобы ты когда-либо была так увлечена мужчиной. Ты была такой... весёлой, наверное, каждый раз, когда мы разговаривали, пока ты была в Калифорнии. Или правильнее, неожиданно весёлой. А теперь на тебе лица нет.

— Лица нет? — я чересчур громко фыркнула. — Вряд ли.

Теперь уже она многозначительно свирепо смотрела на меня.

Вот что отличает настоящих друзей. Нет нужды раскрывать секреты, чтобы интуитивно чувствовать что-то неладно. Уже давно Шарлотта развила в себе способность читать мои эмоции, как пьесы.

— Да ты достала уже! Я и понятия не имею, зачем я здесь, позволяя твоему вопящему младенцу блевать на меня, пока ты рассказываешь обо мне небылицы.

Она безмятежно улыбалась.

— Дикки, несомненно, делает такие вещи. И это называется срыгиванием.

Я глубже уселась в мягкий цветастый диван, ворча:

— И всё же.

— Что я пытаюсь донести, так это то, что он нравится тебе. И я думаю, это дико пугает тебя, особенно при том, что ты должна выйти замуж за того, к кому ничему не испытываешь.

Ещё одно точное заявление. Мне было страшно от переполнявших меня эмоций к Кристиану.

— Ладно. Он нравится мне. Довольна?

— Думаю, он даже больше, чем нравится, так?

— Боже мой, Лотти! Разве мало признания, что он мне нравится?

— Хорошее начало, — она передала мне Дикки, чтобы налить нам по свежей чашке чая.

Мы с дитём начали соревноваться, кто кого переглядит: я суживала свои глаза, он округлял свои, и — осмелюсь признать это — его это веселило.

— Сейчас, — продолжала Шарлотта, — мы должны поработать над тем, чтобы ты призналась, что втюрилась в него.

Я сникла до тихого:

— Я знаю его меньше месяца.

— Вот и славно, Эльза. Любовь с первого взгляда — мощная штука.

— Помнишь? Как и страсть с первого взгляда.

Она шумно вздохнула.

Я провалила соревнование в гляделки, отведя взгляд первой, чтобы закатить глаза на подругу. Дикки отпраздновал победу тем, что добавил слюны к тому срыгиванию на моих джинсах. Даже не стала пытаться убрать её, потому что была уверена, до того, как мой визит подойдёт к концу, он решит обогатить свою коллекцию ещё какой-нибудь своей жидкостью. Так что я заправила его в сгиб своего локтя и легонько покачала взад-вперёд, пока он не заурчал в удовлетворении.

— Сколько раз мне ещё нужно сказать это? Кристиан предельно ясно выразился насчёт того, что не желает отношений.

— Как и ты, помнится.

— Всё так.

— Он не хочет отношений конкретно с Изабель.

Я снова хрюкнула неподобающе даме.

— Точно, как и ты не хочешь отношений конкретно с Матье.

Я сдерживала позыв к рвоте. Благодаря Дикки, сегодня в этой комнате рвотных масс было уже достаточно.

— Тем не менее, между вами двоими что-то происходило.

Я молчала. Было бесполезно отрицать. Всё равно она знала бóльшую часть этой жалкой истории. Я сломалась спустя два дня после возвращения и рассказала ей, не в силах более хранить всё это в себе.

— Ты уже говорила с Изабель?

— Так как мы живём в одном дворце, то разговариваем каждый день.

— Умно. Только я имела в виду, обсуждали ли вы с ней то, как ты с её новоиспечённым женихом... — Шарлотта многозначительно поводила бровями.

— Не очень-то хочется заводить такой разговор. Как можно такое рассказывать сестре?

— Если близится их свадьба...

Я вздрогнула сильнее, чем хотела бы, отчего малыш закопошился у меня на руках.

— Она должна знать о том, что творится между вами. Чтобы не было неловкостей по праздникам.

Обсудим мы это или нет, неловкости гарантированы.

— А что с Принцем Матье?

— А что с ним?

— Вы обсудили всё это друг с другом?

— Я высказала своё мнение на этот счёт весьма доходчиво.

Её губы сжались, пока она подбирала слова.

— Что вы тогда будете делать?

— Мы с Мэтом?

— Вы с Кристианом, — она аккуратно поправила.

Я вжалась головой в цветастый диван.

— Что тут сделаешь? Он женится на моей сестре, — я сделала паузу. — Что ещё важнее, он является Наследным Великим Герцогом, — мне не терпелось встать и начать ходить по комнате, но именно в этот момент глазки Дикки решили потихоньку закрываться. Я прошептала в ярости, — А я Наследная Принцесса.

— Об этом мне хорошо известно.

Когда я говорила ей:

— Этому никогда не быть, — я еле сдерживалась, чтоб не расплакаться.

— Не узнаешь, пока не попробуешь.

Долгие секунды я таращилась на люстру и деревянные балки на потолке, пока ребёнок в моих руках спал и пускал довольные слюни. Но потом меня понесло, когда я рассказала ей всю правду, которая стучалась в мои двери почти каждую секунду, как только я поняла, что в действительности чувствовала к Кристиану.

— Чтобы быть вместе, кому-то из нас пришлось бы отказаться от короны. И нельзя, просто взять и объединить вместе две наши страны. Чтобы быть с Кристианом, надо быть готовым к последствиям, гораздо более ужасным, чем просто игнорирование указов наших государей. Один из нас уже не сможет быть тем, кем был всегда, и для чего был рожден. Как мы выберем того, кто пойдёт на это? Кто из нас захочет это сделать? Моя сестра, как ты сама хорошо знаешь, пусть наедине, но неоднократно заявляла, что у неё нет никакого желания занимать трон. Его брат — законченный плейбой, который... признаться, я не очень-то хорошо его знаю... Но он не создаёт впечатления человека, готового к серьёзной работе, — я тяжело сглотнула. — И, даже если мы решим, кто из нас отречётся, как он потом объяснит своему монарху и стране, что нужно выбрать другого наследника, потому что любовь важнее обязательств, лежащих на тебе с рождения? — и далее смягчившись, — Если, конечно, он чувствует ко мне то же, что и я к нему.

Голос подруги был мягким и понимающим.

— Что ж. Всё-таки ты думала об этом.

Теперь я сопела. Блин, Шарлотта и её потребность всегда давить эмоционально, пока я не расколуюсь. И чёртов Кристиан, и его... весь он. Почему ему надо быть таким замечательным? Почему он не может быть скучным, или высокомерным и бесящим как многие другие привилегированные мужчины из моего окружения? Но нет. Ему надо было предстать грёбаным Прекрасным Принцем, и теперь я не знаю, как планировать свою жизнь дальше.

В уголках моих глаз назревали слёзы, а в груди щемило. Но вместо того, чтобы

выпустить боль наружу, я чмокнула Дикки в макушку и посмотрела на его маму.

— Я могу ненавидеть традицию, но она опять, по-видимому, выйдет победительницей.

— Хорошо, — тихо сказала Шарлотта. — Я просто хочу, чтобы ты была счастлива, Эльза. Только и всего.

Я прижалась щекой к пушистой головке младенца.

— Если ты и правда хочешь мне счастья, тогда срочно неси что-нибудь, чтобы вытереть испражнения твоего чада. Боже мой, Лотти. Он офигеть какой прелестный, но он точно обоссался. Я вся сырая тут.

Глава 43

Кристиан

Губы отца были крепко сжаты. Как и у Лукаса. А раз так, то и у меня. Мы, мужчины, изнывали в полном, затравленном молчании, пока Волчица выкладывала распорядок дел на следующую неделю.

Мне предстояло ухаживать за Изабель самыми изощрёнными и непристойно публичными способами. Лукас, в сопровождении отца, отправится в Испанию, чтобы делать то же самое, правда менее возмутительным образом. Волчица не хотела, чтобы они затмили то, что она называла "мощной парочкой".

— И скорее уложите их в постель, — сказала она мне и брату мерзким деловым тоном. — А я заранее позабочусь о том, чтобы не было проблем с противозачаточными таблетками. Чем раньше появятся наследники, тем лучше.

И её не волновало, что, вполне возможно, Изабель или Мария-Елена и не думали о том, чтобы ложиться в постель. Как и не приходило Волчице в голову то, насколько подлой и подсудной является подмена противозачаточных.

Время от времени отец перехватывал мой взгляд. В его лице было столько скорби и вины, будто он сам имел отношение к махинациям жены. Но, несмотря на это, я винил его. Я винил его в том, что он не вступился за нас.

Чёрт, да я и себя винил, и брата. Мы обязаны бороться и сказать Волчице "нет".

Мы трусы. Жалкие трусы.

В моём кармане завибрировал телефон. Вот бы это была Эльза, но из-за того, что мать разъясняла в невыносимых деталях то, как моя предстоящая помолвка на Изабель может быть загублена, я не стал его вынимать.

Когда Волчица выговорила и была на полпути к двери, чтобы пойти делать то, что Волчицы делают после того, как сожрут своих детёнышей, я встал. Мои конечности тряслись от ярости, руки от боли, но так как петля у меня на шее в полную меру затянулась, то я понимал, что мне уже почти нечего терять.

— Как же хочется, — сказал я ей, — чтобы у меня была мать, для которой бы её семья имела хоть какое-то значение. Как и всё остальное, а не только она сама. Ты просто омерзительна.

Может, я всё же и не законченный трус.

Она не ответила. Даже тогда, когда Лукас встал и показал, что он тоже не рохля.

Спустя час, когда мы с Паркером работали в моём кабинете, паршивое начало дня сменилось чудовищным продолжением — позвонила Изабель.

Как же велико было моё искушение оставить этот звонок до голосового сообщения.

Именно так я и сделал во время её прошлых попыток дозвониться до меня в последнюю пару дней. Я не мог даже думать о том, чтобы разговаривать с ней, и особенно делать вид, что я чего-то хотел делать с ней. В отличие от её сестры. Это представлялось невыносимым и сейчас. Только из-за настойчивости Паркера, я всё-таки ответил на звонок.

— Может быть, если вы оба поговорите... — советовал он, и единственное, что крутилось в моей голове, было: оптимистичный поденок.

И только я сказал "привет", то сразу был встречен:

— Наконец-то, мать твою, ты взял трубку, Кристиан!

Если её сестра и могла случайно обронить такую вот бомбу, то от Изабель я никогда раньше не слышал ругательств. Звучало непривычно.

— Э...

— У меня нет времени на нашу обычную пресную болтовню, но есть кое-что, о чём тебе нужно поскорее узнать. Я буду говорить, а ты — слушать.

То, как она говорила сейчас, пугающе напоминало Эльзу — и, хоть и неохотно, но я был приятно этому удивлён.

— Я весь во внимании.

— Чтобы ты знал, я не полная дура. Я хорошо осведомлена о том, что в Калифорнии между тобой и моей сестрой что-то произошло.

Инстинктивно вырвалось:

— Не твоего ума де...

— Может, я и не знаю деталей, но я знаю, что что-то точно произошло. Эльза... — она недовольно вздохнула. — Давай я начну с самого начала. Я помолвлена, Кристиан.

Я резко ответил:

— Ещё нет.

И никогда не будешь, уж я постараюсь.

В смехе Изабель слышалась грусть и усталость.

— Я помолвлена, уже давно.

— Поясни.

— Ещё в прошлом году я ответила "да" на предложение выйти замуж от моего инструктора по верховой езде. Эльза знала о наших отношениях, а родители нет. Она понуждала меня сообщить об этом Его Светлости, но... — и снова слабый, нервный выдох смеха. — Каждая моя попытка затронуть эту тему перебивалась красноречивой болтologией моих родителей о семейной истории, славе и выгодных браках. Возможно, поэтому я стала трусихой, но моё бездействие всё равно не имеет значения. Важно то, что мы с Альфонсо — моим женихом — повздорили накануне Саммита. Он не хотел, чтобы я ехала, но родители предписали, что я должна сопровождать отца с сестрой, в рамках своего рода договоренностей в работе с Эйболендом. Короче, они меня шантажировали.

— Всё хорошо? — прошептал Паркер, когда я резко сел на своё рабочее кресло.

Я поднял вверх палец, когда Изабель продолжила взрывать мне мозг.

— Эльза постоянно ругалась с отцом из-за Саммита. Я решила, что раз он не будет потакать её капризам — ей, наследнице, которая обычно чтит традиции! — то какие-либо возражения с моей стороны были бы не стоящими внимания. Так и случилось, когда мне сообщили, что, если я не выполню пожеланий родителей и не добуду требуемое торговое соглашение и финансовую поддержку — от твоей страны — я лишусь своих денег. Поэтому, я попыталась представить себя на Королевском рынке брака настолько элегантно, насколько

было возможно. Только вот... — вздохнула она, — Кристиан, мне больно говорить об этом, но... мы не подходим друг другу. Совсем.

Ну-ну, серьёзно?

— Я...

— Ты кажешься достойным мужчиной, но между нами нет искры. И ничего общего. Я насмотрелась на родителей, за плечами которых брак без любви, но полный неприязни. И я отказываюсь проживать такую же жизнь. Кроме того, я люблю другого, и не полюблю тебя, с деньгами или без.

Кстати, об эго. Ей было скучно со мной?

— Я сейчас в Женеве. Я сбежала с Альфонсо, мы поженимся сегодня вечером. Любовь — это нищета — то будущее, которое я без сомнений предпочту обеспеченному и нудному мужу.

У меня язык отсох. Конкретно, невероятно, тупо нет слов. Подумать только, всего несколько минут назад я считал, что моя жизнь — полный отстой.

— Как ты понимаешь, моя семья ничего не знает. Я оставила Эльзе письмо, но она на благотворительном вечере. Так что она узнает сегодня вечером. Так я о чём, Кристиан. Я убеждена, что моя сестра влюблена в тебя. И если не ошибаюсь, ты тоже в неё влюблён.

Не мешкая, я ответил:

— Да.

— Я видела, как вы танцевали в последний вечер Саммита. Никогда ещё я не видела, чтобы Эльза так смотрела на кого-то, как на тебя. Будто бы она встретила своего Прекрасного Принца. К тому же я провела с тобой достаточно времени, чтобы понять, что ты никогда не посмотришь на кого-либо так, как смотришь на неё. Вы оба исчезали каждую ночь, когда все остальные трахались, упивались до отключки или оплакивали свои судьбы. Все в замке знали, что вы влюблены друг в друга. Все. Вот сколько раз мы на вас натыкались, когда вы прятались ото всех?

На мгновение меня охватил страх, что это лишь сон, потому что впервые за всё время нашего знакомства, я слушал её, затаив дыхание.

— Эльза совсем сникла, когда мы вернулись домой. Стала скрытной. Обиженной. Огрызалась на всех. А какой во дворце разразился гром, когда наша мать наняла организаторов свадеб. Эльза совсем слетает с катушек всякий раз, когда звонит бедняга Матье. Она должна встретиться с ним на следующей неделе в Париже. Мама велит ей с невозмутимым лицом изображать на людях влюблённость. Думает так привлечь к Ваттенголдии внимание и привнести романтический ореол. Наследница короны, влюблённая в принца без страны, в городе огней? Её Светлость полагается на то, что глянцевого журнала будут судачить о такой сказке. И лелеет надежду о том, что Ваттенголдия ещё долго будет на языках людей по всему миру.

Да чтоб мне провалиться, чтобы я позволил кому-то там подарить Эльзе сказку.

— Кристиан, я хотела бы извиниться за то, что мы не поженимся, но... так как я безумно влюблена в своего жениха, я не принижу того, что мы чувствовали друг к другу этой ложью. Но если ты испытываешь что-нибудь к моей сестре — хоть самую малость — мой тебе совет ехать на следующей неделе в Париж. Останови Эльзу от самой большой ошибки в её жизни. Она, без сомнений, будет потрясающим монархом, но не ценой же личного счастья, — она сделала паузу. — Я также не сомневаюсь в том, что наши родители шантажировали и её тоже.

Хоть я и сам был в подобной ситуации, но во мне закипала кровь от мысли о том, что

кто-то может вынуждать Эльзу делать что-либо против её желания. Что, блин, не так с нашими родителями? Со всеми монархами мира?

— Я сожалею, — сказал я Изабель. За её словами чувствовалось раздражение. — Ты не поедешь в Париж?

— Чёрт, да, поеду, — ну её, эту Волчицу. — Приношу извинения за то, что ошибался в тебе. Я был ещё тем кретином. Но ты права, мы не подходим друг другу. Ни капли.

— Люди часто меня недооценивают. Удачи тебе, Кристиан. Я просто подумала, что будет справедливо, если ты будешь знать, ведь уже через час, когда их Светлости осознают, что я сделала, всё это дерьмо разлетится по свету.

Мужской голос на заднем фоне пробубнил что-то на немецком. По-моему, это было: "Пора идти, моя сладкая кобылка".

Да, вот они точно друг другу подходят.

— А, да, Кристиан?

— Ага?

— Альфонсо немного порылся во дворце по моей просьбе, пока я была в Калифорнии. Сразу после нашего первого совместного завтрака на меня напала паника, и я позвонила ему, просила его о прощении и о том, чтобы он проверил кое-что, от чего сама я была слишком далеко. Это, конечно, государственная измена, но... я должна была узнать, почему родители так отчаянно пытались составить нам такие выгодные пары. Должно было быть что-то ещё, а не просто жажда увеличения числа транспортных маршрутов и проектирование ловушек для туристов, — с другого конца связи донёсся громкий выдох. — Её Светлость приблизила династию Васа к банкротству. Детали мне не известны, но ясно, что отец в курсе этой проблемы. Полагаю, именно поэтому они так жаждут денег Матье, как и твоих. Им нет дела до модернизации технологических инфраструктур судовых реестров. Быстро переговорив с другом, я узнала, что Парламент уже покрыл их. Всё это лишь для того, чтобы не допустить скандала.

Я был в бешенстве. При той репутации, что была у Густава в ЕС, он желал продать своих собственных детей, потому что его жена растратила их деньги? Кто на такое способен?

Эльза заслуживала большего. Что уж там, и Изабель тоже.

— Помоги моей сестрёнке найти необходимую защиту, чтобы расправиться с нашими родителями, — сказала мне Изабель. — Поцелуй её от меня, и скажи ей, что я позвоню ей через несколько недель, как только освоюсь в Германии, в семье Альфонсо.

Я положил трубку и повернулся к Паркеру, тихо присвистнув.

В полном недоумении он спросил:

— О чём это вы?

О надежде, наверное. О прекрасной, мать её, надежде!

Я похлопал его по плечу, ухмыляясь как придурок. Я был уже непотерян, как час назад, а полон сил и энергии.

— Надеюсь, ты не против сегодня попозже лечь спать, потому что нам нужно придумать план.

Глава 44

Эльза

Всё во дворце перевернулось с ног на голову. Изабель оперилась и ушла, чтобы ухватить свою сказку за хвост.

"Дорогая Эльза,

Жизнь слишком коротка, чтобы прожить её в несчастье, в браке без любви. Двадцать шесть лет собственных наблюдений доказали мне это, как, я уверена, и тебе. Поэтому мы с Альфонсо сбежали. Я слишком сильно люблю его, чтобы отпустить. Как эгоистично с моей стороны, не так ли? И всё же, только эту правду я готова принять.

Умоляю тебя, не бойся признать свою правду, как и..., особенно ту, которую велит сердце.

Твоя

Изабель"

Таким образом сестра выказала своё неуважение родителям и решила прожить свою жизнь так, как хотела сама, с тем, с кем решила. Честно говоря, я завидовала ей. И была так поражена этим поворотом событий, что даже не знала, что сказать. Но я бы дала ей пять, если бы она стояла передо мной.

Её Светлость рвала на себе волосы от ярости из-за этих событий, вызывая к себе весь персонал по одному из тех, кто регулярно контактировал с сестрой, чтобы лично допросить, доводя многих до слёз. Посвящала ли Изабель вас в свои планы? Помогали ли вы скрывать скандальные отношения с конюхом?

За исключением одного незадачливого охранника, предположившего, что видел, как автомобиль Альфонсо отъезжал посреди ночи, никто не смог добавить к её расследованию чего-либо существенного.

Спустя несколько часов пыток прислуги моя мать выпроводила всех прочь, чтобы в кабинете отца осталась только наша семья.

— Как Изабель могла сделать это? — свирепствовала она. — Неужели она не понимает, к каким последствиям приведёт её поступок?

"Даже очень хорошо понимает", — промурчала я про себя.

Мать продолжала, проговаривая слова так неистово, что теперь её губы неприглядно украшала слюна:

— Мы должны найти её, прежде чем ущерб будет слишком велик. Что подумает Великая Герцогиня, когда узнает об этом? Если хоть слово просочится наружу... — она остановилась. Повернулась к отцу, её лицо заметно побледнело. — Мы должны быть уверены, что никто во дворце не свяжется с прессой.

— Весь персонал при найме на работу подписал соглашение о неразглашении, — деликатно напомнила я.

Оставленная Изабель записка впоследствии была растерзана на кусочки, пока чернила не исчезли совсем. Меня тоже допросили, хотя и помягче. В итоге, я призналась родителям, что знала об отношениях сестры с её инструктором по верховой езде.

Мои показания чуть не довели Её Светлость до сердечного приступа.

Дворец ушёл в изоляцию. Мобильные телефоны были конфискованы у каждого работника, но оставлены рации в качестве единственного средства связи за пределами жёстко контролируемой общей телефонной линии. В момент особо острого приступа паранойи был отобран даже мой личный телефон, несмотря на мои уверения, что я ни за что не продала бы свою сестру журналистам.

Мои аргументы никого не интересовали. Что отец, что мать, они могли думать только о

том, как бы им избежать ненужной шумихи.

Его Светлость отдал распоряжение Биттнеру связаться с частным детективом, чтобы выследить местонахождение Изабель. Целью родителей было во что бы то ни стало вернуть сестру обратно в Ваттенгольдию и наставить на путь истинный. Или, как минимум, найти решение, как разрулить эту ситуацию, пока слухи не дошли до Великой Герцогини Эйболенда.

Далеко за полночь, когда я выходила из кабинета отца, я случайно услышала, как мать прошептала:

— Густав, что нам делать? Без Эйболенда мы...

— Да помолчи уже, — весьма грубо оборвал её Его Светлость. — У нас по-прежнему есть соглашение с Шамбери, — он повысил голос, — Эльза? Не забудь закрыть за собой дверь.

Я сделала, о чём попросили, но их слова крутились в моей голове весь остаток ночи.

Меня встревожило то, насколько обеспокоенной была моя мать.

— Я разобрался со своими делами, чтобы мы смогли посетить самые лучшие достопримечательности Парижа.

— Я уже бывала в Париже, — сообщила я Мэтту. Знаю, я совсем превратилась в стерву, но от одной лишь мысли о том, чтобы играть в восторженную и заботливую подружку мне хотелось выброситься из окна. Следую примеру смелой сестрёнки.

Его слова звучали статично с другого конца провода стационарного телефона:

— А была ли ты там с тем, кто действительно хорошо знает город?

— Забавно, но я отчётливо помню, как ты говорил мне, что ты считаешь себя нью-йоркцем.

В комнате находилась одна из маминых помощниц, от неловкости старающаяся слиться с обоями и картинами, нежели подслушивать, как было велено. Она должна была следить за тем, чтобы я не упоминала в разговоре наш семейный скандал. Более того, мне не разрешалось покидать территорию дворца без сопровождения.

Они боятся, что я тоже убегу. И, если честно, это не шло ни в какие рамки.

До меня донёсся звук безропотного сожаления.

— Эльза, я просто стараюсь. Я знаю, это не предел мечтания для нас обоих, но важно то, что мы хотя бы стараемся. Так?

Вообще, да. Только не тем способом, какой он предлагает.

Я скользнула в открытую дверь на балкон своего кабинета. На улице моросило, холодные мягкие слёзы посыпали скалистую землю и серое, рассерженное море. Я понизила голос, идя на риск привести мать в бешенство отчаянной попыткой:

— Моя сестра сбежала.

Между нами повисло молчание. — С Кристианом?

— С её инструктором по верховой езде, — я поведала ему голые факты произошедшего; и в конце, думаю, он испытывал такую же зависть и шок, как и я от сообразительности Изабель.

Быстро оглянувшись назад, я заметила, что помощница сунула нос в книгу, и казалось, что она совершенно ничего не заподозрила.

Я решила послушиваться и дальше, теперь с налётом жестокой честности.

— Мэтт, я ценю твои старания. Правда. Но, я просто не могу притворяться, что я на седьмом небе от этой затеи. Ты нравишься мне, правда, но...

— Мы уже пришли к знаменателю, что никто из нас в другого не влюблен, — он прочистил горло. — Зря сотрясаешь воздух.

— Только если это не то, что мы оба хотим, тогда...

— Неважно, что я хочу, Эльза. Уже неважно.

Тихое отчаяние и злость едва чувствовались через расстояние.

— В смысле?

— В смысле... — он слегка выдохнул. — Иногда приходится делать то, что лучше для других, а не для тебя.

Меня напрягала грусть в его голосе, как и та покорность, что вытаскивала каждое слово, словно это была борьба.

— Именно это ты делаешь?

— По-моему, мы оба это делаем? — парировал он.

— Тогда...

— Прости меня. Серьёзно. Но я не могу отменить это соглашение. Я бы очень хотел, но у меня связаны руки.

С этого момента никакие расспросы не помогли разгадать загадку — на что же он намекал. Ещё долго после того, как закончился наш разговор, мне было не по себе от инсинуаций, спрятанных за его словами. Было что-то, что он недоговаривал мне, хотя это не так уж и удивительно. Мы не были лучшими друзьями, чтобы делиться самыми сокровенными, самыми заветными надеждами и мечтами друг с другом. Мы не были родственными душами.

Тем не менее, мы с ним в одной лодке.

КРБ вынудил нас сесть в эту ловушку. Мне никогда не приходило в голову, что, возможно, на кого-то из нас оказывали ещё больше давления.

Я тут же направилась к шпиону матери.

— Я хочу позвонить моему личному секретарю.

Как же бесило то, что я должна спрашивать на это разрешение.

Женщина вытащила из своего чемодана бумажку и пробежалась по ней глазами. Из-под воротника её рубашки, вверх по шее прокрадывался румянец.

— Леди Шарлотта есть в одобренном списке Её Светлости, Ваше Высочество. Позвольте мне набрать её номер для вас.

Мои зубы сжались так сильно, что зубная эмаль могла потрескаться. Родители совсем вышли из ума.

Когда Шарлотта ответила, я снова стала медленно продвигаться на балкон, понижая голос, чтобы эта надсмотрщица не могла меня расслышать.

— Что-нибудь было слышно от Ч.Д., которого ты нашла, чтобы разузнать про Матье?

— У меня будет отчет примерно через неделю, — сказала она. — Я настояла на тщательном расследовании.

— Добудь его раньше.

Потому что, возможно, моя сестра была права.

Глава 45

Кристиан

Прошло три дня со звонка Изабель, как меня вызвали в кабинет Великой Герцогини. Только я оказался там, как мне потребовалось всё моё самообладание, чтобы не рассмеяться

в её накачанное ботоксом лицо. Потому что как только я увидел его, такое натянутое и напряженное от набирающей силу ярости, я понял, что она знает.

Я должен Изабель бокал хорошего шампанского. Целый ящик шампанского.

Она махнула своему личному помощнику, чтобы тот вышел, и подождала, пока за ним щёлкнет дверь, чтобы заговорить.

— Сегодня позвонил Принц Густав, и то, что он сообщил, мне очень... — она сложила перед собой свои худосочные руки с побелевшими от гнева пальцами, — не понравилось.

Так сложно изображать какое-либо любопытство, когда всё, чего тебе хочется, это кричать в злорадстве: "Отсоси, Волчица!" — удерживая перед лицом матери и правителя средний палец.

Какой же это, блин, сказочный момент!

С кислой миной она рассказывала мне то, что я уже знал. Она кипела от злости, пока оплакивала потерю гарантированных связей с Ваттенгольмией. Брызгала слюной, когда описывала Изабель как никудышное, жалкое подобие представителя королевской семьи. Когда она немного успокоилась, я не дал ей того, чего она хотела, или, чёрт, чего вообще ждала от меня. Я не стал выказывать своего негодования, как и не стал демонстрировать радость от выслушивания того, что её планы пошли к чертям собачьим. Я просто кивнул в знак принятия к сведению её слов, а потом дождался, когда она меня прогонит.

Теперь ей нечем было шантажировать меня. Отец, брат... да даже Паркер теперь были в безопасности. Мне только были нужны гарантии, что всё так и останется.

В то же мгновение, как я покидал комнату, она сказала:

— Кристиан, действия, подобные тому, что совершила Изабель, не допустимы в нашем доме.

Я повернулся к ней, предварительно стерев со своего лица эмоции.

— Если ты или Лукас осмелитесь ослушаться меня или будете гнуть свою линию, пытаясь жениться на ком-то, кого я не одобряю, вы пожалеете о том дне, когда родились в таком знатном роду.

Я был в слишком хорошем настроении, чтоб повести себя неблагородно. Я пожалуй ей свой скромный подарок на прощание. Дверь широко распахнута. Её личный секретарь сидел за своим столом, и ещё несколько других помощников слонялись по комнате.

— Слишком поздно, Ваше Высочество. Я уже сожалею о том, что принадлежу этому, так называемому, знатному роду. Думаю, что любой бы сожалел, имея такую мать, как ты. Ни одна корона не стоит этого кошмара.

Настырная улыбка, наконец, вырвалась наружу, когда за моей спиной раздался её вой возмущения. Услада для моих ушей!

Глава 46

Эльза

— Теперь, когда твоя сестра пустила свою жизнь под откос, — говорила мама, — мы надеемся, что ты продолжишь традиции династии Васа, и наша семья будет гордиться тобой.

Она следила за тем, как я собиралась в Париж. Обычно моими сборами занималась Шарлотта, но после побега Изабель и высказанных мною аргументов, Её Светлость, похоже, не слишком доверяла мне самой паковать свои чемоданы. Что ещё хуже, Шарлотта даже не поедет со мной. Зато поедет личная помощница, кроткая, но лишённая чувства юмора,

женщина по имени Грета. Наверное, могло быть и хуже — если бы мать поехала со мной, но её удержала дома череда домашних обязательств.

Вот теперь я и в самом деле заточённая в средневековом замке принцесса.

— Издеваешься? — спросила я её с кресла, в которое была отправлена. Грета, в тот момент вышедшая из комнаты-шкафа с охапкой из платьев и пальто, вздрогнула от моей дерзости. — Нет, ну правда. Какого хрена ты издеваешься надо мной?!

Предупреждением стало моё имя, слетевшее с кроваво красных губ Её Светлости.

Я была вне себя от злости, и её неодобрение лишь подначивало моё сквернословие, которое она так ненавидела в моих устах. Вот уже несколько дней всё, что я слышала от моих родителей и государей, было: "Езжай в Париж; сделай так, чтобы пресса поверила в вашу любовь и сочла её сказочной". От себя я ещё раз проинформировала Мэтта, что не хочу выходить за него замуж. Я напрямую спросила его, не шантажируют ли его ради нашего брака. И всё, что я получила в ответ, было молчание.

Меня охватила паника. Я не могла поверить, что это происходит. Всё это действительно происходит.

— Почему ты так горишь желанием выдать меня замуж именно за него? — Грета поспешила вернуться в шкаф, когда я повысила голос на женщину, подарившую мне жизнь. — Какой матерью надо быть, чтобы отправлять на это свою кровь и плоть?

Кто-нибудь ответит мне? Хоть кто-нибудь!

Женщина, чей ответ я бы предпочла, встала, поправляя свои брюки:

— Отчаявшейся.

Теперь моя вера в свою правоту окончательно пошатнулась. Отчаявшейся? Отчаявшейся от чего? От модернизированных технологических систем в судоходстве? Большая часть ваттенголдской торговли ведётся корпорациями, основанными на нашей земле, работающими под нашими флагами за плату, как правило, намного меньшую чем у них на родине. Наш собственный торговый флот — просто крошечный.

Почему они настолько заикнулись на усовершенствовании каких-то несколько дюжин кораблей?

— Почему в отчаянии? — я вторглась в её личное пространство. В моих ушах звенел тревожный колокол. — Поговори со мной, мама. Может быть, вместе мы сможем найти решение той проблемы, о которой ты беспокоишься, если мы просто...

Она отвернулась и покинула мою комнату до того, как я закончила вопрос. При этом она успела резко отдать приказ Грете, чтобы та проследила за тем, чтобы я достаточно отдохнула перед утренним отлётом в Париж.

Я прошла к своему столу и достала лист бумаги. Затем я написала письмо Шарлотте, потребовав, чтобы та озадачила Джозефа на предмет судоходных технологий... и рассказала о том, какое грязное бельё она нарыла относительно ситуации с Мэттом и его семьёй.

Так или иначе, но я получу ответы. Я должна их получить.

Глава 47

Кристиан

— Ты уверен в этом?

Лукас подкатил ко мне по столу пиво. Его тёмные глаза было невозможно прочитать, но это не проблема. Я и так знал, что мой братишка имел в виду, и какие вопросы стояли за

этими четырьмя простыми, но взвешенными словами. Более того, я точно знал, что он думал об этом, даже если никогда не сказал бы об этом прямо.

Сейчас мы были с ним одни. Паркер уже был внизу, ждал меня, но мне нужно было поговорить с братом до того, как сяду в самолёт.

Передо мной был стаут, с пеной, как я люблю. Я позволил приятной горечи струиться по моему горлу, после чего ответил ему:

— Да, уверен.

Он медленно кивнул.

Я поставил стакан и спросил:

— Были проблемы?

Стаут брата так и не был тронут.

— Ничего важного. Но Гуннар вызывает уважение. Он... своеобразный, но своё дело хорошо знает.

Теперь уже я кивнул.

— Держи меня в курсе дел. Я хочу, чтобы всё оставалось на своих местах, на всякий случай...

На тот случай, если Волчица пронюхает о семейном предательстве.

Люк тяжело выдохнул. После чего он протянул свой кулак. Я ударил его своим побратски, и затем встал, чтобы исчезнуть.

Глава 48

Эльза

Грета проспала весь путь до аэропорта Руасси, что даже было хорошо. И ей, вероятно, это тоже во благо, учитывая моё паршивое настроение. Вообще-то, родители сопроводили меня до аэропорта, чтобы лично удостовериться, что я сяду на наш личный самолёт. За это время было несколько напряжённых моментов, когда я боялась, что они за мной и на трап полезут. Но вместо этого отец тихо сказал:

— Я знаю, что тебе не нравится эта ситуация...

— Не нравится — мягко сказано. — Я говорила с ним как никогда холодно. В тот момент у меня не было ощущения, что я говорила с отцом. Как и не было ощущения, что я говорила с моим государем. Во многих отношениях.

Это был разговор с тюремщиком.

— В жизни каждого правителя бывают моменты, когда делаешь что-то ради общего блага, а не своего, Эльза.

— Ваше Высочество, я говорю это вам, моему отцу-монарху, со всем уважением, присущим наследнице короны, но пока ты здесь не для того, чтобы сказать мне, что ценишь мою жизнь и мой выбор, меня как личность и твою дочь, а не как часть своего движимого имущества, который ты можешь использовать для продвижения своих собственных планов, я бы всё же лучше села на самолёт, чтобы лечь под богатенького дядю, которого ты выбрал для меня.

Тем самым я сильно разозлила его, что было вполне приемлемо. Я и сама была в бешенстве.

В течение многих лет я равнялась на своего отца. Он был отнюдь не совершенством, но, по большей части, примерным и популярным Принцем, безмерно влюблённым в

Ваттенгольдию. Я старалась походить на него, чтобы быть таким же маяком надежды и служения нашей конституционной монархии. И сейчас... Сейчас я не знала, что думать, не говоря уже о том, что чувствовать к нему и к матери.

Шамбери зарезервировали для меня комнаты в одном из самых уважаемых отелей во всём Париже. Мой номер, естественно, был роскошным и великолепным, но красота ничего не значила, когда за неё приходилось платить личной свободой.

К счастью, Грета должна была жить в другом номере, и вообще на другом этаже. Думаю, мы обе испытали облегчение, узнав об этом. Она приятная женщина, но она же не нянька. И не должна быть ей, Боже упаси! Она личный секретарь Королевы Ваттенгольдии. И нет такой причины, по которой она должна была порхать над Наследной Принцессой так, будто стоит ей отвернуться, как я обколюсь наркотиками или пойду вертеть голым задом на барной стойке.

— Я могу ещё быть чем-то полезна сегодня, госпожа? Может, подать еду?

Мои глаза были прикованы к виду Эйфелевой башне вдалеке, когда я сообщила Грете, что устала и всё, чего я хочу, это спать.

— Не стесняйтесь, звоните, если передумаете, — сказала она мне. — А, да, на столе в гостиной — прекрасные подарки для вас.

Я дождалась, когда за ней защёлкнется дверь, чтобы дойти до гостиной и посмотреть, о чём она говорила.

Меня ожидал огромный букет цветов от Мэтта — или, скорее, от семейства Шамбери. "Добро пожаловать во Францию" — было написано в открытке. — "С нетерпением ждём встречи с тобой".

Как же мне захотелось разорвать в клочья каждый прекрасный цветок!

Рядом с букетом стояла приветственная корзинка от отеля, наполненная фруктами, шоколадом, вином и другими вкусностями, которые, как они ошибочно думали, заставят меня думать, что я попала в рай.

Моему огорчению не было предела.

Я уже собиралась принять душ, как заметила на столе ещё один предмет. Ненавязчиво зажатой между цветами и корзиной оказалась коробочка, перевязанная синей лентой. Записки на ней не было.

Я аккуратно развязала ленту и посмотрела в коробку. Внутри лежал смартфон с жёлтым стикером сверху, который инструктировал меня включить его.

Я была достаточно заинтригована, чтобы так и сделать.

Телефон был непритязательным. В нём не было приложений, кроме того, что идёт с базовой моделью, и не было ничего, что бы указывало на смысл всего этого. Я перевернула изящный прямоугольник в моей руке, но и там не было никаких отметок.

Я нажала на список контактов — ага! В нём был номер, принадлежащий некому "К", с цифрами, которые мне были знакомы очень хорошо. Только от вида их мне захотелось одновременно плакать и смеяться.

В кровь ворвался кислород, когда трясущиеся пальцы коснулись кнопки "позвонить". Затем... Звонок. Только гудки отзывались звоном откуда-то недалеко.

Он исходил прямо из-за двери в мой номер.

Из-под моих ног, на низких каблуках, ушла земля, весь воздух покинул лёгкие, пока я, лёгкая как пушинка, припала к двери. Поэтому до боли знакомый голос, проходящий сквозь пластик и металл в моей руке, чтобы осесть в голове и сердце, ставил моё бодрствование под

сомнение.

Щипок за руку убедил меня в ясности сознания, а потом и в чудесной, очаровательной надежде. Потому что голос Кристиана просачивался через покрашенную деревянную дверь, разделявшую меня с коридором.

Я приподнялась на цыпочках, глядя в маленький золотой глазок. Там, как по волшебству, как в сказке, стоял предмет моих мечтаний. Кристиан стоял по другую сторону этой богом забытой тюрьмы с суровой щетиной, одетый в футболку, фланелевую рубашку, джинсы и бейсбольную кепку... как будто... будто он был обычным парнем, а не принцем. Словно он был просто Кристианом, навещающим Эльзу. А не Наследный Великий Герцог Эйболенда, тайком пробравшийся в одиннадцать часов вечера к номеру Наследной Принцессы Ваттенголдии в "Георге V".

— Открой дверь, Эльз, — тихо пробурчал он. Не в телефон, а мне, словно он знал, что я уже раздевала его глазами.

Поэтому я открыла.

В то мгновение, когда все преграды, разделявшие нас, наконец, были преодолены, слова, что вертелись у меня на языке эти две несчастные недели, совершенно вылетели из моей головы. Были только он и я, и больше ничего не имело значения. Ни мои родители, ни его, ни Мэтт, ни что-либо ещё.

Мои пальцы добрались до его рубашки и слегка вцепились в серую, полинявшую ткань, пока он не пал жертвой очевидного магнетизма между нами. Как и я сама. Он вошёл в комнату, в то же время закрывая дверь пинком, посылая трепет вдоль моего позвоночника и ниже, превращая моё тело в живой, горячий провод, готовый воспламениться. Сейчас его глаза, такого удивительного, выразительно янтарного цвета, расширились и стали ещё темнее. В них читались страсть, облегчение, и щемяще прекрасное количество нежности, вызывавшие во мне столько смирения и волнения, сколько не мог ни один другой взгляд.

Его голос был хриплым и сексуальным, когда он промурчал моё имя. В этом было столько истинного вожделения, и только для меня, что было совершенно невозможно сдержаться, чтобы не провести нежно пальцем по его манящим губам. Как могло моё имя, когда-то считавшееся скучно старомодным, звучать так невероятно чувственно из его уст?

Он здесь. Я здесь. Мы здесь, и мы вместе.

Нам так много нужно друг другу сказать. Обдумать. Но всё, что я могла вымолвить, это то, что было важно:

— Поцелуй меня.

— Я уж думал, — сказал он мне своим восхитительным голосом с акцентом, — ты никогда не попросишь.

"Оу, а он вообще умеет целоваться?" — мечтательно размышляла я, когда губы Кристиана встретились с моими. Они дразнили, мягко разжигая желание, вызвавшее мощное землетрясение в самом центре моей груди и цунами в моих трусиках. Потребность мучительно переплеталась с экстазом, и сквозь туман блаженства, заполнивший мой номер, я поняла вот что: мне никогда не приходилось чувствовать подобное. Ни с Нильсом, ни с Тео, ни с кем из тех, с кем была близка. Я хотела их, да, но это было подобно маленьким глоткам из стакана воды в сравнении с тем, чтобы, потерявшись в пустыне, неистово желать утолить сокрушающую жажду.

Я зарылась руками в его роскошную темную шевелюру, чтобы притянуть его ближе, восхищаясь тем, какими мягкими и шелковистыми были локоны. Сыпучие завитки оплели

мои пальцы, и в награду я получила прекрасный, сексуальный звук, исходящий из глубин его груди.

Кстати...

Я выпустила его шикарные волосы, поклявшись вскоре к ним вернуться, ради того, чтобы медленно стянуть с его атлетических плеч фланелевую рубашу. Мои пальцы легонько пробежались вдоль его рук, пока он не содрогнулся от моих касаний. Да, мои жадные мысли так и лезли в голову. Чем дальше, тем больше.

Следом была снята футболка, и, о Боже! — его грудь — его рельефная, крепкая, красивая грудь, которая отправила бы любого голливудского актёра нервно курить в туалете — была здесь, чтобы я трогала её. Ко мне пришла ещё одна мысль, очень настойчивая: *мой*.

Я упёрлась в дверь, в ту самую, через которую он вошёл, и когда он прижался ко мне, то мне было приятно узнать, что он был также возбуждён, как и я. Как же здорово осознавать, что у этого мужчины эрекция, потому что он со мной. Потому-что он трогает и целует меня. Сильная нога скользнула между моих бёдер, широко разведя их в стороны. Я тяжело дышала, ведь я так сильно хотела его. Он снова прошептал моё имя, и если бы я уже не была мокрой, то стала бы такой, от этих чувственных, томных звуков из его уст.

Как вообще мысль о том, чтобы отказать ему, когда-то казалась мне здоровой?!

Его пальцы повторили мои действия: они поднимались, едва касаясь моих рук, электризуя каждый волос на моём теле. Вдоль локтей, обходя плечи, чтобы коснуться ключицы, а затем вниз, слегка задевая мои соски.

О, небеса! Я опасно близка к тому, чтобы зарыдать от желания. Сделай так ещё раз!

Но мне не пришлось говорить это вслух, ведь он сделал то, что я хотела — короткими, лёгкими прикосновениями, от которых я совсем вжалась в дверь. Его горячие губы добрались до моей шеи, и стрела молнии пронзила меня до самого основания, когда он о — как — же — нежно посасывал её.

Я этого не переживу. Боюсь, что я просто растаю, прямо на этом месте.

Когда его зубы покусывали мочку уха, его пальцы перебрались вниз, чтобы развязать пояс на моей талии. Моя рука блуждала за спиной, нащупывая дверной замок. Он отстранился, в любопытстве, и в эту одну несчастную, великолепную секунду я засмеялась.

— Ты уже не со мной? — его голова опустилась к моей, теребя носом мою щёку. — Ты отвлеклась, смеёшься... не то, чтобы мне не нравится твой смех, просто...

Я взяла его за подбородок, покусывая его нижнюю губу.

— В этот раз я никому не позволю помешать нам. Не стоит доверять ещё какой-нибудь кастрюле упасть и всё испортить. Поэтому, пока я окончательно не потеряла рассудок, я должна запереть дверь.

Он дотянулся ещё выше, до засова. Тихое шипение металла по металлу сообщило мне, что можно продолжать.

— Эльз?

— Крис?

Он ослепительно улыбнулся.

— Я готов помочь тебе потерять рассудок. Поцелуй же меня.

Что я с радостью и сделала.

Прошла вечность, или час, или всего одна минута, как Кристиан растегнул все малюсенькие пуговицы по всей длине моего платья-рубашки. Его края были широко распахнуты, делая меня уязвимой перед его пылким взором.

Я увидела, как он сглотнул.

— Без лифчика?

Я покачала головой, рассыпая по плечам свои тёмные волосы.

— Господи, — он аккуратно взял в свои большие ладони мои груди. Потом тише, — Господи, — и провёл большими пальцами с обеих сторон вдоль линии груди, касаясь моих чувствительных сосков, и я закусил губу, чтобы мой стон не звучал слишком громко.

Он моментально убрал одну руку с груди, чтобы перенести на моё лицо, поворачивая его так, чтобы я посмотрела на него.

— Больше ничего не скрываем.

От смята, которое, по всей видимости, появилось в моём взгляде, он добавил:

— Я не хочу, чтобы ты сдерживала настоящую себя, когда ты со мной. Не здесь, не сейчас, никогда. Не опять. Если хочешь кричать, или стонать, или смеяться, или делать что-то ещё, когда я касаюсь тебя, делай это. Потому что, уверяю тебя, я хочу слышать всё это.

Для верности он приник губами к моей груди, в тот же миг выманив из меня стон. Я совсем обезумела в исступлении, и всё равно молилась о том, чтобы это происходило наяву.

— Знаешь, я ведь мечтал об этом... — пробурчал он. — О том, чтобы моё имя слетало с твоих прекрасных губ каждый раз, как я довожу тебя до оргазма. Представлял себе это все эти недели. Когда был на собрании... — его губы снова вернулись к моим, а язык проводил по месту слияния губ, пока я с радостью не впустила его. — На благотворительном ужине... — снова поцелуй, на этот раз более страстный и долгий, чем до этого, отчего я начала извиваться, задевая его ногу. — За ужином... — его губы снова спустились на шею, засасывая ещё сильнее. — Везде. Всё, о чём я мог думать, была ты, и то, как сильно, о как же сильно, я хочу тебя. Как я желал тебя такой, — теперь тише, — я никого так не хотел, как тебя, Эльз.

Он стал снова опускаться ниже, пока его губы не вернулись к моей изнывающей груди. Но его язык дразнил, лишь слегка касаясь кончика моего соска.

— Мне нужно знать... Я один, кто фантазирует и хочет всё это?

— Боже мой, нет, — мой голос был едва слышен. Он украл не только моё сердце, но и моё дыхание.

Вообще-то я никогда и никому раньше не говорила эти три слова, кричащие в моей голове. Ни Нильсу, ни даже моим родителям или сестре.

Он медленно спустил платье с моих плеч и приложил ладонь к моему лицу.

— Я знаю, что веду себя сейчас как эгоист. В первую нашу встречу ты ясно дала мне понять, что не хочешь...

Я закрыла его рот пальцами.

— Я не знала тебя тогда. Если бы знала... — я вновь не смогла сдержать смеха. — Наверное, я бы сорвала с тебя одежду прямо там, посреди того коридора, и сама бы забралась на тебя.

Мои пальцы ощутили поцелуй.

— Это было бы неприлично, так не считаешь?

— Неприлично, и всё же идея отличная.

— Я рад, что ты сказала то, что сказала тогда. Потому что так ты дала мне шанс узнать тебя, — он смахнул прядь волос с моего лица и заправил её за ухо. — И ещё, Эльз, знакомство с тобой стало одним из самых прекрасных событий в моей жизни.

Я готова была до потолка прыгать от радости.

— Я тоже.

— Ты, наверное, думаешь, и как это я узнал, что ты здесь...

— Шарлотта, — сказала я с облегчением. Как я люблю Шарлотту!

— Да, отчасти от Шарлотты, но также и от Изабель, позвонившей мне в день её бегства и задавшей мне очень важный вопрос.

Моя сестра?

— Что...

— Она спросила меня, люблю ли я тебя. Я сказал ей, что "да".

Время остановилось. Просто затормозилось ради восхитительной остановки, и всё, что осталось сейчас, это этот момент, вместе с ним.

— А ещё она сказала, чтобы я тащил свою задницу в Париж, потому что она была уверена в том, что ты тоже любишь меня.

И когда Изабель успела так поумнеть?

— Ты тоже так думаешь?

— Я надеюсь.

Все те слова, что заполняли каждый атом моего существа, оказались застрявшими в вязком масле, взявшемся из ниоткуда на стенках моего горла. Потому что... потому что, раз открывшись другому, ты уже не сможешь забрать слова обратно. Произнеся их однажды, они будут витать в воздухе вечно. Они могут там потеряться, пролететь мимо чьих-то ушей или забыться, но эти слова никогда нельзя забрать обратно.

Но пока я смотрела в его глаза, которые я, вообще-то, любила, на все вопросы о том, могла бы я когда-нибудь отрицать то, что чувствовала к этому мужчине, у меня был чёткий, обдуманный ответ. Поэтому, вместо того, чтобы лететь кубарем в яму с неопределенностью и уверенностью в то же самое время, я широко расправила руки и поддалась чувствам. Я сказала ему:

— Знаешь, я, и правда, по уши в тебя влюблена.

А ещё я была безумно влюблена в его выражение лица прямо сейчас, когда Кристиан, который всегда и во всём был таким идеальным, оказывается, тоже в меня влюблён.

Чёрт, как же я люблю его слишкомость!

— Приятно слышать, — мягко сказал он. — Или мне было бы ужасно неловко.

Я снова засмеялась, и он посмотрел на меня так, словно я просто Эльза, а он просто Кристиан, и мы обычная влюблённая без памяти пара, а не люди, от которых зависят короны, страны и долг перед ними. И я послала наверх малюсенькое желание, про себя, прося, ради всего святого в этом мире, сделать так, чтобы этот человек всегда смотрел на меня именно так.

Как только смех стих, мы занялись изучением друг друга, в тишине гостиничного номера. Часы тикали, люди этого города видели сны, а где-то в других местах земного шара люди просыпались, работали и жили своей жизнью. Но здесь, в этой комнате, где ни одно слово не было сказано вслух, а тихо утопало в коже друг друга, пропускавшей слова через мышцы и кости прямо в самую душу. Регламентированные жизни, к которым мы привыкли и находили удобными, теперь никогда не будут прежними.

Он снова целовал меня, медленно, аккуратно, слегка царапая щетиной гладкую кожу, напоминая о том, что всё это происходит наяву, он реален, и наши слова и чувства официально высказаны и их нельзя отозвать обратно. Не важно, что будет дальше, не важно, что принесёт собой завтрашний день. Наши чувства окончательно вписаны в наши

биографии.

Сейчас я была как никогда уверена в правильности происходящего.

— Я хочу тебя, Эльз, — мои губы обжигал его шёпот. — Господи, я хочу тебя больше всего на свете. Но если ты хочешь подождать, мы можем...

Расстояние между нами становилось больше, хоть и всего на миллиметры. Я не собиралась позволять расстоянию снова разделять нас.

— Если ты не займёшься со мной любовью сегодня, — сказала я ему по-королевски ясно и жёстко, — я больше никогда не буду с тобой разговаривать.

Его твёрдое достоинство яростно упиралось мне в ногу, поэтому я опустила вниз и расстегнула ширинку. Из его рта вырвалось долгое, медленное шипение, когда моя рука скользнула по его трусам (о милосердные небеса, они были красными и чертовски сексуальными) и обхватила ту самую часть, которую жаждала внутри себя. Тогда в замке я успела дотронуться всего на долю секунды, но теперь! Теперь я готова в полной мере изучить Кристиана. Правда... Мне ужасно не терпелось засунуть его в себя.

Я хотела попробовать его на вкус.

— Эльз...

Мне так нравилось то, как он называл меня. Больше никто в мире так не мог. Больше ни у кого не было такого права. Только у него. И всегда будет только у него.

— Сними штаны, Кристиан.

Бровь задорно вздёрнулась вверх, поэтому я уточнила:

— Сними всё.

У меня чуть слюни не потекли, пока я смотрела, как он раздевается догола. Меня охватило сильное желание упасть на колени, потому что обнажённый Кристиан, как я и подозревала, был подобен божеству.

Он подошёл ко мне и провёл рукой вдоль моего живота и ниже, пока не обхватил область между ног. Сквозь моё тело пробежало электричество.

— Твоя очередь, — с моих губ срывались неведомые, измученные стенания, когда он поглаживал меня пальцами взад и вперед. — Ты уже мокрая, не так ли? Даже очень мокрая, — добавил он, улыбаясь, будто ему дали лучший подарок в мире, — даже трусики насквозь промокли.

В другой раз я бы сгорела от стыда, но только не сейчас. Не с ним. Потому что у меня там мокро, и это невероятно; и всё это от того, что я чувствовала к нему, и мне нечего — нечего — было стыдиться.

Он склонился передо мной, чуть не уткнувшись носом в мой пупок. Пальцы медленно отогнули края мои трусиков, и я вновь издала стон, только в этот раз с его именем. Мои руки хватались за его плечи.

— Полегче, тигрица, — его пальцы прошли по коже под тонкой резинкой, державшей на мне трусы. — Раз уж мы не участвуем в групповом купании нагишом, то не думаю, что они тебе нужны, я прав?

Господи, как он прав!

Он тихонько прыснул от выражения на моём лице.

— Рад видеть, что ты согласна. Но перед тем как продолжить, я обязан тебя предупредить, что сегодня я планирую никуда не спешить. Мне нужно познакомиться с каждым миллиметром твоего тела или я сойду с ума.

Сквозь неясное облако похоти меня вдруг ошарашило:

— Нужно?

Он прижался губами к основанию моих шёлковых трусиков, посылая очередной разряд через всё моё тело.

— Да. Нужно.

С каждым последующим поцелуем, я глотала воздух

— По-моему.... ты слишком... — трусики опустились ниже, позволяя ему целовать мою кожу. — Драматизируешь.

— Зато я честен. Чёрт, Эльз. Ты офигенно пахнешь.

Это меня тоже несколько ни смутило. Я и сама в этот момент воспринимало всё чересчур остро.

И вот, наконец, он спустил с меня трусы и швырнул назад через плечо. В течение долгих секунд он молча разглядывал моё обнажённое тело. После чего я ударилась головой о дверь, ведь его стройные пальцы добрались до моей точки удовольствия. Пылкие мольбы были услышаны, потому что теперь его губы последовали за пальцами, и теперь я не просто жадно вбирала воздух. Я кричала его имя. И хоть это ещё не оргазм, я угрожающе близка к нему уже после первого прикосновения.

Он встал, поднимая мне руки над головой.

— Доверься мне, — прошептал он. Когда он поцеловал меня, я ощутила свой вкус на губах — то, что всегда отказывалась пробовать раньше, убеждённая в том, что это отвратительно. Но я ошибалась, потому что сейчас, с ним... Это неимоверно возбуждало.

Прежде чем я смогла сделать следующий вдох, он снова был на коленях, раздвигая мои ноги ещё шире. Мой таз отвечал движениям его рта, за что была вознаграждена, когда в меня проворно скользнуло два пальца.

Не знаю, как я вообще могла удерживаться на ногах. Мои колени были готовы подкоситься в любую секунду. Но я хотела загореться огнём, подобно свече, чтобы потом растаять, когда от меня уже ничего не останется. Потому что уж точно невозможно испытать так много, после чего физически не сгореть.

По другую сторону двери послышался шум от колёс, от дребезжания тарелок, звук шагов. Но несмотря на них Кристиан смаковал меня, облизывал, дразнил. Плюнув на то, что кто-то мог меня слышать, я кричала, и стонала, и делала всё то, что он хотел слышать, но не потому что он просил этого, а из-за того, что он точно знал, как выудить это из меня. И когда я, честно скажу, уже не знала, смогу ли выдержать ещё, он наградил меня, старательно лизнув в последний раз.

И я рассыпалась на сотни — нет, тысячи — мелких осколков, на каждом из которых были написаны наши имена.

Глава 49

Кристиан

Я не стал давать Эльзе время на передышку после того, что, я надеюсь, было первым из нескольких оргазмов за эту ночь. Она была в моих руках, я нёс её через номер, отворяя ногами дверь спальни. Мы легли на кровать, и я впился ей в губы. Я не мог мыслить разумно рядом с ней, и вместо того, чтобы быть нежным и с трепетом осыпать ее поцелуями, я поглощал ее, с пылом и страстью, которые не оставляли мне выбора.

Полагаю, что выбора у меня не было не только в этом. С того момента, как я столкнулся с ней в том узком коридоре в Калифорнии, Эльза завладела моим сердцем, и только в ее

присутствии, я ощущал, что сердце снова со мной. Меня пугало, как всякий раз, когда я думал о ней, отсутствие контроля угрожало стереть с меня все мои обязанности. Обязанности, данные мне при рождении. Обязанности по отношению не только к своей семье, но и целой стране людей, ожидающих, что я займу трон. Кристиан — это настоящее и будущее Эйболенда. Газеты частенько писали про то, как отчаянно страна нуждается догнать двадцать первый век. Я думал о людях, которых встречаю в магазинах. Или на благотворительных мероприятиях. Или на улице. Да где угодно.

Никто никогда не спрашивал меня, что нужно мне. Не то, чтобы я жду от них такого, это было бы высокомерием чистой воды. Моя жизнь посвящена служению. Эйболенд на первом месте, не так ли, Кристиан? Он всегда будет важнее моих собственных желаний и нужд.

Но потом я встретил эту великолепную женщину, и благодаря ей, впервые за свою жизнь, я захотел большего, чем имел. Поэтому я целовал её так, как хотел, потому что она мой воздух, мой солнечный свет, моё тепло, кровь в моих венах. Словно она была причиной того, что мышца у меня в груди билась так тяжело и быстро. Из-за Эльзы я чувствовал, что мог бы быть чем-то большим, и это так заводило, как ни один наркотик или выпивка во всём мире. Быть здесь с Эльзой, пробовать её на вкус и слышать то, как моё имя срывается с её губ, когда она падает мне в руки... Это было самым прекрасным, блин, чувством в мире.

Но я бежал впереди паровоза. Я же обещал себе никуда сегодня не торопиться.

Неохотно я оторвался, глядя на неё сверху при бледном свете лампы, на то, как тёмные волосы рассыпались вокруг её головы подобно хаотическим волнам, по белому, пенистому морю покрывала. На то, как затуманен её взгляд; к радужным оболочкам глаз примешалось сильное желание. На то, как припухли её губы. Она и в правду была Валькирией, или, как минимум, чем-то непостоянным и временным, потому что, конечно же, она не могла быть настоящей. Просто не могла. Наверное, это ещё одна из миллиона фантазий, которые я вообразил себе про эту женщину за последние несколько недель, ведь так?

Её ладонка легла мне на щеку, её губы тёрлись о мои.

— Всё хорошо?

Моё сердце зажато в кулак. Да! Я хотел сказать ей. Да! Но слова застряли в горле — не потому что я боялся произнести их, а потому что было слишком сложно говорить что-то связное сейчас. Поэтому я просто поцеловал её. Долго, страстно, многозначительно. А потом я медленно начал запоминать карту тела Эльзы при помощи своих рук и губ. Прежде, чем я успел что-либо понять, она скользнула на меня сверху, пока я не погрузился в нее так глубоко, что всё, что я мог сделать, это жадно глотнуть воздуха и издать стон. Она такая тесная, и тёплая, и я как будто умер прямо здесь и сейчас, и отправился на небеса, так мне было сладко. И никогда в жизни у меня не было таких ярких ощущений, ни с одной другой женщиной.

Я надеялся, что это случится этим вечером. Было приятно выдавать желаемое за действительное. При этом всё, чего я ожидал, если повезёт, это просто увидеть её. Если бы на небе сошлись звёзды, то я надеялся ещё на шанс рассказать ей о своих чувствах, как бы чертовски страшно это не было. Но о том, что я окажусь в ней, глупо было даже мечтать.

Но вот мы здесь, и это превзошло все мои надежды.

Она склонилась и поцеловала меня так томно, что мне пришлось сдержать извержение. Но потом она поднялась и скользнула обратно, и мои глаза закатились в самую заднюю часть головы, это точно. Я схватил её за зад, и, крепко держа, перекатил нас так, чтобы

теперь я был сверху. Её губы, её удивительные, манящие губы открылись, возможно, чтобы возмутиться из-за смены позиции, но как бы я ни любил спорить с этой женщиной, вместо этого я поцеловал её. Поцеловал её, потому что потребность сделать это ощущалась всем моим существом, проникая глубже в сами атомы и молекулы. У неё ещё будет масса времени, чтобы оседлать меня. Я с радостью позволю ей делать из меня что угодно. Но сейчас, в наш первый раз, я хочу, чтобы это длилось дольше минуты.

Я медленно вытягивал себя из неё, почти полностью; она тихо всхлипывала от расстройства. Я вошел в нее обратно, и так снова и снова, в ровном темпе, заставляя её извиваться и тяжело дышать, шепча мое имя таким голосом, который, я молил, кроме меня, больше никто и никогда не услышит. Это один из самых потрясающих звуков, что я имел удовольствие слышать. Это была хриплая вокализация двух слогов, против которых я так долго бунтовал. Но теперь, когда они исходили от неё, всё было по-другому. Когда наши тела соединялись в самом прекрасном танце, который я когда-либо танцевал, я никогда не был более рад называться этим именем.

Я не знал, как много времени ей нужно, чтобы кончить во второй раз. Совсем мало, подумал я смутно, когда её тело напряглось, а затем стало сокращаться внутри вокруг меня, и тогда я благодарно отпустил себя в свободное падение. Состояние, которое я могу объяснить только как самую чертовски обалденную *le petit mort* (прим. *маленькая смерть*). И вся моя жизнь была полностью сосредоточена на этой одной женщине и на том, какие чувства она вызывала во мне.

Глава 50

Эльза

Спальню отеля заливало ярким солнечным светом, рядом звонил телефон, и, вроде, кто-то ещё стучался в дверь. Я чувствовала себя разбитой и абсолютно измотанной, но потом близость тёплого обнажённого тела напомнила мне о часах, проведённых за самым умопомрачительным сексом моей жизни.

Кристиан действительно был здесь.

В номер снова вернулась тишина, и в эти нежные, туманные мгновения я просто рассматривала его. Он был такой обворожительный, пока спал, немного напоминая мальчишку: тёмные ресницы оставляли тень на его щеках, со лба спадали взлохмаченные волосы, а из груди вытекало ровное, протяжное дыхание.

В моей же груди всё сжалось. Впервые за долгое время я не чувствовала себя свободной — потому что, такая концепция являлась несбыточной мечтой для королевской особы, обязанной своему долгу и стране. Но я была довольная. Нет, не просто довольна — счастлива.

Я смахнула пряди каштановых волос с его глаз, отчего он заворочался, но не проснулся, а лишь придвинулся ко мне ещё ближе. Всё моё внимание было приковано к его обнажённой, вздымающейся и опускающейся груди.

Где-то неподалёку снова зазвонил телефон, возобновились толчки в дверь, нарушившие спокойствие момента.

— Ваше Высочество? — стук стал яростнее. — Ваше Высочество!

Кристиан резко вскочил, ощупывая всё вокруг себя, будто проспал и должен куда-то срочно собираться, и я не могла не заметить, как низко промялись простыни под его тазом.

Боже мооооой, я сойду с ума от его тела. А также: ещё, пожалуйста.

Его голос хрипел.

— Который час?

Час для занятия сексом.

— Ни малейшего представления.

— Что за придурок стучится к тебе в такую рань?

— Все шансы, — сказала я с усмешкой, — что это шпионка матери.

Он прорычал и перекатился так, чтобы обнять меня. Я вернулась к нему в тёплую кровать, улыбаясь как идиотка.

— Привет.

Он тоже улыбался.

— Привет.

Наши губы соединились в нежном, умиротворённом поцелуе, и пока всё прочее отступило на второй план, до меня дошла одна потрясающая вещь: всё было по-настоящему.

Бум-бум, бум-бум-бум.

— Ваше Высочество!

Кристиан отстранился, потеревшись носом об мой.

— Тебе стоит ответить.

Никогда бы не подумала, что такое возможно, но его утренний голос был в десять раз сексуальнее его обычного голоса, а акцент — намного заметнее в стадии пробуждения.

Наружу выбрался недовольный вздох. Сейчас я не желала иметь дело с кем-либо кроме Кристиана.

Он поцеловал моё плечо.

— Пойди выясни, что надо этой шпионке. Чем раньше ты это сделаешь, тем скорее мы избавимся от неё.

Блин, ведь он прав! И как же бесит, что мне придётся вылезти из тёплой, уютной постели с аппетитным голым мужчиной, чтобы заверить шестидесятилетнюю женщину, что я не испарилась. Я нехотя сползла с кровати и накинула халат, всё это время прекрасно осознавая, что жаркие глаза Кристиана были прикованы ко мне. Я откинула волосы назад и сказала:

— Если ты и дальше будешь так смотреть на меня, я не смогу ответить на стук в дверь.

Он порочно улыбнулся.

И в это мгновение послышался скрежет ключей по металлу, заставивший меня стремглав нестись к двери. Она открылась ровно тогда, как я достала до засова, вынудив меня отпрыгнуть назад и крепче затянуть халат. В дверном проёме стояла не только консьерж отеля и Грета, но и Мэтт с приклеенным к уху мобильником.

В голове тут же пронеслось напоминание о бранче с Мэттом. А также причина, почему я в Париже.

— У тебя всё хорошо? — воскликнул он одновременно с тем, как консьерж, запинаясь, тараторил:

— Ваше Высочество, пожалуйста, простите моё опрометчивое вторжение, но когда долгое время никто не мог дозвониться до вас, мы должны были проверить, что с вами!

И Грета, заламывая руки, вопила:

— Я всё утро так волновалась, Ваше Высочество! Вы не отвечали на телефон!

Бранч был запланирован на одиннадцать. Как же долго мы спали?

Я туже завязала халат и понимающе улыбнулась взбодораженной толпе.

— Благодарю вас за беспокойство. Я просто проспала.

Консьерж быстро откланялся. Только ни Мэтт, ни Грета не посчитали нужным последовать ему примеру. Личный секретарь моей матери продолжала заламывать руки, будто беспокоясь о том, что я исчезну прямо у неё на глазах, а Мэтт выглядел тревожнее, чем когда-либо. На его лбу проявились складки беспокойства, а нежная кожа под глазами стала темновато-фиолетового цвета. Он переступил через порог, засовывая свой телефон в карман.

Было ясно без слов, что он не был рад находиться здесь. Если бы понадобилось подобрать более точное описание, то я бы настояла на "откровенно несчастный".

Грета рванула в сторону спальни, явно для того, чтобы подготовить мою одежду для... постойте! Грета направляется в мою спальню!

— Постой! — вскрикнула я. Она замерла, вопросительно глядя на меня.

— Не могла бы ты принести мне кофе? — она открыла рот, поэтому я добавила, — Не из отеля, — теперь она смотрела на меня так, будто я вышла из ума. И я поняла почему: это был высокочеловеческий отель. Кофе здесь тоже, вероятнее всего, лучше качества. Я неуверенно добавила: — Может... настоящий кофе? Из кафе?

Пара её тёмных глаз металась между мной и Мэттом, пока не успокоилась в нелепом предположении. Что бы то ни было, но она сделала реверанс и покинула номер, закрыв за собой дверь.

Мэтт спросил:

— У тебя температура? Твоё лицо слишком румяное.

В подтверждение его слов я ощущала поднимающийся вверх по шее жар. Мэтт явно заметил это, потому что его взгляд опускался всё ниже, минуя нормы приличия. Хотя я и не находила там ничего, заслуживающего интерес — правда, не знаю, радоваться этому или оскорбиться — его внимание слишком надолго задержалось на вырезе моего халата. Я стянула отвороты так близко, что теперь они плотно облегли мои формы.

Я помахала двумя пальцами перед своим лицом.

— Глаза здесь.

Он вздохнул и поднял-таки свои глаза. При этом сам немного покраснев.

— Прошу прощения.

— Наверное, я должна спросить тебя, как ты себя чувствуешь.

Из безземельного принца, стоявшего передо мной, выпало нечто, звучавшее одинаково близко к рыданию и хихиканью.

— Честно ответить? Утро получилось отстойное. Когда ты не пришла...

На долгие секунды тяжёлая тишина заполнила пространство между нами, пока мы разглядывали друг друга. И это было так глупо. Но чувство вины немного давило на меня, учитывая то, что у меня в спальне лежал тот самый, в которого я была влюблена. И вместо того, чтобы быть с ним, я толку воду в ступе с человеком, за которого, как все ждут, я должна выйти замуж.

Я прочистила горло.

— Нам нужно поговорить.

Последовавший от него вздох был чем-то средним между раздражением и грустью. И затем он закрыл глаза рукой и отвернулся, качая головой.

Тяжёлая тишина переросла в мучительное молчание. И, тем не менее, я уже настроилась озвучить свои претензии, когда он глубоко вздохнул, выпрямил спину и вновь

повернулся ко мне лицом.

Теперь оно выражало явное раздражение.

— Я прошу тебя оставить все эти споры. Я не могу... Это всегда будет так, при каждой нашей встрече? Такое у нас будущее? Одно выяснение отношений за другим? Я знаю, что ты не хочешь нашей свадьбы. Ты прекрасно дала мне это понять. Если тебе хочется ещё подискутировать... делай это с теми, кому, и в самом деле, есть что на это ответить.

Так-так, с этого места поподробнее.

— И с кем же?

Он провёл рукой по своим волосам. Ничего не говоря.

— Мэтт, — я дотронулась до его плеча, возвращая его внимание ко мне. — Поговори со мной. Может быть, вместе мы сможем найти выход...

На что он раскричался:

— Прекрати. Просто... Я стараюсь, понятно? Я делаю всё, что могу, в этой совершенно дерьмовой ситуации. Мне нужно, чтобы и ты старалась. Особенно когда они смотрят.

— Когда кто смотрит? Те же, кому, как ты говоришь, есть, что мне ответить?

Он отстранился, забирая из моих пальцев своё плечо, пока прочищал горло.

— Очевидно, наш бранч более не актуален. И я думаю, в свете того, как мы оба себя чувствуем, нам стоит пропустить и обед. Надеюсь, мои родители поймут. Попробуем сегодня за ужином. Я пришлю за тобой машину в восемь.

— Поговори со мной, — молила я, ведь у меня не было другого выбора. — Есть что-то, чего я не знаю. Не оставляй меня в неведении.

Выходя за порог, он печально покачал головой.

— Увидимся вечером, Эльза.

Глава 51

Кристиан

На одну короткую, безжалостную секунду я возненавидел своего старого приятеля. Даже когда красные сигналы тревоги вспыхивали в моём мозгу за время недолгого разговора Мэтта с Эльзой. Что-то здесь было не так, и если раньше я знал лишь почему принц Густав так стремится выдать Эльзу за семейство Шамбери, то теперь мне стало ясно, что и у Мэтта должна быть на то причина.

Эльза появилась в дверях. Её светящееся лицо отражало те же эмоции, что кипели во мне.

— Ты что-нибудь слышал?

Я откинул покрывало и похлопал по пустому месту рядом со мной.

— Да.

Она скользнула в кровать.

— Он что-то скрывает. Сто процентов.

— На тебе слишком много одежды. И да, согласен насчёт Мэтта.

Когда её руки потянулись к отвороту халата, а голова наклонилась набок, то я чуть не забыл, о чём нам нужно поговорить.

— Вы же дружите, так? Как думаешь, что это может быть? Почему он настаивает на том, чтобы я попробовала, пока они — кто бы они ни были — смотрят?

— Позволь мне, — всего за пару секунд мои ловкие пальцы развязали узел и стянули

шёлковый халат с её плеч. В то время как лучи солнечного света проходили сквозь прозрачные шторы и падали на неё, я поражался тому, как мои лёгкие забывали инстинктивно работать, когда я был с ней.

Я взял себя в руки и задумался о насущной проблеме.

— Что он рассказывал тебе о своём прошлом?

Она взяла инициативу по выпшвыриванию халата с кровати на пол на себя.

— Вероятно, не больше, чем я ему о своём — почти ничего.

Я обронил поцелуй на гладкое сливочное плечико.

— Ничего не поведал о себе за все те чайные беседы?

Рука легла на моё бедро.

— А что вы с сестрой поведали во время ваших бесед?

— Да ни черта, — нет. Так не честно. Я пояснил, — вообще, она поведала мне всё о жизни лошадей и о погоде.

Мягкий смешок пробежался вокруг нас, мгновенно оставляя меня желать намного большего.

— И всё же. Ты же говорил, о прошлом Мэтта? Что-то, о чём я, по всей видимости, ничего не знаю?

Мои губы сделали дорожку из поцелуев вдоль изгиба шеи, где она встречается с плечами. А, да. Мы же обсуждаем Мэтта.

— Когда мы жили в Америке, он встречался с женщиной по имени Ким.

Она нежно вздохнула, прислонясь ко мне, но сразу после того, как я это произнёс, я потерял её. Эльза отклонилась, закусив нижнюю губу.

— Когда они расстались?

Когда я сказал ей, что не имею понятия, она продолжала допрос:

— Она американка?

Я кивнул.

— Последнее, что я слышал, что его семья ничего не знала о ней.

Она хлопнула рукой о кровать.

— Он говорил мне, что любил.

— Ага, всё-таки что-то да поведали друг другу.

Она пренебрежительно отмахнулась.

— Никаких деталей, кроме того, что он был раньше влюблён. Вероятно, что он говорил о ней, — она оглянулась вокруг. — Я попросила Шарлотту разузнать о его прошлом, но она ещё не отчиталась, спасибо большое контролю со стороны Её Светлости.

— Отношения Мэтта с Ким не были достоянием общественности, — встрял я. — На что он только ни шёл, чтобы сохранить их в тайне.

— Но ты же о них знал.

— Ну, кое-кто из нас и знал, да. При этом я не собирался разбалтывать его секреты прессе. У меня самого были нелёгкие времена, когда нужно было залечь на дно. Так вот, Мэтт очень защищал Ким. Он не хотел, чтобы пресса отслеживала все её перемещения, как они обычно делают в похожих случаях с такими, как мы.

Она спокойно выслушала всё это.

— Ты был знаком с ней?

Я кивнул.

— Думаю, тебе бы она понравилась.

— Почему он не рассказал о ней своей семье? Потому что она американка?

Я старательно подбирал слова, ведь, как бы там ни было, но не я должен был это рассказывать.

— Отчасти. А также из-за того факта, что Ким выросла в крайне мрачном криминальном районе. Двое её родственников были членами банд, один из них был — а может и до сих пор — в тюрьме, другой оттуда ненадолго выходил, чтобы снова сесть. Ким не желала для себя такой жизни. Она усердно трудилась, чтобы стать врачом. Им обоим было по-настоящему страшно. Думаю, что его семья этого не одобрила бы. Как и её.

— Но у них же всё было серьёзно?

Я провёл рукой вдоль её живота вниз, задержавшись на долю секунды у мелкой впадинки, прежде чем продолжить движение на юг.

— У меня такое сложилось впечатление, да. Он просто сох по ней, — это стоило усилий, но мои пальцы остановились. — Эльз. Нам нужно поговорить. И есть что-то, что тебе нужно...

Ладонь легла на мои губы. Другой рукой она подтолкнула мои пальцы двигаться ниже.

— Я думаю, — медленно сказала она, — что, наверное, мы можем поговорить чуть-чуть позже?

— Но...

Когда она поцеловала меня, мои гормоны не могли позволить мне делать что-то ещё, кроме того, о чём она просила. После чего мы накиннулись друг на друга, неистово и мягко одновременно: наши губы переплетались, а руки блуждали, и вот я, наконец, снова был в ней, двигаясь и осязая, живя и умирая.

После того, как прозвучала очередная серия ударов, Эльза выбросила вверх руки и выдала короткий визг раздражения.

Полагая, что это вернулась секретарша, навязанная на всё время поездки, я напомнил ей:

— Справедливости ради, она охренительно долго разыскивала кофе. Тут в радиусе двух кварталов от отеля порядка двадцати кафе, — даже если она решила дать Эльзе и Мэтту время побыть вместе, её не было чересчур долго.

Человек слова. На неё можно положиться.

Она крепко чмокнула меня в ключицу, прежде чем выбраться из кровати.

— Что нам делать, Крис? Не могу же я её посылать за кофе каждый раз, когда она захочет войти.

Какого хрена! Мне что, нравится, когда она меня так называет? Это простое распространённое имя из её уст звучало просто волшебным.

Я выскользнул из-под простыней.

— С того дня, как я встретил тебя, я платил то одному, то другому, лишь бы нам никто не мешал. Отчего бы не попробовать это с ней?

Она просто тарасилась на меня несколько добрых секунд, прежде чем рассмеяться своим эротическим смехом.

— Ты собираешься подкупить личного секретаря моей матери?

— А почему нет. Иди,пусти её. Только мне нужно одеть хотя бы штаны, чтобы она не сбежала в ужасе.

На что получил нахальную улыбку и уверенный шлепок по заднице.

— Да она после этого вообще никуда не уйдёт. Даю голову на отсечение. Не помнишь,

как долго та горничная в Калифорнии раздевала тебя глазами?

Глава 52

Эльза

Грета внесла три чашки кофе, что, по иронии судьбы, оказалось идеальным количеством.

— А Его Высочества уже нет? — она оглядела комнату, словно боясь, что Мэтт может выпрыгнуть из-за занавесок.

— Да, — я указала на кресло. — Прошу, составь мне компанию за кофе, который ты, должно быть, из Ниццы принесла.

Её лицо побледнело.

— О, Ваше Высочество, пожалуйста, примите мои глубочайшие извинения, я...

Я вздохнула. Бедняжка Грета не понимала, что это шутка.

— Не надо извиняться. Шучу я так. Я понимаю, почему ты решила, что спешка будет излишней, хоть и совершенно необязательной. Пожалуйста, присядь.

Её попа едва коснулась края кресла, когда из спальни вышел Кристиан. В своей футболке и джинсах он выглядел так аппетитно, что у меня слюнки потекли, как и у бедной Греты.

Когда он сел рядом со мной, я подумала — *он мой*.

Он протянул ей руку, и она осторожно приняла её, расширяя глаза и стреляя ими попеременно в нас обоих сначала от смущения, потом от волнения.

Мне так нравилось то, как много выражали её глаза, и я была рада, что моя мать не выдавила из неё все эмоции.

— Грета, познакомься, это Его Высочество Наследный Великий Герцог Эйболенда. Короче, это мой парень, Кристиан.

Бедняжка так и рухнула в кресло, несмотря на все попытки встать и сделать перед ним реверанс.

— Очень рада знакомству с вами, Ваше Высочество, — только это совсем не выглядело как радость. Она говорила так, словно с ней вот-вот мог случиться сердечный приступ.

Кристиан, со своей стороны, никак не отреагировал на звание, которым я его нарекла.

— Я тоже очень рад, Грета. Эльза рассказывала мне о вас только хорошее.

Полагаю, об этом мы говорили лишь глазами.

— Я знаю, для тебя, должно быть, это сюрприз: увидеть здесь меня вместо другого принца, — продолжал он, и его слова были наполнены чарующим дружественным тоном, который практически парализовал Грету, — но я сейчас всё тебе объясню. Мы все осведомлены о том, почему тебя, а не Шарлотту, послали в Париж.

Мы? Или, может... он тоже?

— Мы прекрасно понимаем, что моё присутствие ставит тебя в ужасное положение. Ты оставишь взрослую женщину на растерзание её властным родителям — правители они или нет — или доверишь своей Наследной Принцессе делать то, что будет лучше для неё? — и он улыбнулся этой своей ослепительной улыбкой. — Грета, ты вряд ли могла бы признаться мне, что наслаждаешься ролью няньки. Уж точно это не то, на что ты подписывалась, когда поступала на должность личного помощника Её Светлости.

То, что он ей сказал, на бумаге выглядело бы жёстко, но не когда эти слова прозвучали

так, словно он был сочувствующим товарищем, просящим о помощи. Мне не доводилось видеть Кристиана за работой, за своими обязанностями. На большей половине наших так называемых "встреч" в Калифорнии нас призывали помалкивать, прикрываясь инструкциями. На тех же из них, где нам разрешалось говорить, мы лишь смогли повторить за нашими родителями тезисы о политическом курсе наших стран. Но чтобы здесь, в моём гостиничном номере?

Боже мой, как же он мне нравится. Не то, чтобы это было не так двумя минутами раньше, но его ошеломляющее обаяние и дипломатия прибавляли его «слишкомости» ещё больше очков.

— Но... но... — заикалась Грета.

Он плавно продолжил:

— Естественно, мы можем гарантировать, что твоё молчание будет вознаграждено.

Грета стихла, сцепив руки в замок на коленях. И в эту секунду в голову закрался страх. Вдруг она пойдёт на попятную? Я не могла этого допустить.

— Грета, ты уже много лет работаешь на мою мать. Ты знаешь, как нелогично она стала себя вести после побега Принцессы Изабель. Я прошу тебя о понимании того, насколько нелепо то, что они...

Но она не слушала меня. Всё её внимание поглотил Кристиан.

— Как будет вознаграждено моё молчание?

Он снова улыбнулся, практически источая харизму.

— Очень щедро вознаграждено.

Некоторое время спустя Грета покинула номер ради возможности провести несколько приятных деньков в Париже, покупая себе всё, что её душа желала, и идя туда, куда ей хотелось.

Прежде чем я могла уложить его на диван, Кристиан вытащил свой телефон.

— Поверь мне, — сказал он, и его глаза были полны страсти, — я ничего не хочу так сильно, как поцеловать тебя прямо сейчас. Но Эльза, мне нужно знать... это твоё окончательное решение — не выходить замуж за Мэтта?

Вот тебе и хлесткая пощечина реальности по лицу. Конечно, я не хотела выходить за Мэтта. С самого первого дня я была как никогда уверена в своём решении. Но раз Мэтт такой упёртый и отказывается сотрудничать со мной в деле увещевания наших родителей, у меня ничтожно мало вариантов, кроме отречения, чтобы избежать выполнения соглашения. И даже это было слишком рискованно, принимая во внимание побег Изабель из страны.

Моё разочарование, должно быть, стало заметно, потому что он отложил телефон и притянул меня к себе на колени.

— Позволь мне рассказать тебе историю. Ту, что уже давно просрочена, учитывая, что я не смог рассказать её тебе раньше, в связи с тем, что в последние дни мы утратили возможность хоть как-то общаться. И после этого ты сможешь ответить на мой вопрос, лады?

В течение следующих нескольких минут он раскрыл мне содержание неожиданного телефонного звонка Изабель. Я была в шоке, не зная, что сказать или сделать, вспоминая обвинения и подозрения сестры, касающиеся наших брачных соглашений (особенно, если они подкреплялись показаниями Альфонсо, человека, чьего ума и сообразительности чаще не доставало, чем наоборот). Но когда Кристиан признался, что Паркер и Шарлотта заглянули в отчёты о расходах и нашли там подтверждения, у меня совсем не осталось слов.

— Мы с Паркером попеременно связывались с Шарлоттой почти каждый день, после побега твоей сестры, — продолжал он почти шёпотом в огромном номере. — Её муж осторожно порылся для нас в финансовых бумагах, так как ему это сделать было проще всего, — Кристиан трогал моё лицо, нежно проводя пальцами по моей коже. — Я хотел сказать тебе всё это, когда только узнал, но... — его губы растянулись в натянутую улыбку. — Во-первых, я не мог прозвониться на твой телефон, который, как позднее мне сказала Шарлотта, был конфискован. А вчера вечером у меня это совсем из головы вылетело. Мои извинения.

Злость и грусть сражались за первое место в тесных рамках моей груди. Всё, чего я хотела сейчас, это ворваться во дворец и заставить родителей признаться во всём. Но была и пустота. Кто так поступает со своими детьми?

— Я спросил тебя, является ли твоё решение не выходить замуж за Мэтта окончательным. Эльз, — он нежно повернул к себе моё лицо, пока я не посмотрела на него. — Паркер в Париже, во всеоружии с тем, что мы пока успели собрать. Шарлотта будет здесь через... — он посмотрел на часы. — Чуть меньше часа. Мы намерены сделать всё, что в наших силах, чтобы найти лазейку из этого навязанного брака, но только если и ты этого хочешь, — он усмехнулся, и этот короткий смешок был наполнен сочувственной меланхолией. — Уж кому как не тебе знать, что ты можешь мне доверять. Особенно когда я говорю тебе, что пойму, если ты считаешь, что должна пройти через это. Я просто хочу, чтобы ты знала, что на данный момент есть другой выход. Тебе не обязательно делать это тихо, ничего не говоря. Мы не в Средних веках, что бы там ни думал Монарший Совет. Мы не пешки, чтобы двигать нас по шахматной доске в надежде провести хорошую партию для самих себя.

Как жаль, что у меня тоже был для него вопрос. Хоть и не честно задавать его, когда мы знали друг друга всего месяц, не говоря о том, что ещё надо бы обсудить, применимо ли вообще к нам слово "мы". Но я всё равно спросила.

— А что потом? Что, если мы найдём эту лазейку?

Он молчал.

— Я спрашиваю, потому что... — я попыталась проглотить растущий в горле комок. — Ты по-прежнему Наследный Великий Герцог Эйболенда. Я всё ещё Наследная Принцесса Ваттенголдии.

Он обхватил моё лицо руками.

— Я знаю. Поверь мне, я знаю.

Вырвавшаяся из моих уст усмешка звучала жалко.

— Ведь коронованные правители не могут взять и жениться друг на друге. Даже в двадцать первом веке.

— Я знаю, — снова сказал он. И потом, ещё мягче добавил: — Это мост, который мы можем перейти, когда подойдём к нему.

Мне стало так беспокойно на душе — не из-за него, не из-за моих чувств к нему. А из-за того огромного пласта вечной пустоты впереди, в котором не было ответов на вопросы о новом зыбком будущем, которое настанет, когда всё разрешится.

Отец пригрозил вычеркнуть меня из очереди наследования, но, когда Изабель стала позором семьи, я осталась единственной наследницей. Надежда, хоть и такая хрупкая сейчас, ещё была жива.

Затем Кристиан поведал о своей ситуации. Он рассказал мне о своей матери, о тяжелой

судьбе отца, и о том, как и их с братом всю жизнь загоняли в угол.

Я была вне себя от возмущения. От печали. От тоски и зависти, что те люди, чьи семьи и традиции не сковывали их по рукам и ногам цепями, как нас, могли проживать свои жизни, как хотели сами.

Как было бы здорово, если мы и в самом деле были бы просто Эльзой и Кристианом.

— Мэтт не хочет жениться на мне. В этом я уверена, — мой голос был твёрдым, когда я говорила это Кристиану. Сдержанным, несмотря на всё моё негодование. — Важнее то, что я не хочу выходить за него, — я слегка улыбнулась в его разгорячённое лицо. — Он довольно милый парень, но он совсем не для меня.

Я ощутила то, как смех вырвался из груди Кристиана. И было приятно осознавать, что после всего сказанного за сегодняшний день, ещё были возможны такие искренние эмоции.

— Как ты его! Он довольно милый парень. Именно это хочет услышать каждый мужчина, когда его описывает красивая женщина, — он снова достал свой телефон, и его пальцы стали бегать по сенсорному экрану. Я вгляделась в него и увидела имя Паркера.

— Заметь, тебя я так не называла.

Он на секунду поднял глаза, ухмыляясь.

— Ага, но я же милый. Просто по-другому, я надеюсь. По крайней мере, для тебя.

— Напрашиваетесь на комплимент, Ваше Высочество?

В одно время с его смешком у него в руке загудел телефон.

— Я говорю о том, что с ним хорошо, но не классно. Если ты понимаешь.

Кристиан забавно сощурился.

— Милый и с ним хорошо?

— Мы обнимались, и это было похоже на объятия с братом. По крайней мере, так я их себе представляю. Или, может, с дедушкой или дядей. Или с обычным знакомым.

Его пальцы постукивали по экрану.

— Какое счастье, что бедняга Мэтт не слышит, с кем ты его в один ряд поставила.

— Ты бы предпочёл, чтобы он мне понравился?

— Однозначно нет, — и потом, — я видел те ваши объятия. Мне было весьма неприятно наблюдать их.

Это меня порадовало.

— Как так, Крис? Ты признаёшь, что ревновал меня к по-братски милому и хорошему Мэтту?

Телефон снова издал гудок. Он улыбнулся в знак признания.

— Только потому что тебя обнимали его руки, а не мои. Я был больше, чем уверен, что он тебе совсем не нравится.

Я легонько толкнула его в плечо.

— Ну и эго у тебя.

Он просто пожал плечами, ухмыляясь.

— Мы с тобой обнимались, если забыл. После заплыва нагишом.

— Я ничегошеньки не забыл, особенно того, что ощущалось это как угодно, только не по-братски. Или, — сказал он с кривой усмешкой, — в моём случае, по-сестрински.

— Кстати, а обнимашки с Изабель были сестринскими?

— Так и не узнал. Мы не обнимались, но один раз мы танцевали с ней, — он поддел моё плечо своим. — Это считается?

Я приложила ладонь к губам, чтобы не расхохотаться.

— Довольно этого, Эльз. Если хочешь смеяться, смейся, — он поцеловал уголок моих губ. — Между прочим, твой смех меня очень даже заводит.

Нежный цветок радости распустился у меня в груди. — Серьёзно?

Он провёл губами по моей щеке, шепча в ухо:

— Очень. Я думаю, это мой самый любимый звук.

Телефон снова издал сигнал, отчего я искоса взглянула на него.

— Ещё минуточку. Я сейчас с Паркером переписываюсь. Он в номере этажом ниже, — одной рукой он строчил, а другой поглаживал мою голую ногу под шёлковым халатом. — Готовится помочь нам сорвать Операцию под названием КРБ.

— Слава богу! А то я и представить себе не могу, что делать с Мэттом дальше. Целоваться? — из меня вырвался короткий вздох, когда его пальцы поднимались вверх по внутренней части моего бедра. — Я уже не говорю о сексе, — я изобразила дрожь, чтобы скрыть истинные мурашки удовольствия, появившиеся от его лёгких касаний. — Если у нас и будут дети, то их однозначно придётся создавать в лаборатории.

Телефон, наконец, отправился на рядом стоявший столик.

— Ради Бога, Эльз. Давай не будем говорить о твоём сексе с Мэттом. По-братски или ещё как, но представлять это — выше моих сил.

Я снова засмеялась, и это было так нереально. Смеяться, когда мы по собственной воле собирались пустить по ветру всю мою упорядоченную жизнь.

Я тоже наклонилась, чтобы прижаться губами к его шее. Этим утром от него так приятно пахло: слабым ароматом одеколона и Кристианом, в сочетании со слабыми нотками мускуса, оставшегося от проведенных вместе часов.

— Давай тогда представим, как мы занимаемся сексом, — тихо сказала я в его теплую кожу. — А еще лучше, может, нам просто следует заняться им, и тогда не будет необходимости что-то себе представлять.

Он схватил мои бедра, впиваясь пальцами в нежный шёлк халата.

— Паркер и Шарлотта приедут сюда сразу после того, как он встретит её в аэропорту. И ещё есть вещи, которые нам нужно обсудить до их прибытия.

Я не смогла сдержать улыбки от хрипоты в его голосе и от растущей эрекции, упирающейся мне в бедро.

— Уверена, что на пути из аэропорта они окажутся в пробке.

Он тяжело вздохнул, когда я намеренно сместилась на коленях, чтобы расстегнуть ему джинсы. Его язык заплетался, глаза потемнели. А когда наши губы встретились, всё перестало существовать.

Глава 53

Кристиан

Шарлотта ворвалась в номер подобно урагану, к которому примешался аромат пряного парфюма. Следом за ней вошёл ошарашенный Паркер.

— Прошу прощения за задержку, — сказала величавая блондинка Эльзе, бросая на пол чемодан, дипломат, пальто и шарф. — Но вон тот, — она выгнула большой палец позади себя, — вёл машину так, будто ему девяносто лет.

Паркер сконфуженно покраснел. На лице бедолаги читалось "Я же хотел, как лучше".

Я похлопал его по плечу, пока дамы обнимались.

— Ты принёс бумаги?

Он стянул с плеча лямки сумки и погладил изношенную кожу.

— Вообще-то я только недавно узнала о том, что вы приедете, — сказала Эльза, — так что извиняться нет нужды.

Блестящие глаза Шарлотты перекинулись на меня. Вне сомнений она хотела накинуться на меня с упрёками, но её манеры сдерживали её. Она сделала реверанс:

— Для меня большая честь, наконец, познакомиться с вами, Ваше Высочество.

Эльза сказала:

— Давайте уже без этой «вашей Вашевысочественности».

И она повернулась ко мне, практически провоцируя меня согласиться с её призывом к неформальному общению.

Я не стал признаваться в том, что за время нашего общения по телефону мне не по одному разу пришлось убеждать в этом Шарлотту.

— А где Дикки? — спросила Эльза. — Не взяла его с собой?

— Как видишь. Он в хороших руках — то с Джозефом, то с нянькой, то с мамой, с ним всё будет хорошо. В любом случае я здесь только на время твоей поездки, где, собственно, я и должна была быть с самого начала. Кстати, — она оглядела комнату, — а где Грета?

— Кристиан заплатил ей, чтобы она пошла погуляла, ну и прикупила себе что-нибудь, — Эльза сопровождала Шарлотту до дивана. — И если нам повезёт, то мы её больше не увидим. Господи, Лотти. Как это необычно, когда не приходится орать, чтобы слышать друг друга.

Паркер прокашлялся.

— Чтобы успеть на самолёт, мне нужно отправляться через пять минут.

— У тебя с собой всё необходимое? — спросил я.

Он кивнул.

— Постой... Куда направляется Паркер? — Эльза вскочила со своего места на диване.

— Господи Боже, Ваше Высочество, — сказала Шарлотта, — вы ничего не рассказали Эльзе?

Я вроде уже просил не называть меня так?

— Он тут ни при чём, — сказала Эльза, — нас отвлекали. И мы так и не успели всё обсудить.

— Мы обсуждали, — подчеркнул я.

Паркер кашлянул. Шарлотта просто закатила глаза.

— Каждая минута на счету, Эльза. Ты в Париже всего на три дня, и, если наш план сработает, мы должны использовать каждую оставшуюся нам секунду.

Мне нравилось то, как Эльза отказывалась подчиняться.

— Тогда, сколько бы это ни заняло, давайте поговорим, и начнём с того, куда сейчас поедет Паркер.

— В Нью-Йорк, — сказал я ей.

Эльза щёлкнула пальцами.

— Мэтт же иногда живёт в Нью-Йорке.

— А Ким живёт там постоянно, — добавил я.

— Паркер поедет до самого Нью-Йорка, чтобы поговорить с девушкой Мэтта? Или, возможно, с его бывшей девушкой? — она смотрела между нас. — Время заточения в замке поставило меня в невыгодное положение в отношении деталей.

— Кто-то же должен подтвердить моё подозрение, — сказала Шарлотта. — И, раз Паркер нашёл эту Ким, то пусть он и едет.

— Какое подозрение? — её собственный голос звучал крайне подозрительно, и это было очень мило.

Я кивнул Паркеру, и тот извлёк конверт из своей сумки. Конверт переключался к Эльзе, и она взглянула на его содержимое.

Её рот открылся, когда фотографии посыпались на её колени.

— Она беременна?

Я тоже бросил взгляд на фотографии, и у меня внутри всё перевернулось. Мэтт, во что же ты вляпался?

— Только так это и выглядит, разве нет? — спросила Шарлотта. — Таким образом, Паркеру нужно поговорить с дамочкой.

Синие глаза Эльзы встретились с моими.

— Я думала, ты не знаешь, вместе они или нет.

— А, так всё-таки вы что-то успели обсудить, — промурлыкала Шарлотта.

Я проигнорировал подкол.

— Я и не знаю, — заверил я Эльзу. — Из-за того, что складывается впечатление, будто Мэтт не говорит сейчас ни о чём, кроме того, что ему велели говорить родители, нам нужно выходить прямо на источник. В Бруклине нет телефонных номеров для имени Кимберли Джонсон, но частный детектив, которого наняла Шарлотта, проследил за ней и дошёл до чердака, который на данный момент находится ещё под чьим-то наблюдением.

— Кто ещё следит за ней? — спросила я Шарлотту.

— Люди, связанные с итальянским мафиозным кланом. — Шарлотта сделала паузу. — Что очень сильно всё усложняет.

Эльза была в шоке.

— А эти мафиози как-то связаны с родственниками Ким?

— К сожалению, — сказала Шарлотта, — это пока остаётся загадкой. Наш человек пытается разобраться с этим, но, очевидно, ему стоит соблюдать осторожность.

Эльза переварила всё это.

— Так, значит, вы все играли в шпионов, пока я была взаперти? — её губы изогнулись в лёгкую улыбку. — И кто у вас Холмс, а кто Ватсон?

— Я Холмс, — уверенно заявила Шарлотта. — И, видимо, заодно Ватсон. А эти двое — Кистонские копы.

— Так, ладно. Паркер собирается найти Ким, — Эльза дотянулась своими пальцами до моих. — Так какой план? Он просто спросит её, кто является отцом её ребёнка?

— Как-то так, — тихо сказал Паркер. — Хотя, я рассчитываю сделать это немного тактичнее.

— Что, если она признается, что он от Мэтта?

— Тогда, — сказал я Эльзе, — он уговорит её поговорить со мной, и уже я буду убеждать её сестру на самолёт с Паркером и лететь напрямик в Париж. Если всё пойдёт по плану, они будут в самолёте не позднее, чем через шесть часов после приземления.

— И что потом? Вы станете пугать её, чтобы она во всём созналась кому... его родителям? Мэтту?

— Не надо никого пугать, — запротестовала Шарлотта. — Подойди к этому логически, Эльза. Если наши подозрения насчёт того, что Принц Матье женится по

принуждению, окажутся верны, то ему будет невыносимо тяжело оставаться преданным и слушаться наказов родителей, когда перед ним будет стоять так называемая любовь всей его жизни, беременная его ребёнком.

Разгневанная Эльза вскочила с дивана.

— Вы думаете, что он знает? Вот уж ума не приложу, как или почему он стал бы жениться на мне, если они ждут ребёнка. Я, конечно, не очень-то хорошо его знаю, но я совершенно не представляю его одним из тех, кто готов скинуть с себя такую ответственность!

Я встал рядом с ней и взял её за руки.

— Мы не узнаем, пока сами его не спросим.

— Позвони ему, — её голос дрожал. — Чтоб его чёртова задница сейчас же была здесь!

— И что сказать? — спросила Шарлотта с дивана. — Мы полагаем, что та женщина, с которой ты всё ещё встречаешься, или может уже нет, беременна твоим ребёнком? Что ты скажешь? А что, если мы ошибаемся? Что, если они давным-давно расстались и это чей-то другой ребёнок? — она покачала головой. — Что, если их разрыв был тяжёлым, и они оба больше не хотят видеть друг друга? Будет лучше, если мы сначала дождёмся, пока Паркер переговорит с Ким.

— Но мы сейчас говорим о моей жизни!

Эльза крепко сжимала мои руки. Ярость и недовольство пробирались вверх по её шее. Никогда раньше я не видел её такой рассерженной.

— И о жизни Ким, — аккуратно напомнил ей я. — И Мэтта.

Её блестящие синие глаза вернулись ко мне.

— И о твоей?

Вопрос звучал очень прямолинейно, и я ответил ей также:

— И о моей.

Её гнев немного поутих. И потом она кивнула в решимости.

— Паркер, ты тогда лучше отправляйся. А остальные... я хочу услышать и прочитать всё, что у вас есть в подтверждение растраты родителями семейных финансов. Давно пора.

Глава 54

Эльза

Паркер уехал, и Шарлотта представила все доказательства, что им с Джозефом удалось раздобыть касательно финансового краха семьи.

Ваттенголдия является конституционной монархией, что означает, что королевская семья имеет лишь символическую, а не абсолютную, власть. При этом мой отец пользовался большой популярностью и влиянием, почти как его отец, и как отец его отца. Парламент прислушивался к монархам Ваттенголдии не потому, что так надо было, а потому что их государи искренне заботились о будущем своей страны. Тем не менее, наш род всегда жил на широкую ногу. Мало того, что налогоплательщики княжества платили в нашу казну, так мы ещё владели несметными портфелями недвижимости, холдингами в технологических компаниях, а также неслабой коллекцией изобразительного искусства. Возможно, к акциям и облигациям мама не имела доступа, но к деньгам налогоплательщиков он был. Ослеплённая своим видением процветающей Ваттенголдии, она тайком вложила средства в то, что оказалось мошеннической схемой. И всё только ради того, чтобы превратить страну в

Северное Монако.

Миллионы долларов, доверенные нам на грамотное применение налогоплательщиками, оказались пущенными на ветер.

По правде сказать, я могла понять неистовство родителей. Правители они или нет, но объяснить народу, почему отчисления с их зарплат исчезли и, скорее всего, безвозвратно, может быть очень тяжело и стыдно. Из-за недостатка ликвидного имущества во дворце, была лишь маленькая надежда успеть обменять его на деньги раньше, чем княжество потрясёт скандал. В Ваттенголдии все без исключения подвергаются аудиту, даже монархи. Поэтому, что сделали мои родители, чтобы быстренько вернуть себе состояние (несколько миллионов евро)?

Решили выдать свою дочь за состоятельного, свергнутого принца в обмен на восстановление спокойствия во дворце.

Шарлотта была в другой комнате — висела на телефоне с Джозефом и Дикки. Она ворковала что-то в трубку, спрашивая малыша, хорошо ли он проводит время с папочкой. И я знала это, потому что, боюсь, что весь отель мог слышать тот разговор также прекрасно, как и я.

— Ребёнок ведь не глухой, Лотти! — кричала я ей.

Кристиан поднялся с кровати и закрыл дверь.

— Шарлотта тоже.

Я вдевала в уши фамильные изумрудные серьги, подаренные мне отцом на шестнадцатилетие. Можно ли будет на деньги от их продажи хоть как-то покрыть долг родителей перед Ваттенголдией?

— Скорее всего. Каким бы милым Дикки не был, его лёгким можно только позавидовать. Удивительно, что Шарлотта в ясном сознании.

Он подошёл к тому месту, куда Шарлотта повесила моё платье для вечера. Это было элегантное шёлковое платье от кутюр.

— Мне нравится это платье. Хотя у тебя есть поразительная способность выглядеть одинаково прекрасно в любой одежде.

У меня подкосились колени.

— Знаешь, я ведь могу придумать причину всё отменить. Мэтт уже делал предположение, что мне нездоровится, — при малейшей мысли об этом мужчине во мне всё закипало.

Кристиан стянул с вешалки платье.

— Не Мэтт здесь злодей, Эльз, как бы ты сейчас не воспринимала ситуацию. Если наши подозрения оправдаются, то он всего лишь такая же загнанная в угол пешка, как и мы.

Я швырнула свой халат на кровать и приняла от него платье. Его взгляд был полон желания, пока он смотрел, как я надевала платье через голову.

— Может сегодня получится вывести его на разговор, — сказал Кристиан. — Незаметно, на тот случай, если за вами, и правда, кто-то будет наблюдать.

Я повернулась к нему спиной и перекинула волосы через плечо.

— Застегнёшь?

Он провёл пальцами вдоль позвоночника: сначала до линии роста волос, а затем вниз до места, где спина переходит в попу. Поцелуй лёг на плечо, и молния начала медленно застёгиваться кверху. И я так сильно хотела провести этот ужин с Кристианом, а не с кем-то другим!

— А вы с Шарлоттой устроите пижамную вечеринку, пока меня не будет?

Он легко прикоснулся губами к коже ниже уха перед тем, как вернуть волосы назад.

— Мм, очень даже может быть. А потом ещё подушками будем драться.

Я повернулась.

— Осторожнее. Когда дело касается подушек, с ней лучше не связываться. Помню, как-то в детстве я неделю ходила с синяком под глазом благодаря её нереальному усердию.

— Замётано, — он провёл ладонями вниз по моим рукам. — Постарайся сегодня развлечься, несмотря ни на что. Мэтт по-братски приятный и милый парень, не забывай.

Я поднялась на носки, обвивая ладонью его шею сзади.

— Заедешь за мной после всего этого?

Его рот был так близко к моему, что мы с ним дышали одним воздухом.

— Уверена, что это хорошая идея?

— Нет. Но я всё равно хочу этого.

Когда я, наконец-то, добралась до ресторана, Мэтт выглядел... Хм, как Мэтт, только на стероидах. Он облачился в клетчатую рубашку и изящную бабочку, а также серый свитер с эффектом старины и облегающие брюки, казавшиеся выкрашенными в тёмно-серый цвет. На его волосах был мусс, на подбородке — неряшливая щетина, на глазах — слегка покосившиеся очки. Сложно было отрицать, но Мэтт являл собой образец симпатичного принца-хипстера.

Когда меня довели до стола, за которым он уже сидел, ресторан наполнился приглушёнными перешёптываниями. За мной по пятам следовали маленькие вспышки света. Мой охранник быстро оглядел зал, прежде чем раствориться среди прочих посетителей вместе с охраной Мэтта. Когда я подошла, он поднялся, предложив мне то, что — я уверена, он надеялся — было доброжелательной улыбкой. Хотя, она больше напоминала меланхолию, нежели пожелание добра. И была немного натянутой.

Он знал — эта мысль не давала мне покоя. Он знал, что где-то там есть женщина, которую он любит, или, по меньшей мере, когда — то безумно любил. И он знал, также хорошо, как и я, что это женщина не я, и никогда ей не стану.

Мы обнялись в знак приветствия, скрепив его чмоками в воздух. Как только мы сели, материализовался официант, чтобы откупорить бутылку вина, охлаждавшуюся неподалёку. Мэтт сказал мне:

— Прелестно выглядишь сегодня, Эльза.

Я приняла с подноса бокал.

— Я только что размышляла, каким умным ты выглядишь сегодня.

Мэтт усмехнулся.

— Из-за очков, что ли?

— Из-за них тоже. Очень мило, тебе идёт, — для принца, влюблённого в американскую докторшу, это выглядело как протест против стереотипа.

Мэтт притворно поморщился. Я вопросительно подняла бровь, отчего он уточнил:

— Мило... прям ножом по самолюбию.

Мне захотелось хихикнуть, когда мне вспомнились слова Кристиана.

— Сначала умный, потом милый? — забавно. Я покачала головой в удивлении — А я-то думала, что люди приходят послушать, как я блещу красноречием.

Послышался раскат смеха из его горла, и было приятно видеть, как часть складок на его лице искренне расслабилась.

— Мне не часто приходилось выступать с речами, если не считать школьных докладов. Наверное, мне следует считать это бонусом от свержения династии.

"Той, что отчаянно пыталась вернуть себе трон", — подумала я про себя.

— Тебе нравилось учиться в Америке?

Скрываемое доселе сожаление накрыло ту толику радости, что он позволил себе.

— Безмерно, — он отвёл взгляд в окно, открывавшее вид на улицы Парижа. — Ты училась в Оксфорде в Великобритании, не так ли?

Да, Мэтт, классно ты тему поменял.

— Да.

Он почесал свой неряшливый подбородок.

— Я часто думал о том, чтобы вернуться и доучиться до докторской степени.

Я медленно попивала вино, приятно согревавшее моё горло

— В Америке?

Его вздох в купе с быстрым кивком головой явил собой всплеск самоуничижения.

— Хотелось бы, но...

Хрусталь тихо пропел свою песнь от касаний с моими губами.

— Но тебя хотят поженить на мне и отправить жить в Ваттенголдию.

— Эльза...

Я подняла своё меню и распахнула его.

— Никогда раньше не ела в этом ресторане. К тому же, я влюблена в другого человека, по уши, — я широко улыбнулась поверх чёрной кожаной папки. — Что ты мне сегодня посоветуешь заказать?

Бокал с вином примёрз к его губам, как только между нами прошипели, подобно выходящему из воздушного шарика воздуху, мои слова.

— Я равнодушен к рыбе, как ты, наверное, знаешь. Это же прямо про Скандинавию, там столько воды вокруг.

Он направил свой бокал к столу. Прочистив горло, он тихо сказал:

— Мне об этом прекрасно известно.

Это он явно не о моих гастрономических предпочтениях говорил.

— А ты?

Его глаза были закрыты под очками, руки крепко вцепились в скатерть стола.

— Да, — его голос стал хриплым. — Я не слепой, знаешь ли. Я видел, что происходит. Все это знали, включая меня.

— Так всё же...?

— Мои руки связаны, — когда он распахнул глаза, они были наполнены злостью и сожалением. — Думаешь, мне нравится идея поступать так с другом?

— О каком друге ты сейчас говоришь? — легкомысленно спросила я. — Обо мне или о нём?

— Ты должна понять...

В раздражении я подалась вперёд. Достало уже притворяться. Меня несколько не колышит, устроит мне мать линчевание, как только узнает, что я не лебезила во время обеда перед своим женихом, или нет. — Я не понимаю, потому что ты уходишь от ответа на вопрос, почему тебя устраивает весь этот фарс. За нами и сейчас наблюдают?

Снова появился официант с корзинкой хлеба в руке. Мэтт быстро заказал нам обоим жареного морского окуня, вновь отослав молодого человека подальше.

— Я уйду от ответа, когда нахожусь в центре битком набитого ресторана. Не там же, где полно... глаз и ушей.

— Отлично. Тогда где мы это обсудим?

Он покачал головой.

— Это всё равно роли не сыграет. Обсудив это, мы ситуацию не изменим.

— Не соглашусь.

Он пристально смотрел на меня. Уголки его рта очерчивали жёсткие складки, недовольство определённо готово было сорваться с губ, но как только я решила, что он продолжит спор, он просто вздохнул.

— Ты нравишься мне, — сказала я ему. — Хочешь верь, хочешь не верь. И я думаю, при прочих обстоятельствах мы бы обязательно стали отличными друзьями. И, надеюсь, однажды мы ими станем. Но ничего из этого не случится, пока мы будем продолжать скрывать что-либо друг от друга.

Его губы сжались, когда он потирал свой лоб.

— Итак, я начну. Недавно я выяснила, почему я должна была выйти за тебя. Боюсь, это безнадежно старомодная причина. Меня вынуждают выходить замуж за твои деньги. За кучу денег, насколько мне известно, — я сложила руки. — А теперь твоя очередь.

Несколько секунд я боялась, что он откажется отвечать. Я официально сделала ему вызов — конечно же, тихо — и дала ему понять, что не отступлю. Не важно, что происходит между мной и Кристианом, я не выйду за того, кого не люблю.

Я уже допивала свой бокал вина, когда он пробурчал:

— Моя причина не такая пикантная. Я согласился на это, потому что иначе пострадает человек, очень много значащий для меня. А я не могу этого допустить.

Он говорил о Ким. Это должна быть она.

— Мэтт...

— Если ты хочешь и дальше это обсуждать, то ладно. Давай, — он снял свои очки и потёр переносицу. — Но не сейчас. Ты не единственная, о чьём поведении будет доложено, знаешь ли. Завтра мы должны поехать любоваться видами города, но... может, ты отравишься едой? Или проснёшься не с той ноги? Я зайду, чтобы провести тебя, и тогда мы сможем поговорить. Скажем, за чаем? — его губы свернулись в грустное подобие улыбки. — Как в старые времена. Если рассматривать неделю чая достаточной для этого.

Я посчитала в уме время, когда Паркер и Ким могли бы прилететь. Чай днём был бы как раз вовремя. Если всё пройдет как спланировано, самолёт из Нью-Йорка приземлится в Париж именно в это время.

Передо мной поставили тарелку, наполненную изысканной едой. И я сказала Мэтту:

— Это свидание.

Глава 55

Кристиан

— Могу я быть честной с тобой?

К слову, Шарлотта всегда говорила честно со мной, начиная с нашего первого разговора по телефону.

— Конечно, не мне прерывать эту традицию, — сказал я ей.

— Как же не Вам, — её глаза сузились. — Хотя бы обдумайте это.

Я ничего не сказал. При всём своём уважении и даже симпатии к личной помощнице Эльзы, заверения Шарлотты в искренности своих чувств к её начальнице не были моей главной задачей на этот вечер.

— Я думаю, даже если бы Эльза не встретила вас, она бы всё равно воспротивилась выходить за кого-либо, кого едва знала, и, уж тем более, кого не любила. Она миллион раз заводи́ла с отцом спор из-за этого накануне Десятилетнего Саммита. Уверена, что вы хорошо осведомлены о её упрямстве...

— Это ещё мягко сказано, — пробормотал я.

— И что она желает самого лучшего для своей страны. Жители Ваттенголдии обожают её.

— Это они правильно делают.

Шарлотта положила бумаги, которые она читала, на стол и полностью развернулась ко мне.

— Потеря её станет для нашей страны самым страшным разочарованием.

Я взял свою бейсболку и направился к двери.

— Неужели?

Эльза покидала ресторан в сопровождении вспышек света и любопытствующих лиц, желавших увидеть не одну, а сразу две королевские особы вместе. Она улыбалась своей королевской улыбкой, той, которая выражала дружественную терпеливость. Мэтт был справа от неё, его рука лежала у неё на поясице.

Он довёл её до лимузина — в котором её ждал я — прижавшись к ней ближе, чтобы прошептать что-то на ухо. Уголки её губ вздёрнулись кверху, когда она приложила ладонь к его щеке, и затем они оба обменялись воздушными чмоками. Я отодвинулся подальше, ближе к окну, разделявшему переднюю и заднюю части салона, удостоверившись, что сижу на стороне для пассажиров.

Водитель открыл дверь машины, чтобы Эльза смогла сесть в неё. Её глаза быстро стрельнули в меня и затем вернулись к Мэтту.

— Увидимся завтра, — говорил он.

Дверь захлопнулась, оставив нас в окружении тонированных окон.

— Ты слишком далеко, — она похлопала по сиденью рядом с ней. — Так, синяков нет, значит вечер с Шарлоттой не закончился дракой на подушках?

Машина отъехала с обочины, и тогда я смог перебраться к ней.

— Увы, нет. Добрую часть вечера она общалась с мужем по телефону.

— А чем ты занимался?

— Я разговаривал с братом. Моя мать... мягко говоря, недовольна тем, что я сейчас нахожусь не в стране.

— В смысле?

— В смысле, я надеюсь, что ты никогда не забудешь, что Великая Герцогиня совсем не та, за кого себя выдаёт на публике.

В синеве её глаз вспыхнуло беспокойство.

— Впрочем, это неважно. Она может беситься из-за всего, чего ей хочется, но... С меня довольно её манипуляций. Я сейчас там, где хочу быть.

После моих слов Эльза смотрела на меня так, словно я был единственным мужчиной на земле, и у меня голова пошла кругом от обуревавших меня эмоций. "Я люблю тебя", — хотел

я сказать ей, когда я приблизился к её прекрасному лицу. "Я люблю тебя. Я обожаю тебя. Я не смогу жить без тебя".

Но я ничего из этого не сказал. В эту секунду чувства были слишком сильны, чтобы формулировать связные предложения, поэтому я просто поцеловал её. Сначала мягко, как при нашем первом поцелуе в Калифорнии, и я вмиг оказался под её чарами, потому что её губы были горячими и манящими, как магнит, от которого я был не в силах оторваться.

Она схватила меня за плечи, притягивая ближе к себе. Машина притормозила, вне сомнений, из-за светофора, и откуда-то из глубин моего сознания мне вспомнилось, что по дороге до отеля будет ещё целая куча светофоров. Я мог бы сказать, что это имело значение и что я беспокоился о правилах приличия или хотя бы о риске быть застуканными за чем-то. Но все окна вокруг нас были такими тёмными — даже то, что было поднято между нами и шофёром — и мне так сложно было противиться своему желанию...

Я притянул её к себе на колени, расположив её ноги вокруг меня. Наши поцелуи становились всё более страстными, мой язык сплетался с её языком, пока она не простонала мне в рот. Чёрт, какой же это был потрясающий звук! Я совсем разгорячился.

Я хотел её. Здесь. В этой самой машине.

Словно услышав мои мысли, Эльза отклонилась назад и расстегнула своё платье-пальто. У меня во рту пересохло, а член встал как каменный.

Под одеждой на ней был только кружевной лифчик и трусики.

— Ты ходила на ужин в одном пальто? — я стянул с её плеч шерстяное платье, а потом провёл руками вдоль её рук на пути к её груди. — Что случилось с тем платьем, которое я помогал тебе одеть?

Она совершенно обворожительно рассмеялась, отчего моя голова ещё сильнее закружилась от счастья.

— Так как ты согласился встретить меня, я решила, что платье будет лишним. Я скинула его перед тем, как выйти. Ты разве не видел, что оно висит в спальне?

Я прижался губами к её шее и слегка втянул кожу губами. Её голова запрокинулась назад, отчего её длинные волосы рассыпались по моим пальцам, проворно расстёгивавшим лифчик. Я аккуратно снял его, скинув на соседнее сиденье.

О боже, как же я любил её грудь!

Я нагнулся и начал обводить кончиком языка вокруг соска. Она тихо постанывала, крепче сжимая пальцами мои плечи. Я покачивал её, упиваясь ощущением того, как мой член тёрся о крошечную полоску шёлковых трусиков, которые всё ещё были на ней. Мои зубы покусывали набухшие соски, после чего я снова вернулся к её губам ради жаркого поцелуя, заставившего меня изнывать от желания быть внутри неё.

Она стащила с меня футболку через голову, швырнув её назад.

Я просунул пальцы под краешки её трусиков. Она склонилась ко мне и прошептала в ухо:

— Порви их, Кристиан.

Одно удовольствие выполнять команды этой женщины.

Её вздох распалил меня. Я провёл ладонью вдоль внутренней части бедра до того места, где она уже стала влажной для меня. Эльза снова резко вздохнула, когда я начал водить своими пальцами по тому чувствительному местечку между её ног, и ещё раз, когда я всунул палец глубоко внутрь неё.

Машина снова затормозила. Меня не волновало из-за чего на этот раз, ведь теперь она

двигалась взад-вперёд на моей руке, запрокинув голову назад, и я думал, что даже если мир взорвётся, мне будет абсолютно всё равно, пока я мог видеть её в таком состоянии.

Она нащупала пуговицу, потом молнию на моих джинсах, и хриплым голосом Сирены, зовущей за собой, тихо сказала:

— Ты нужен мне. Сейчас.

Я вынул из неё свои пальцы, когда она достала мой твёрдый член. Я заправил края джинсов как можно крепче, перед тем как она оседлала меня.

Именно такую позицию она и хотела прошлой ночью. Для меня больше ничего не существовало, только она. Пока машина везла нас, я оживал и умирал с каждым новым движением, с каждым сладострастным стоном.

Глава 56

Эльза

— Это было, — сказала я Кристиану, наклонившись, чтобы поцеловать его, — ещё одно моё начинание. Я про секс в машине.

Какая-то машина снаружи посигналила. Я подпрыгнула, но потом засмеялась. Я хохотала, и это было так здорово.

Он приложил ладонь к моей щеке.

— И моё тоже, — тихо сказал он.

Я смотрела на его взмокшее прекрасное лицо.

— У тебя никогда раньше не было секса в машине? Это весьма... неожиданно.

Он поёрзал, напоминая мне, что он всё ещё был во мне.

— Не в движущейся машине. Так что да, это было и моё начинание.

Прозвучал ещё один гудок, когда машина затормозила. Должно быть, мы были уже совсем близко к отелю.

Я перегнулась и достала свой лифчик.

— И как, секс в движущейся машине лучше, чем в припаркованной?

Он убрал мои руки, когда я попыталась сама застегнуть лифчик, чтобы сделать это самому.

— О, вне всяких сомнений, — одной рукой обхватив меня сзади, он смог пододвинуть нас вперёд и достать до моего пальто и своей майки.

Я медленно натянула через голову его футболку, разглаживая пальцами мягкую ткань.

— Я рада.

Он ничего не сказал, пока нежно просовывал мне руки в рукава платья перед тем, как его застегнуть. Машина дёрнулась вперёд, и я нехотя слезла с его коленей, чтобы дать ему возможность выправить джинсы. Хотя потом я сама застегнула их.

Он сказал мне:

— Мне нравится делать что-то впервые с тобой, Эльз.

Я наклонилась к нему, чтобы поцеловать.

— Мне тоже.

— Вообще-то, — прошептал он мне в ухо, — если это будет возможно, все мои начинания, с этого момента, будут только с тобой.

Мне тоже ужасно хотелось сказать ему, что я и сама этого страстно хочу, и что мне никогда не приходилось испытывать того, что я чувствовала к нему, раньше, но как только

его язык вновь коснулся моего, я снова растворилась в нём.

Глава 57

Кристиан

Если верить Лукасу, то из-за невозможности выйти на мой след, Волчица просто рвала и метала.

— Чёрт, братишка, если вернёшься домой, будь готов к домашнему аресту. А у нас, кстати, есть темницы? Уверен, что именно туда она тебя и запихнёт. Волчица убеждена, что ты последовал примеру Изабель.

Эльза спала в другой комнате. Как только она уснула, позвонил Паркер, после чего у меня пропало всякое желание спать.

Ким хотела поговорить со мной.

Так как сам по себе разговор был коротким, я изложил ей суть дела как можно проще. Её всхлипывания перемежались репликами негодования.

— Ненавижу долбаную семью Мэтта, — сказала она мне, и я вздрогнул от такой резкости. Она была хорошей девушкой, даже милой (как бы я ни подкалывал Эльзу по поводу убогости этого слова), и было несправедливо то, что её жизнь, и так полная потрясений, была снова перевёрнута с ног на голову из-за нечаянной влюблённости в человека голубых кровей.

— Ты хочешь приехать в Париж? — спросил я её.

Она колебалась, явно озабоченная тем, что подумает об этом Мэтт. Но затем на первый план вышла та железная решимость, которую я и раньше замечал в её характере.

— Приеду, как только смогу, Кристиан.

А сейчас я обсуждал по телефону с братом то, как один из членов королевской семьи достоин ненависти.

— Ты дал ей то письмо? — спросил я про записку, которую оставил на всякий случай.

— Что ты, нет! Я буду похож на самого неблагодарного сына на планете, если признаюсь, что придержал его, чтобы насладиться видом того, как её колбасит?

— Тогда принимай весь её гнев на себя, — заметил я. — Я ни при чём.

— Это пока ты в грёбаной Франции, а не в Эйболенде. Стоит тебе одной ногой ступить на нашу каменистую почву, как тебя поведут на расстрел, а потом на виселицу, чтобы расчленить на кусочки, чтобы потом Волчица смогла снова их сшить вместе в марионетку, которой сможет управлять. Хочешь Распутиным стать? Когда вообще думаешь возвращаться? Потому что я не знаю, насколько меня ещё хватит, чтобы не дать ей окончательно с цепи сорваться.

— В смысле намордник свой сгрызть? Кстати, Распутина не вешали и не расчленяли.

— Зануда хренов. Ну ты меня понял, Крис. Волчица жаждет твоей крови. На вопрос-то ответишь?

— Если повезёт, к ночи будет решён самый важный вопрос. Или, по меньшей мере, частично решён.

Усмехнувшись, он пожелал мне удачи, чему я был признателен. Удача была нужна мне как никогда.

Шарлотта отправилась в аэропорт, чтобы забрать Паркера с Ким, оставив нас с Эльзой для очной ставки с Мэттом. В то время как моя любимая открывала дверь, мне вспомнилось

то время, когда одним прекрасным летним деньком мы с принцем Шамбери и друзьями ходили под парусами в районе Новой Англии. То было потрясное время! Море выпитого холодного пива... вдали от любопытных глаз. Мы не были принцами тогда. Мы просто тусили, как хорошие приятели.

Надеюсь, что и с этим делом мы тоже сможем разобраться как хорошие приятели.

Мэтт был не сильно удивлён увидев меня, когда Эльза провела его в гостиную. Он протянул для приветствия руку, и я с готовностью принял её. И когда он сказал:

— Несмотря ни на что, я рад нашей встрече, — я поверил ему.

Эльза села рядом со мной на диване. Мэтт выбрал кресло напротив нас. Как жаль, что всё это будет больше похоже на допрос, но, как дал понять мой брат, счёт шёл на секунды. И я спросил своего давнего товарища:

— Что происходит?

Он издал нечто очень похожее на смешок, но прозвучавшее не очень-то весело.

— Я знаю, что вы с Лукасом считаете, будто только вам так повезло иметь худшую мать в мире, — сказал он мне, — но позволь мне тебя заверить, что у меня всё ещё круче. Мои родители... — он покачал головой. Глубоко вздохнул. — Просто скажем, что они не выразили радости, узнав, что их единственный сын пожелал, как они это окрестили, спустить свою жизнь в унитаз. Они также считают неприемлемой идеей запятнать их родословную детьми, зачатыми какой-то трущобной проституткой.

— Ничего себе! — придя в ярость от того, что подобные суждения могли быть сделаны о человеке, с которым они даже не встречались, я сказал, — да пошли они. Они же ни хрена не знают о Ким.

— Я сказал им то же самое, и тогда они перешли к угрозам со своей стороны, обещая, что превратят жизнь Ким и её семьи в сплошной ад, если я не оставлю её и не женюсь на ком-то из тех, кого сами выберут. На ком-то, кто поможет вернуть славу роду Шамбери.

Лицо Эльзы побледнело. Среди угроз Принца Густава такого ей слышать не приходилось.

— После утраты своего могущества, моя семья стала... давайте так, дружить с теми, чей род деятельности не всегда был законным. Эти отношения поддерживались годами и доказали свою выгоду, которой даже не хочу вас грузить. Но достаточно сказать, что всякий раз, как у Шамбери возникают проблемы, требующие решения, на помощь приходят их компаньоны.

Вот кусочки паззла и сошлись. Ким была под наблюдением благодаря Шамбери.

— А Ким знает? — спросил я.

Он покачал головой.

— Я просто сказал ей, что они не одобряют. Я не хотел беспокоить её. У неё и без того слишком много забот из-за её собственной семьи.

Я поцеловал тыльную сторону ладони Эльзы, прежде чем встать.

— Думаю, нам необходимо выпить. Хотя, боюсь, что у нас небольшой выбор. Скотч подойдёт?

Мэтт кивнул. Эльза попросила его продолжить.

— Понимаешь, когда мои родители узнали, что я встречаюсь с кем-то, кто их не устраивал, они взбесились. Мне было велено немедленно порвать эти отношения. Я упёрся. Тогда они направили здоровяков, к которым частенько обращались, избить одного из братьев Ким.

Я чуть не выронил из рук тяжёлый стакан.

А Эльзе он сказал:

— Её семья тоже весьма плотно повязла в криминале, поэтому то, что случилось, причём не где-то, а на их территории, действительно напугало.

Любимая пришла в ужас. Как и я.

— Раньше, чем я успел сообразить, что произошло, кого-то подослали и к Ким, — он тяжёло сглотнул, — она провела в больнице несколько дней, думая, что на неё напала конкурирующая банда, а не мафия.

Я передал Мэтту скотч, не зная, что и сказать на это.

— Меня заверили, что если помощникам родителей снова придётся выехать на дело, то они уже не будут такими милосердными, — он сделал большой глоток янтарной напитка, морщась от того, как скотч спускался по горлу, — я поверил им. Хотя я и порвал с ней, я дал одному из её братьев деньги, чтобы тот нашёл для неё безопасное место, — Мэтт откинулся на спинку стула, на его лице читалось поражение, — Это было пять месяцев назад.

— Ты говорил с ней? — тихо сказала Эльза. — Виделся с ней потом?

— Я не мог рисковать, — его захлестнула отчаяние. — Я даже не смог увидеть её после того нападения, только те фото, что остались в моём кабинете. Так что видишь, Эльза, я понимаю, что это не то, чего ты ожидала, и я точно не буду тем, кто отменит нашу свадьбу. Шамбери повелели мне связать себя брачными узами с династией Васа. Если я откажусь, я просто не вынесу мысли о том, что может случиться с Ким.

Господи. А я-то думал, что у меня всё хреново с Волчицей.

И тогда послышался стук в дверь. Эльза бросила многозначительный взгляд перед тем, что пойти открыть дверь. И мне внезапно в голову пришла мысль, что зря мы привезли Ким в Париж. А что, если за ней следили? Что, если за ней послали мордоворотов, которые доложат о её перемещениях семейству Шамбери?

Но тогда в номер вошла она сама, её живот был большим и прекрасным. За ней проследовали Шарлотта и совершенно вымотанный Паркер. Мэтт медленно поднялся: его глаза округлились, а руки заметно тряслись, пока он разглядывал её.

Было совершенно ясно, что он и понятия не имел о её беременности.

— Что... — Он сглотнул, таращась на её выпирающий живот. — Как... — и тогда он пересёк комнату, чтобы обнять её за плечи, сохраняя полное молчание. Она плакала, он тоже, и, если я не ошибался, то и Эльза вместе с Шарлоттой.

Какого чёрта! У меня самого глаза были на мокром месте.

— Почему ты не сказала мне? — спросил Мэтт у Ким.

— По крайней мере, теперь мне точно не придётся давать ему пинка под зад, — промурлыкала Эльза, после чего мы все вышли, чтобы, наконец, оставить их наедине.

Глава 58

Эльза

— Я не могу принять их, — сказал Мэтт.

Какие глупости! Повернувшись к Ким, я взяла её руку в свою.

— Этого, конечно, не достаточно, но на первое время хватит.

Её тёмные выющиеся волосы рассыпались по плечам, в то время как она рассматривали у себя на ладони серьги с изумрудом. Но она явно была умнее Мэтта, потому что её пальцы

сжали драгоценные камушки в кулак.

— Спасибо, — со смущенной улыбкой пробормотала она.

За минувший час мы детально обсудили, что делать с нашей невероятно запутанной ситуацией. Великая Герцогиня Эйболенда мечтала о том, чтобы получить выгоду от судовых регистров Ваттенголдии. Моим родителям требовались горы ликвидных активов. Шамбери жаждали землю и трон. И никто из них не спрашивал, чего хотим мы, их дети и наследники. Но сейчас, когда мы все вместе находились в дорогуших покоях Парижа, вся наша компания решилась взять контроль над своими судьбами в свои руки.

Первым делом мы с Кристианом поможем найти укрытие Мэтту и Ким. Это, конечно не было пределом мечтаний, но зато они будут вместе. А это было именно тем, чего они оба, по их словам, хотели. Паркер сообщил, что с помощью частного детектива он смог найти неприметный никем вход в её дом, через который они смогли покинуть его. Ким позвонила своей семье с телефона Шарлотты, прося их немедленно скрыться в другом месте. Ни я, ни Кристиан не имели при себе кучи денег, но у меня были изумрудные серьги для начала. В тот момент я чувствовала такое злорадство, что предпочитала отдать их Мэтту с Ким, а не своим родителям.

Паркер и Шарлотта перешли в стратегический режим, резервируя перелёты и решая проблему с жильем для будущих родителей. Это было не так-то просто: Шамбери сохраняли свои влияние во Франции и Италии, да и Нью-Йорк точно отметался, так как был первым среди мест, где стали бы разыскивать пропавшего принца.

Никто из нас не имел готовых ответов. Была лишь уверенность в том, что мы поступали правильно.

— Знаешь, — пробормотал Кристиан, когда мы обсуждали возможные варианты, — может, нам стоит основать новый клуб. КОБВ.

Я постукивала пальцем по подбородку, размышляя над аббревиатурой.

— Королевское общество безбашенных влюблённых?

Он посмеялся, а потом поцеловал в шею, прямо под ухом.

— А вот и нет. Королевское общество беглецов.

— Беглецов — это же одно слово. Тогда было бы КОБ.

Он обнял меня, и эти объятия были такими тёплыми, уютными и приятными, что, слава Богу, были совершенно не сравнимыми с братскими. — Ну да, поторопился.

— Сначала Изабель, теперь Мэтт, — я хихикнула в его рубашку, — побеги приняли эпидемический характер среди молодых королевских особ Европы.

Спустя несколько минут к нам подтянулся Мэтт. Его руки были засунуты в карманы.

— Ваше Высочество, вы можете делать всё, что вам хочется. Наша свадьба отменится.

Моя улыбка нарисовалась быстрее скорости света.

— Мне нравится делать то, что мне хочется.

К нам присоединилась Ким, и их руки сомкнулись подобно магнитам, неспособным противостоять друг другу. Он нежно усадил её на диван, чтобы она отдохнула, отчего она напомнила ему, что женщины рожают детей с испокон веков, и она еще насидится в самолёте. Кроме того — она продолжала спорить — она сама врач, поэтому куда ему, технарю, знать, что для неё лучше.

Кристиан был прав. Мне нравилась Ким.

Слегка приподняв бровь, Мэтт спросил меня:

— Наверное, Принц Густав и Принцесса София расстроятся, когда деньги Шамбери

уплывут в неизвестном направлении?

О, несомненно. Но Мэтта это несколько не должно волновать.

— Они расправили постель, и сейчас, должно быть, лежат на ней. На то время, когда вы будете покидать Париж, я запланировала милый и долгий разговор с Их Светлостями как раз по этому поводу.

— Удачи тебе, — сказал он мне. Наши объятия на прощание ощущались так, какими и должны были быть: тёплые обнимашки по-братски идеально подходят для друзей.

Глава 59

Кристиан

Каждая частица меня сопротивлялась позволить Эльзе сесть в самолёт с Гретой, а не со мной, хотя я и понимал, что это нужно сделать.

Теперь мы должны были продолжать бороться поодиночке.

Паркер и Шарлотта незаметно вывели Ким из гостиницы. Мэтт же вышел открыто после чего растворился в Париже, не оставив ни единой записки. Мэтт опасался, что даже если он не упомянет имени Ким, к её семье тут же будут высланы амбалы. Было лучше сбежать без слов, оставив как можно меньше следов. Они улетели напрямик в Шотландию, чтобы пожениться. А насчёт всего остального, насчёт нас с Эльзой, у нас не было чёткого видения развития событий.

— Так будет безопаснее, — объяснял Мэтт, — Эльза справедливо может настаивать на правдоподобном отрицании.

Я отвёл его в сторону и задал вопрос: не может ли Эльза стать ещё одной мишенью мстительных Шембери. Он был абсолютно уверен, что нет. Если бы так было, и об этом бы кто-то прознал, то это поставило бы крест на их семейных планах в будущем вернуть себе власть.

Тем не менее, наша четвёрка — Эльза, Паркер, Шарлотта и я — всё обсудили. Охрана возлюбленной должна быть постоянно начеку; для её безопасности также будут предприняты дополнительные меры. В ту ночь, когда Шамбери осознали, что Мэтт не выйдет на связь, согласно их договорённости, шквал звонков обрушился на полицию, в Интерпол, и даже на Эльзу. Мне пришлось приютиться в номере, снятом для Паркера, переживая за то, что оставил её одну перед лицом их гнева. Кстати, в кои-то веки пресса оказала нам услугу.

Появились фотографии, доказавшие, что ранее в тот день Мэтт покинул отель, живой и невредимый, с улыбкой на лице.

Не прошло и часа с момента получения дворцом известия об исчезновении Мэтта, как Эльзу вызвали домой. С Елисейских Полей вернулась Грета, гружёная многочисленными сумками из эксклюзивных магазинов, и, только мы успели перевести дух, как она уже упаковала чемоданы Эльзы и вызвала машину.

Наше время закончилось, и я даже не смог сопроводить её до аэродрома.

Как же чертовски тяжело было осознавать, что нас разделяло не просто расстояние, а страны и неопределённость. Теперь никто из нас не должен был жениться на ком-то другом, но это не означало, что преодолены все преграды. Впереди нас ждут разговоры, способные резко перевернуть наши судьбы. Она должна пойти наперекор своей семье, а затем помочь им найти выход из того бардака, который они сами создали. Моему уважению к ней не было

предела. Наследная Принцесса Ваттенголдии сделает всё, что в её силах, для своей страны.

Что до меня... Я должен был закончить то, что начал, и гарантировать безопасные и комфортные условия для брата и отца. Предстояло принять решения, пусть и взвешенные, но с которыми нелегко будет согласиться, и неважно, как сильно мы бы хотели обратного.

Не таким уж и простым был мост, который мы так надеялись перейти.

Глава 60

Эльза

Во время завтрака перед моим лицом на стол шлёпнулась главная газета Ваттенголдии. Да с такой силой, что моя чашка с чаем задребезжала. Со страницы на меня зловеще смотрели мы с Мэттом, сфотографированные в парижском ресторане. Никто из нас не выглядел счастливым, оно и понятно: у нас не было для этого поводов.

"Принцессе Эльзе грустно в Париже" — кричал заголовок. Как же жаль, что они не видели меня спустя час после того, как было сделано это фото, когда я уж точно не грустила в салоне лимузина.

Поверх первой упала другая газета: "Принц Матье пропал после уютного свидания с принцессой Эльзой". К кучке добавилась третья: "После исчезновения возлюбленного обезумевшая от горя Принцесса Эльза вернулась домой".

Своим длинным пальцем мать щёлкнула по тексту.

— Что это за кошмар! На весь мир!

— Как восхитительно иронично слышать это именно от тебя, — мой голос стал совершенно ледяным, когда я невозмутимо смотрела на свою мать.

С другого конца стола донёсся раскат недовольного удивления от отца. Его лоб представлял собой несколько рядов из глубоких впадин, когда он смотрел на меня поверх края его газеты.

Я сложила руки на коленях, выпрямила спину и подняла высоко голову. Я Принцесса, наследница короны Ваттенголдии. Я смогу, я сделаю это. По моей просьбе они оба присутствовали за завтраком, так что разговор состоится.

— Я знаю, что ты сделала, — я указала матери на кресло, чтобы она присела. И затем, дождавшись глазного контакта с отцом, добавила, — что вы оба сделали. И сегодня я собираюсь сказать вам, что не позволю вам разменивать наши с Изабель жизни и счастье, чтобы загладить свои ошибки в управлении деньгами налогоплательщиков.

Мать совершенно побледнела и потускнела, как только упала в кресло.

— Мам, все эти мошеннические схемы стары как мир. На них ушли почти пять миллионов евро, которые должны были быть потрачены с умом, — из-под стола я вынула папку, взятую с собой. В ней было всё, что смогли собрать Джозеф, Шарлотта и Паркер касательно неудачных вложений матери.

— Скажите мне, сколько вам пообещали Шамбери за мою руку? Или, может, Великая Герцогиня? Общей суммы хватило бы для того, чтобы скрыть от всех, что вы натворили?

Её Светлость София впервые за очень длительный отрезок времени совсем потеряла дар речи.

— Как ты смеешь так разговаривать со своей государыней?!

Моё сердце на мгновение замерло, когда я встретила с глазами отца. Может, лицо матери и было белым, но Принц Густав весь покраснелся от ярости.

— Я думала, что ты и сам не меньше меня негодовал бы от того, что произошло, — сказала я своему государю, — как член правящей семьи Васа, я была шокирована тем, как деньги, упорным трудом заработанные нашими гражданами, были так глупо выброшены на ветер во времена, когда весь мир переживает экономический кризис.

— Ты забываешь своё место, — огрызнулся он.

Как он ошибался!

— Я обязана этой величайшей стране, чьё благосостояние в данной ситуации стоит для меня на первом месте. Как будущий правитель Ваттенголдии я не позволю использовать себя для прикрытия подобных мерзостей.

Принц аккуратно сложил газету и положил рядом со своей тарелкой. В его суженных губах и налитых глазах было что-то ещё.

Смею надеяться, что это была гордость.

От шока мать принялась тихонько всхлипывать.

— Ты не понимаешь, — прошептала она, — пресса смешает нас с грязью. Могут даже потребовать сложения короны.

— Уж можешь быть уверена, — мой тон хоть и смягчился, но лишь на самую малость, — в общем, работая вместе, я хочу помочь вам найти способ восполнить фонды, но я отказываюсь становиться разменной монетой, на которую вы так рассчитываете. Если учесть, что это самая страшная вещь для наших граждан... для тех, кто доверяет нам. Расскажем им, что обожаемые ими монархи продали своих дочерей за деньги, и одна сбежала ради того, чтобы избежать подобной участи? Или, может, вы сами признаетесь в своих ошибках, приложите максимум усилий, чтобы им это объяснить и обещать сделать всё, что в ваших силах, чтобы вернуть доверие Ваттенголдии, исправив ситуацию?

Молчание в комнате слишком затянулось. Часть меня хотела кричать на них, спросить, почему они не рассмотрели другого варианта, почему так легко было использовать нас с Изабель, чтобы разрулить свои проблемы.

Но я кричать не стала. Драки с криками ничего бы сейчас не решили. Родителям не хватает ясности ума. Я Наследная Принцесса, и лучше уж я буду держать себя в руках.

Я нужна своей стране, и я буду стоять за неё, даже если их настоящие правители не делают этого.

— Наши хранилища завалены произведениями искусства и антиквариатом, их можно незаметно пустить с молотка, или, ещё лучше, передать в музеи страны в счёт оплаты. Будем смотреть на это как на повод для нашей семьи пересмотреть своё место в ваттенголдском обществе и решить, как можно рационализировать монаршие расходы.

В течение нескольких долгих секунд отец пристально смотрел на меня. У меня чуть спина не треснула от напряжения. Но потом он кивнул и снова взялся за свою газету.

На следующий день по просьбе Его Светлости я вошла в его кабинет. Там был Биттнер, работавший бок-о-бок с отцом.

— Вы хотели видеть меня, отец?

Биттнер откланялся. Думаю, что после вчерашнего завтрака, он понял, что от меня лучше держаться подальше.

— Прежде, чем мы снова вернёмся к этому вопросу, Эльза, ты что-нибудь слышала о своей сестре? — спросил меня отец.

Это был первый раз, когда кто-то из родителей подумал меня об этом спросить.

— Да, с миру по нитке. Это ведь она вскрыла причину, почему вы так хотели, чтобы мы

посетили Саммит в этом году. Вернее, она и её новоиспечённый муж.

Он был также ошеломлён этой новостью, как и я когда-то.

— Мне всегда казалось, что он не особо блещет умом.

— Как видишь, он оказался умнее, чем кто-либо из нас мог о нём подумать.

Как и Изабель.

Его Светлость надолго замолчал.

— Я рад слышать, что она вышла с тобой на связь.

— Вообще-то, это не так. Она позвонила другому человеку, который смог мне передать эту информацию.

Его густые брови взметнулись кверху.

— И кто же это мог быть?

Я скатилась в старинное кресло, стоявшее напротив его стола.

— Принц Эйболенда Кристиан.

Его лицо озарило удивление.

— Но я думал, что он её несколько не увлёл. Она сказала, что он был невозможно скучным, и умоляла меня не выдавать её за того, кто сделает её жизнь несчастной.

О, Изабель! Если бы сестрёнка была здесь, я от всей души сжимала бы её сейчас в объятиях.

— Они не подходили друг другу, это действительно так. И, всё же поправлю её, он совсем не скучный, — я собралась с мужеством, несмотря на всю ту неопределённость, что маячила на горизонте, — тем не менее, она позвонила ему, так как была в курсе о наших чувствах друг к другу, и правильно полагала, что он передаст мне её подозрения.

Теперь и у отца не осталось слов.

— Вчера я выразила свою готовность помочь предотвратить бедствие, надвигающееся на Васу. И я даже приму участие вместе с вами в пресс-конференции, запланированную Биттнером на завтра. Всё, о чём я прошу, это выслушать меня. Дать мне сказать и, может, даже показать, что в вас бьётся сердце того принца и отца, которым я так долго восхищалась.

Было больно видеть, как он поморщился, после чего на его лице появились складки сожаления.

— Ты собирался выдать меня замуж за свергнутого принца в надежде наполнить карманы банкнотами...

Сожалел он или нет, но моё имя прозвучало с его губ как предупреждение.

И всё же я продолжила:

— Многие не смогли бы этого простить.

Он не извинился, да я и не ждала от него этого.

— И всё равно я здесь, — сказала я, — я всё ещё здесь, и я прошу твоей помощи.

Его губы сжались, на многие и долгие секунды, повисшие между нами. Наконец, он буркнул:

— Можешь считать, что я заинтригован.

— Человек, в которого я влюблена — и он же влюблён в меня — это Наследный Великий Герцог, который обязан наследовать трон своей страны.

Перебаривая моё заявление, отец задумчиво постукивал по подбородку сложенными вместе пальцами.

— А Великая Герцогиня Эйболенда осведомлена об этих отношениях?

— Если ещё нет, то скоро будет, — или около того, как утверждал Кристиан, когда они

расставались. А раз он никогда не давал мне поводов сомневаться в себе, то и сейчас я не буду этого делать.

Кресло под отцом скрипнуло, когда он подался вперёд.

— Ты хочешь знать, вероятен ли такой союз.

— Да.

Он буркнул.

— И находишь ситуацию с Шамбери... непривлекательной, — его пальцы вернулись на стол, продолжая свои постукивания, но уже спокойнее. — Говоришь, что любишь его?

— Да.

Он потянулся за блокнотом и ручкой. Очки снова обрамляли его глаза. Я терпеливо ждала, когда по пергаменту потекут чернила, изо всех сил, не давая себе вскочить с кресла, чтобы прочитать написанное.

Когда он закончил, то положил ручку в чёткую параллель со своими записями.

— Я ожидаю тебя на конференции.

Лучше и представить было нельзя. У нас впереди долгий путь восстановления доверия внутри семейного круга, и ещё многое предстоит сделать, чтобы не дать наследию Васа пропасть без следа в анналах истории Ваттенголдии. Но пока я рада тому, что могу верить — или, по крайней мере, надеяться — что услышу благоразумный совет, и признать, что, может быть — просто, может быть — мы с родителями преодолеем это и вместе сможем восстановить репутацию нашей семьи.

Глава 61

Кристиан

Дорога в Ваттенголдии была гладкой и неприветливой, небо — тёмным. Три месяца, что я не виделся с Эльзой, были сплошным хаосом.

Объявление принцем Густавом о растрате средств налогоплательщиков на содержание дворца вызвало волну возмущений в их княжестве. Сказать, что у них всё было хорошо, было бы полным враньём, потому что в стране, всегда гордившейся своим наследием, вскоре стали звучать призывы к отмене монархии. Несмотря на принесённые официальные извинения и обещания по возмещению убытков, Густав ни разу не выказал страха и не впал в оправдания, как многие другие правители, которые, как я знал, не стеснялись переводить стрелки на козлов отпущения. Хотя я по-прежнему думал, что то, что он пытался сделать со своими дочерьми, было омерзительно, в то же время сейчас я не мог не восхищаться им.

Он признал свои ошибки и выразил готовность заплатить за них, чтобы исправить ситуацию.

Эльза ни в чём не уступала отцу, неустанно работая с парламентом и народом, чтобы помочь разрешить ситуацию. За что, я был чертовски горд ею, ведь проходя через всё это, она сохранила хладнокровие и доказала Ваттенголдии, почему — если они решат сохранить монархию — их будущее будет в надёжных руках.

По возвращении из Парижа в Эйболенд, оказалось, что Лукас совсем не шутил, когда говорил, что Волчица меня запрёт. Круглыми сутками в течение первых недель мы орали друг на друга. Я был сыт ею по горло. Как только брат подтвердил, что все деньги, которые я просил перевести на, недоступные её ручонкам заграничные счета, гарантируя финансовую защиту отцу и брату в случае разбора полётов, переведены, я сообщил Великой Герцогине

Эйболенда, что конкретно я о ней думал. О её образе жизни, о том, как она испоганила детство обоим сыновьям и как до основания разрушила жизнь отцу. Она же угрожала вычеркнуть меня из очереди наследования, против чего я возражать не стал.

— Если ты думаешь, что мне есть хоть какое-то хреново дело до того, что ты думаешь обо мне, — сказал я ей одним дождливым днём, — то, боюсь, что расстрою тебя до конца твоей жизни.

Я поднял с её стола газету, ту, заголовок которой кричал о постепенном обесценивании роли монархий в мире, подтверждением чему стал скандал в Ваттенголдии. Я бросил её на край рядом с матерью.

— Меня достало быть твоим Прекрасным Принцем.

Вскоре позвонил Густав. После чего в течение последующих недель было ещё много звонков, сопровождавшихся звонками от его коллег в Монаршем совете. А я был — и до сих пор оставался — в полном неведении о их намерениях. И это было только начало.

И вот я, с колотящимся сердцем, подхожу к ожидающему меня лимузину. Меня встретил личный помощник Густава, открыв для меня дверцу. Когда я сел на роскошное чёрное кожаное сиденье, то получил сообщение от Шарлотты, вместе с фотографией Эльзы, держащей на руках Дикки. Паренёк широко открыл рот и крепко сжал кулачки, беззвучно ревя с экрана телефона. Я не смог сдержать смеха от выражения лица Эльзы.

— Могу я обратиться к вам, чтобы узнать, как прошёл ваш перелёт, Ваше Высочество? — спросил Биттнер с переднего сиденья.

— Без происшествий, — я отправил Шарлотте короткое сообщение в ответ, после чего написал Паркеру. Он остался во дворце, чтобы помочь Лукасу разобраться с оставленными мной давнишними делами. — И намного короче, чем в апреле до Калифорнии.

Он тактично хихикнул, и остаток поездки мы провели в тишине.

Через несколько минут моему взору предстал розовый дворец, по краям обрамлённый белым цветом. Хотя и не Херст-касл, но по-своему очаровательный. Династия Васа правила этой землёй вот уже почти четыреста лет, и, несмотря на нынешние невзгоды, у меня были небольшие подозрения, что их род на какое-то время будет продолжен. Густав и София вряд ли смогут вернуть себе популярность, но Эльза — другое дело.

Как только мы оказались на подъезде ко дворцу, я увидел Принца Густава, ожидавшего меня около бокового входа. Когда я выбрался из машины, принц сжал моё плечо.

— Рад встрече с тобой, Кристиан.

— Спасибо, Ваше Высочество.

Он не обиделся на то, что я не ответил ему тем же приветствием. Зато он спокойно сказал:

— Полагаю, всё в порядке?

Я подавил желание горько рассмеяться. Но это было не так. Я был здесь, и только это имело значение.

— Насколько это возможно, сэр.

Несколько служащих дворца выгрузили из машины мой багаж.

— С Великой Герцогиней временами бывает сложно, — сказал Принц Густав, когда мы направлялись во дворец. — Я бы хотел сказать, что она ещё поменяет своё мнение, но мы оба знаем, насколько малы шансы этому случиться.

И всё же сейчас меня это устраивало.

— Не так-то просто всё изменить, — признал я.

Но иногда именно это и нужно сделать.

— Что это? — он показал на коробку у меня в руках.

— Исполнение обещания вашей дочери, — сказал я ему.

Дальше он решил не расспрашивать.

— На этой неделе мне несколько раз звонили из Монаршего совета, — сказал он. — Хотел бы я сообщить вам обоим их резолюции прямо сейчас, но...

— Но традиции превыше всего.

Он натянуто улыбнулся.

— Как ты только что сказал, не так-то просто всё изменить. Для нас традиция часто и есть закон. Так вот, не все в МС настроены категорично против вашей ситуации. Мы ещё будем это обсуждать, Кристиан. Помимо этого, я больше ничего не могу гарантировать, по крайней мере, сейчас, — он снова хлопнул меня по плечу. — За исключением того, что Эльза может рассчитывать на мою поддержку, — перед его глазами встала перспектива, когда он, без сомнения, раздумывал над своими жалкими вариантами, касавшимися этой и другой его дочери, вынужденной сбежать из-за его действий.

Да уж, не так-то просто всё поменять.

Глава 62

Эльза

Когда со сковородки до меня донёлся запах подгоревшего масла, я швырнула деревянную ложку в дальний угол кухни. Что бы там Шарлотта ни говорила, готовка ничуть не помогает расслабиться.

— Новое начинание, Эльз?

Резко обернувшись посреди просторной дворцовой кухни, я увидели позади себя Наследного Великого Герцога Эйболенда, привалившегося к дверям и державшего в руках квадратную коробку.

Мне, наверное, всё это снилось. Потому что Кристиан должен был быть в Эйболенде, на церемонии закладки основания для новой школы.

Я смотрела на него, а мои колени тряслись. Мои руки не находили себе места. Всё, на что я оказалась способна, это произнести его имя. Лишь его имя, в двух слогах которого была заключена тысяча вопросов и надежд.

Три месяца. Если не считать Скайп, мы не виделись чуть больше девяти дней. Хоть время наших физических контактов так быстро закончилось... все эти девять дней мои чувства к нему росли в геометрической прогрессии, несмотря на страх, что наше совместное будущее было под большим вопросом.

Любовь всей моей жизни нарушил контакт наших глаз, предварительно одарив меня своей слишком божественной улыбкой — прекрасной, самодовольной, ослепительной улыбкой — отчего мне ужасно захотелось броситься к нему в объятия и поцеловать уголок его губ.

— Бедная ложка. Что она тебе сделала?

— Сожгла масло, — сказала я. — И нет, это не начинание. Я уже дважды сожгла его из-за этого дурацкого рецепта.

— Я имел в виду швыряние ложек.

— А! Тогда, да. До этого момента я держала себя в руках.

Он прошёл через всю кухню до места, где я стояла. Моё сердце выпрыгивало из груди. И я вполне могла бы упасть в обморок, что было бы весьма прискорбно, потому что по моим артериям неслась и искрилась надежда подобно фейерверку в сказочном небе.

— Ты не рассказывала мне о том, что среди твоих хобби есть готовка, — беспечно сказал он.

— Мы не всё рассказываем друг другу. Например, ты не сообщил мне о том, что собирался приехать в Ваттенголдию.

— Чтобы разрушить весь сюрприз? — он поцокал. — Ну уж нет.

Мужчина протянул коробку. Внутри неё был пирог. Я посмотрела на него, с трудом сдерживая широчайшую улыбку.

— Яблочный?

— Нам уже давно пора порезвиться с пирогом. По-моему, клуб ИПС давно не собирался.

Я усмехнулась от его каламбура, укладывая пирог на кухонный стол. Затем я дотянулась до него и прислонила ладони к его теплой груди.

— Разве Великая Герцогиня не повесила на твоей двери замок?

— Вообще-то, всё произошло очень по-рапунцеловски, — пошутил он. — Но я боялся, что ты не придёшь и не взберёшься по моим волосам, чтобы спасти меня из замка. Мне пришлось сбежать и самому найти того, кто приготовит пирог.

Я приподняла бровь.

— Ладно, — сказал он. — Паркер сходил и принёс его мне. Здорово, что он у меня есть.

Я посмеялась. Видеть его здесь, на моей кухне, после такой долгой разлуки... В то время как мои чувства к нему нисколько не померкли, я вполне осознавала, в каком тупике мы находимся. Пусть теперь никому не придётся жениться против собственной воли, но между нами всё равно стояла традиция. Ваттенголдия переживала кризис, требуя от членов королевской семьи сохранять бдительность в глазах общественности. Эйболенд приближался к серебряному юбилею Великой Княгини. Оставалось совсем мало времени на эгоизм, когда можно было забыть про наши обязательства.

Но он был здесь. На моей кухне. В Ваттенголдии.

Особенно приятно было видеть этого мужчину на кухнях.

Он приложил ладонь к моему лицу.

— Я скучал по тебе, Эльз. Фиг с ним, с пирогом. Я приехал сюда сегодня, потому что мне нужно было сказать тебе это.

Любовь. Радостное, прекрасное чувство любви к этому человеку наполняло каждую мою клеточку.

— Я тоже очень скучала по тебе, — маленькие феи пустились в пляс в моей груди. — И я рада тебя видеть, но я думала, что ты будешь присутствовать на церемонии основания?

Он наклонился ближе, касаясь моих губ своими. Я наслаждалась этим поцелуем и тем, как всё моё тело отвечало ему.

— Лукас остался вместо меня. Есть более важные места, которые я должен посетить. Например, собрание ККН. Нам же нужно, наконец, перейти этот мост.

Время остановилось. Всё замерло, кроме нас и наших сердец, тяжело бьющихся в волшебном унисоне.

— Я думала, что мост под охраной, — сказала я тихо. — Или он затерялся. Или взлетел на воздух. Или что его вообще больше нет, потому что за ним присматривали тролли МС.

Он медленно покачал головой.

— Я нашёл мост, Эльз. Я также знаю, как его перейти. И путь этот — чертовски простой. Не знаю, как я раньше до этого не додумался.

Глава 63

Кристиан

— Видишь ли, секрет в том, что я выбираю тебя.

Её синие глаза — такие прекрасные и невозможно выразительные — моргали в непонимании. Они также легко гипнотизировали меня сегодня, как в тот первый вечер, когда она спросила, не девственник ли я. Причём я только что осознал, что был им. Не в буквальном смысле. Метафорически. Потому что я никогда по-настоящему не любил. Только сейчас, и только её одну.

— Не знаю, что будущее нам готовит, — мой голос звучал твёрдо. Спокойно. Уверенно. — И не знаю, допустит ли когда-нибудь МС свадьбу Наследной Принцессы и Наследного Великого Герцога. Но я решил, что это и не важно. Я выбираю тебя.

— Что это значит?

— Это значит, что пока я буду жить надеждой, что однажды МС и весь мир признают наш союз, я устану ждать. Три месяца не видеть твоего лица так близко — это слишком долго, Эльз.

— Так, хорошо, я тоже соскучилась по твоему лицу, — сказала она. — Но что всё это значит?

Наши ладони сплелись.

— Это означает, что я здесь. Мы будем продолжать давить на МС и парламенты наших стран, если всё будет к этому идти, но чем бы это ни закончилось, я буду здесь. Сейчас ты нужна Ваттенголдии. Так позволь мне стать твоей опорой в эти кризисные времена.

Я еле расслышал её слова:

— Ты отрекаешься от наследования?

— Официально? — спросил я. Она кивнула, поэтому я уточнил. — Формально я не отрёкся. Неофициально? — я улыбнулся. — Мы долго и много общались с Лукасом, обсуждая вариант, при котором МС не позволит нам обоим сохранить наши титулы. И он согласился занять моё место, если и когда это потребуется.

— Я не могу позволить тебе сделать это, — она сглотнула. — Ты Наследный Великий Герцог. Ты нужен Эйболенду, особенно после правления Волчицы.

Приятно было слышать это от неё. Ведь она знала про двуличность моей матери. Но намного важнее было то, что она верила в меня. — Эйболенд не переживает кризис. В отличие от Ваттенголдии. И я не хочу дожидаться лучших времён, чтобы принимать решение. Я люблю тебя, Эльз. Я хочу быть с тобой. И я надеюсь, что ты тоже хочешь быть со мной.

— Ты что, спятил? — спросила она. Но к ней снова вернулась её великолепная улыбка. — Конечно же, я хочу быть с тобой.

— Тогда всё решено. Я здесь. И это может стать своевременным отвлечением внимания публики. Ты и я — несчастные влюблённые. Твои родители хотели сказку, так? На публику? Кроме того, я богат, помнишь? Очень, очень богат! И у меня есть те банковские счета, к которым у Великой Княгини нет доступа, с кучей денег, никак не связанных с короной.

Ее бровь снова изогнулась.

— Ты даже не знаешь, хочу ли я, чтобы ты остался.

О, да! Как я люблю, когда она дерзит!

— Я надеялся, что от моей «слишкомости» при встрече ты совсем потеряешь голову.

Она ахнула в притворном возмущении.

— Хорошо, если ты хочешь, чтобы я уехал... — я махнул рукой в сторону двери и сделал шаг назад.

Она снова притянула меня к себе.

— Ох уж эта проклятая «слишкомость», — пробормотала она, — и ещё, смогу ли я когда-нибудь загладить это?

— Ты о том, что считаешь меня обладателем какой-то мистической «слишкомости»?

Она эротично рассмеялась.

— Ты никуда не едешь, Крис.

— Отлично. И теперь, когда мы обо всём договорились...

— О, нет, мы ещё ни о чём договорились, — её взгляд был наполнен решимостью. — Как бы тяжело нам не было, я не собираюсь позволять тебе отречься. Мы должны перетащить МС в двадцать первый век, как бы он ни упирался, тогда мы точно добьёмся желаемого. Нам не нужно выбирать между любовью и долгом. К чертям традицию. Места хватит для нас обоих. Разве мы не сможем совместно править двумя государствами?

И её оптимизм я очень любил. По правде говоря, я всё в ней любил.

Я любил её всю.

Я набрал побольше воздуха в грудь и рассказал ей всё, над чем размышлял эти последние месяцы.

— Ну, а пока, у меня есть одно предложение для нового начинания.

— Оу?

Мои руки обвили её талию.

— Давай впредь безумствовать и резвиться только вместе.

Пока она обдумывала, её глаза всё больше и больше округлялись.

— Блин, да ты, и правда, Прекрасный Принц!

— Нет, — сказал я ей. — Я просто Крис, парень, без памяти влюбившийся в девушку по имени Эльза.

Потому что именно так сложилось. Короны, троны, долг... они важны, да.

Но и мы тоже.

Она нежно спросила:

— Все лучшие соглашения скрепляются поцелуем, так?

Уголки моих губ вздёрнулись ещё выше, когда я вспомнил свои же слова.

— О, конечно!

На кухне, в восьми тысячах миль от того места, где мы впервые поцеловались, мои губы коснулись её в сладчайшем обещании. Мы встретились на середине моста, который искали месяцами, и теперь мы вместе перешли на один берег.

А после бесконечных поцелуев и открытия бутылки шампанского мы, наконец, попробовали наш первый яблочный пирог, что и следовало бы сделать старым добрым членам ИПС и ККН, договорившимся провести жизнь вместе.

Теперь я знал, что порой новые традиции могут быть лучше старых.

Конец

Больше книг на сайте - Knigolub.net